

АРТ

СОДЕРЖАНИЕ

6+

ЖУРНАЛУ «АРТ» — 15 лет

От главного редактора	4
<i>Т. Снигирева.</i> Социокультурная стратегия журнала «Арт (Пад)»	6

ПРОЗА. ПОЭЗИЯ

«Я за них перед Богом в ответе...». <i>Стихи</i>	14
<i>Ю. Екишев.</i> Зелёная ветвь. <i>Повесть</i>	29
<i>А. Шебырев.</i> Музгар. Лёнин. Кэрт. <i>Висьтъяс</i>	60
<i>О. Уляшев.</i> Путь Пана. <i>Повесть</i>	74

ЗЫРЯНСКИЕ ШТУДИИ

<i>П. Лимеров.</i> Мифология в жизни одной хантыйской семьи .	110
<i>В. Ванюшев.</i> Удмуртский героический эпос «Дорвыжы» и «Биармия» Каллистрата Жакова: общее и особенное ...	142

АРТ-ФАКТ

<i>А. Котылев.</i> По эту сторону Биармии (о работах художника <i>П. Микушева</i>)	154
--	-----

ОБЗОРЫ. НОВОСТИ. ПИСЬМА

<i>Е. Остапова.</i> Вуджодчан гы вылын	178
<i>Нам пишут</i>	182
<i>Новости</i>	189

Приложение к журналу: «Коми фразеологизмы»

**Республиканский литературно-публицистический,
историко-культурологический, художественный журнал**

**Республикаса литература, публицистика,
история, культурология да художественной журнал**

Издаётся с 1997 года четыре раза в год на коми и русском языках.

Публикация материалов по освещению реализации социально значимых проектов осуществляется при государственной поддержке в форме субсидии Агентством Республики Коми по печати и массовым коммуникациям.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-35079 от 23 января 2009 г. зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций.

Учредители: *Агентство Республики Коми по печати и массовым коммуникациям,
Министерство национальной политики Республики Коми,
МОД «Коми войтыр»*

Главный редактор — Галина Бутырева
Зам. главного редактора — Павел Лимеров

Адрес редакции: 167982, г. Сыктывкар, ул. Карла Маркса, д.229, каб. 136, тел./факс: (8212) 201-499. E-mail: artkomi@mail.ru <http://www.artlad.ru>

© «Арт», 1998 г.

Подписано к печати 20.11.12. Формат: 70×100 ¹/₁₆. Печать офсетная. Усл. п. л. 14,19 + вкл. 1,29.

Тираж — 1200 экз. Заказ 7496. Отпечатано в ООО «Коми республиканская типография» с дискет заказчика в полном соответствии с качеством предоставленных материалов, 167982, г. Сыктывкар, ул. Савина, 81.

Цена свободная

Подписной индекс **78503**

Все права на материалы, опубликованные в номере, принадлежат журналу «Арт». Перепечатка без разрешения редакции запрещена. При использовании материалов ссылка обязательна. Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

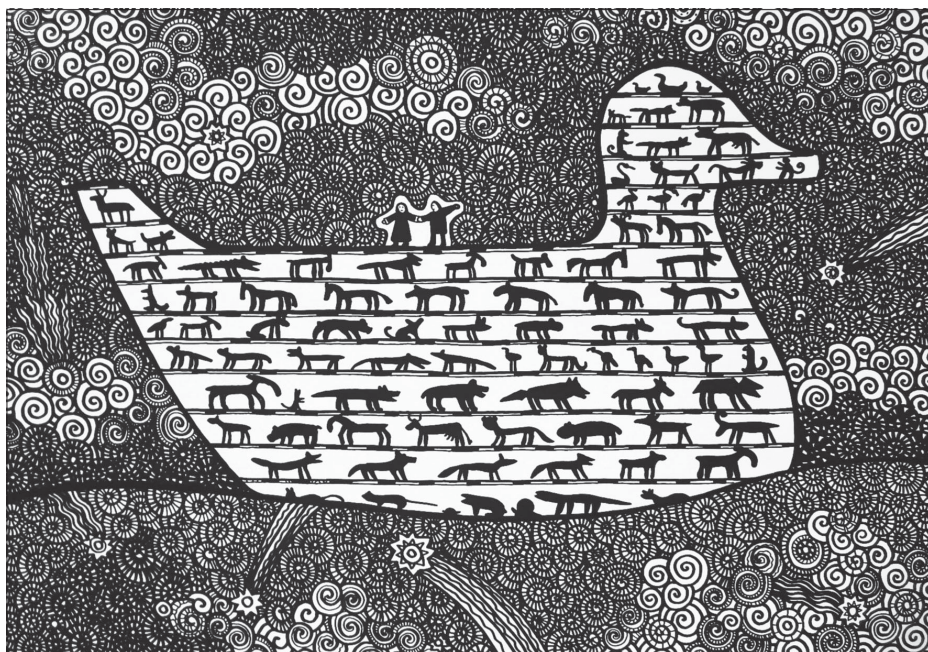
В оформлении обложки использована картина П. Г. Микушева «Свадьба рыбы и медведя». Х., м., 2006 год.

В оформлении заставок использованы работы Ю. Лисовского.

Материалы, не опубликованные в журнале, редакция не рецензирует и не возвращает авторам. Публикуя материал, редакция не обязательно поддерживает точку зрения автора.

Журналын йӧзӧдтӧм гижӧдъяс редакция оз рецензируют и авторъяслы найӧс оз мӧдӧд. Редакция оз век во ӧти кывйӧ авторъяскӧд.

Журналу «Арт» — 15 лет

Слово о журнале

27 ноября 1997 года вышел первый номер журнала «Арт».

Никогда такое издание не появляется вдруг, из ниоткуда. Идея литературно-художественного «толстого» журнала на русском и коми языках наверняка витала в воздухе уже давно, но как и любая другая идея, она должна была «созреть», а происходит это обычно только в свой урочный (кем-то определённый...) час. Не раньше и не позже. Я уже не раз и не два убеждалась в этом.

Но! Очень важно не пропустить этот «час»!

С журналом «Арт» всё сложилось, кажется, вовремя и более или менее удачно, несмотря на тогдашнюю крайне неблагоприятную социально-экономическую ситуацию в республике, да и в стране в целом.

Видимо, в России это уже почти закономерность: чем труднее, тем лучше... для культуры особенно.

Я всегда поражалась, когда где-то читала, сколько театров открылось в первые десятилетия после революции семнадцатого года, — только в Москве более десятка...

Наш журнал начал своё существование, в сущности, тоже в послереволюционное время: эти годы нынче часто называют «лихими девяностыми»...

Зарплату сотрудникам журнала предлагали майонезными банками... О гонорах и речи не было, — со своими авторами редакция смогла расплатиться только спустя несколько лет... Хотя это были совсем небольшие

деньги... Но мы знаем, что некоторые «толстые» журналы в стране и до сих пор гонорары не платят! Поэтому, справедливости ради, надо сказать спасибо нашему правительству, что поддерживало и продолжает поддерживать журнал. А это значит, что читатель имеет возможность знакомиться с новинками и коми, и русских авторов, как на языке оригинала, так и в переводе, — авторов, живущих не только в Коми республике, но и далеко за её пределами. И когда мы говорим о читателях «Арта», тоже имеем ввиду и тех из них, кто живёт в различных финно-угорских регионах страны, а также в Венгрии, Финляндии, Эстонии и т.д.

Нам приятно говорить о том, что журнал «Арт» почти с первых номеров был замечен и признан и в Москве, и Санкт-Петербурге, и Екатеринбурге, и в Перми и т.д. и т.д. Как это ни парадоксально, за пределами республики мы получали и продолжаем получать гораздо больше похвал, чем у себя дома... Так было и на конгрессе русской прессы в Нью-Йорке (2001г.), и на Международной книжной выставке в Гётеборге (2002 г.), и на конкурсе «Победа – 60» в Санкт-Петербурге, где нам присудили звание лауреата. В 2007 г. журнал стал лауреатом «Золотой фонд прессы», а год спустя — членом Союза издателей России, потому что, кроме журнала, мы издавали и издаём и альбомы, и диски, и книги, среди которых трёхтомники наших классиков Г. Юшкова, А. Ванеева и др. Сейчас редакция готовит к изданию трёхтомник Н. Мирошниченко.

Главный редактор журнала «Арт» — Галина Васильевна Бутырева.

Сотрудники редакции журнала «Арт». 2012 год.

Наряду с этим журнал выпускает различные приложения к журналу (детские книжки), занимается организацией различных выставок, концертов — в поддержку творческих проектов своих читателей и т.п.

Сегодня журналу важно заявить себя и в социальных сетях Интернета, и тем самым привлечь новые

поколения читателей, и здесь нам, наверное, не обойтись без самих пользователей Интернета, которые, мы надеемся, придут нам на помощь, и мы вместе создадим по-настоящему современные электронные версии нашего издания. А это в свою очередь даст новый импульс для журнала, и он и впредь будет оставаться востребованным как старшим, так и юным поколением читателей.

Поздравляя всех с пятнадцатилетием журнала, мы хотим поблагодарить Вас за сотрудничество и пожелать новых интересных публикаций на страницах журнала «Арт», настоящих художественных открытий в литературе и искусстве! Всем долголетия, журналу — новых талантливых и верных читателей!

С любовью, редакция журнала «Арт»

** * **

Редакции газеты «Литературная Россия» и журнала «Мир Севера» сердечно поздравляют друзей из самого замечательного журнала «Арт», выходящего на Европейском пространстве.

В переводе с коми языка «Арт» означает «Лад». Мы желаем дружественной редакции, чтобы лад был во всём!

С любовью, литроссияне (г. Москва).

** * **

Огромное спасибо вам за ваш журнал. Мне представилась уникальная возможность познакомиться с коми языком в Исландии. Сразу нахлынули воспоминания о родине...

От всей души хочу поздравить вашу редакцию с юбилеем и пожелать вам успехов в том, что вы делаете. Ну и особенную благодарность хочу выразить за роман, напечатанный в вашем журнале, «Викинг из Биармии». Я просто в восторге, никогда бы не подумала, что так переплетаются судьбы. Много узнала я для себя интересного и всеми этими знаниями я теперь буду в дальнейшем делиться со своими туристами...

Марина Петрова-Бьоронссон, гид, Исландия, 30 октября 2012 г.

Татьяна Снигирева

Снигирева Татьяна Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы XX века Уральского государственного университета. Круг научных интересов: поэзия XX века, феномен российского «толстого журнала», национальная специфика искусства слова. Автор пяти книг, среди них: «А. Т. Твардовский. Поэт и его эпоха», «Русская идея как художественный феномен», «Век девятнадцатый и век двадцатый: реальности диалога», и более 200 статей.

Социокультурная стратегия журнала «Арт (Лад)»*

Литературно-художественный и общественно-политический журнал в России — феномен с большой историей и преимущественно российский.

Магистральные социокультурные стратегии и частные редакторские практики толстого журнала нередко обусловлены форматом, рассмотренным с точки зрения его целевой аудитории в её соотносённости с географической и/или этнонациональной принадлежностью. Функция общероссийского (как правило, столичного) журнала — по-прежнему репрезентация современного литературного процесса, открытие новых имён, сосредоточение внимания на основных литературных течениях и оценка их с точки зрения избранной журналом эстетической позиции. Региональный журнал не может себе позволить стать приверженцем какого-либо одного направления в литературе, его задача — консолидация литературных сил локального геополитического единства. Наконец, современный республиканский журнал, сохраняя некоторые черты, присущие подобного типа журналам советской эпохи (от «Даугавы» до «Литературной Грузии»), как то собрание и продвижение на более широкий геополитический уровень, воспользуемся риторикой той поры, «лучших кадров национальной творческой интеллигенции», ныне значительно модернизировавшись, о чём свидетельствует, на наш взгляд, чрезвычайно интересный и позитивный опыт двуязычного журнала «Арт (Лад)».

Журнал официально позиционирует себя следующим образом: республиканский литературно-публицистический, историко-культурологический, художественный журнал. Издаётся с 1997 года. Выходит четыре раза в год. Учредители: Агентство

* Исследование подготовлено в рамках интеграционной программы УрО РАН «Литературные стратегии и индивидуально-художественные практики пермских литератур в общероссийском социокультурном контексте XIX – перв. трети XX вв.».

Республики Коми по печати и массовым коммуникациям, Министерство национальной политики Республики Коми, МОД «Коми войтыр». В редакционный совет входят представители гуманитарного сообщества Эстонии, Венгрии, Удмуртии, а также Петербурга, Москвы. Главный редактор — известная в финно-угорском мире поэтесса, переводчица, культурный и общественный деятель Г. В. Бутырева, зам. главного редактора — филолог, этнограф, ведущий научный сотрудник коми отделения УрО РАН П. Ф. Лимеров. В специальном «сдвоенном» совместном номере журналов «Арт» и «66» (Хапаранда, Северная Швеция, многоязычный журнал Баренцева региона) главный редактор определяет позицию своего журнала так: «...журнал «Арт» публикует материалы по всему спектру жизни народов коми, включая научные работы в области культуры, истории, этнографии и т.д. «Арт» — двуязычный журнал. В нём печатаются оригинальные материалы на коми и на русском языках, а также переводы с других языков, потому что «Арт» всегда был и остаётся открытым журналом для всех других культур. Здесь печатались такие известные писатели и поэты, как Валентин Распутин, Владимир Крупин, Надежда Мирошниченко, а также многие крупные финно-угорские литераторы и учёные с мировым именем из Венгрии, Эстонии, Финляндии, Удмуртии, Москвы, Санкт-Петербурга, Петрозаводска и т.д.»

Социокультурная стратегия, направленная на сохранение/возрождение самобытной культуры, образа жизни и языка «малых народов» финно-угорского мира, реализуется в системе частных практик журнала, которые делают его «лицо» узнаваемым и значимым.

Прежде всего, это тщательно создаваемая и культивируемая атмосфера журнала, характер обращённости к читателю, которые можно определить как интонацию размышления, результатом которого должно быть соразмышление. Так, открывая весьма рискованную с эстетической точки зрения рубрику «Народная литература», нацеленную на публикацию непрофессиональных авторов, «невыдуманных рассказов» о своей судьбе, истории своего села и т.д. и несущую мощный историко-этический заряд, зам. главного редактора П. Ф. Лимеров в редакционном предупреждении «Народные писатели» берёт тон дружественный, но и высокосерьёзный: «...каждая человеческая жизнь — уникальна, и как таковая обладает уникальным духовным опытом». Финал размышлений весьма характерен для всей интонационной ауры журнала, не чурающегося и убеждённой пафосности: «Я не могу себе объяснить феномен этого вида писательского творчества, кроме как верой авторов в то, что написанное ими на бумаге немислимим образом воссоздается на небесных скрижалях» (2003. № 4. С. 120). Этот, на первый взгляд, излишне серьёзный тон кому-то может показаться провинциальным, но, рискну заметить, именно он выгодно отличает «Арт» от нынешней игровой, порой облегчённой манеры вести журнал, в том числе «толстый».

С точки зрения соотношения вербального и визуального кодов журнал выполнен безукоризненно. Во-первых, удачно не только многозначное название журнала, удачна его обложка. Она выполнена в одной цветовой гамме с преобладанием спокойного, приглушённого болотно-зелёного цвета, который прямо отсылает к цветовой гамме северной природы, имеет одно, почти незаметное, но смыслово наполненное яркое пятно — алое написание второго названия журнала — «Лад». Из номера в номер сохраняется не только цвет, но и шрифт написания названия,

что вполне в традициях журнального оформления, направленного на эффект визуальной узнаваемости, но меняется, что ныне тоже принято, «картинка», нанесённая на постоянный фон, всегда ориентированная на основную этнокультурную направленность журнала: стилизованные графические изображения тотемных животных, древний коми алфавит, православные церкви, древние языческие идолы, предметы национальной домашней утвари, иконы, лик Стефания Пермского, работы современных художников и скульпторов Коми и т.д. В этой же стилистике выполнены чёрно-белые заставки к каждой рубрике (авторы — Ю. Лисовский, Л. Осташева).

Во-вторых, рубрика «Арт-факт» (вновь обращает на себя внимание смысловая игра, дающая многозначность названию), посвящённая современному искусству и содержащая, как правило, аналитические разборы и исследования высокого профессионального уровня, непременно сопровождается цветными вклейками-иллюстрациями работ тех деятелей искусства, о которых ведётся речь.

В-третьих, все журналы буквально «прошиваются» фотографиями, картами, схемами, ксерокопиями документов различного характера. Думается, это тоже весьма выверенная политика редколлегии, настроенной на восстановление, тиражирование и сохранение в памяти народа, в том числе визуальной памяти, основных событий его истории, его подвижников и культурных героев. Так, например, большая статья Дианы Холоповой, посвящённая 110-летию со дня рождения классика коми литературы XX века Вениамина Чисталёва, сопровождается не только фотографиями традиционно биографического характера (дом, где родился писатель, его первый учитель, фотографии Чисталёва, и его семьи и т.д.), но и ксерокопиями рукописей стихов, написанных на коми, первых изданий его произведений, а также документов, связанных с арестом в 1937 году, гибелью и пересмотром дела «за отсутствием состава преступления». Такого типа креолизация представляет материал в максимально возможном объёме и достоверности.

И ещё об одном свидетельстве высокой культуры издания. «Арт» не страдает «шрифтовым излишеством», то есть вполне соответствует концепции «теории зачит», о которой в своё время писал ещё А. А. Реформатский.

Очевидно, продуманы и последовательно проводятся в журнале принцип отбора материала и способы его презентации и оценки. На страницах журнала публикуются, главным образом, прозаики, поэты, драматурги, учёные, музейные работники, учителя, краеведы, связанные с Республикой Коми, с её историей, культурой, этническим своеобразием. Далее — представители финно-угорского мира, прежде всего — исследователи его национальной специфики. Наконец, русские писатели и учёные, каким-то образом связанные с Коми краем: живущие в Сыктывкаре, занимающиеся проблемами литературы, культуры, этнографии.

Обязательно представление каждого автора журнала, которое может быть написано как на русском языке (если дальнейший текст идёт на русском или на коми) и на коми языке (если основной текст на коми), в котором даются сведения биографического характера, определяется социальный, литературный и научный статус и обязательно подчёркивается, если есть к тому основания, значимость личности для культурной и общественной жизни коми, а также место проживания автора. Наиболее характерный случай — представление Юрия Екишева, одного из постоянных авторов журнала: «Екишев Юрий Анатольевич родился 6 апреля

1964 года в г. Сыктывкаре. В 1981 году поступил на механико-математический факультет МГУ. В 1985 году перевёлся в Сыктывкарский государственный университет, который закончил в 1987 году. Стажировался в Санкт-Петербургском государственном университете. В 1989 году оставил преподавательскую работу в университете и перешёл к писательской и редакционно-издательской деятельности. Публиковался в журналах «Континент», «Арт». В качестве редактора в 1994 году издал православный Молитвослов на церковнославянском и коми языках; в 1996 году осуществил переиздание «Литургии Иоанна Златоустого» также на двух языках. В 1994 году построил православный храм в честь муч. Виктора в с. Вотча в память о погибшем друге (в настоящее время там основан мужской монастырь). В 1995 году реставрировал Стефановскую часовню в с. Ыб. В настоящее время живёт в г. Сыктывкаре и в с. Вотча» (2000. № 3. С. 4).

Но, и это весьма примечательно, используя разные формы и способы прямого присутствия редактора и редколлегии на страницах своего журнала, «Арт» выглядит очень сдержанно: не склонен к прямой оценке своих авторов во «врезках», не столь часто, как обычно это делается, даёт на своих страницах рецензии, посвящённые именам и произведениям, опубликованным в журнале, почти не вступает в дискуссии. Пожалуй, единственная страница журнала, где «Арт» высказывается прямо и оценочно, это формат аннотирующего «Summary» на английском языке. Именно здесь, кроме присущего этому формату текста информационному содержанию, журнал может:

– дать оценку творчества, печатаемого на его страницах автора, не скупясь на положительные эпитеты от «хорошо известный» до «замечательный»;

– объяснить появление той или иной рубрики: «The issue is opened a new section, in which we plan to publish materials about village (Village Topic). Isn't it strange, that in our, traditionally agrarian country it is the village that seems to be a deadlock?» (2003. № 4. С. 193);

– прочертить основную проблему номера: «This third of ART magazine is not going to shock its readers by late post-modernism or early ethno-futurism» — и далее все материалы журнальной книжки характеризуются с точки зрения их принадлежности к реалистическому искусству (2000. № 3. С. 193);

– усилить значимость того или иного материала: «For the first time on the pages of «ART» magazine we publish wonderful verses-songs of Lyudmila Konanova, our guest from Kirov, «mother Lyudmila», as people often call her» (2006. № 4. С. 1);

– выразить своё отношение к статьям дискуссионно-проблемного характера, для которых, в конце концов, вводится новая рубрика «Точка зрения».

В связи с десятилетним юбилеем журнала в аннотационной по своей сути страничке может появиться прямое обращение к своему читателю: «We sincerely hope for further cooperation with you!» (2007. № 4. С. 193). В аспекте языковой политики очень интересно, что фактически из номера в номер идущая обрисовка стратегии и тактики журнала, принципиальных для его жизни моментов, не переводится ни на русский, ни на коми. Таким образом, возможно, кроме общепринятых европейских норм оформления печатного издания, как художественного, так и научного характера, журнал «вписывает» себя в современный мировой гуманитарный и книжный мир.

Безусловна сциентистская направленность журнала, инициируемая целью: сохранение, а значит, и изучение коми этноса-культуры-социума. О сильной научной составляющей свидетельствуют и рубрикатор, в котором на равных существует «Поэзия. Проза» и «Финно-угорские штудии», и возможность открыть номер серией статей языковедческой проблематики (речь идёт о четвёртой книжке журнала за 2009 год, который был объявлен годом коми языка), что, конечно, не совсем в традициях «толстого» журнала, но вполне согласуется с приобретенными устойчивостью и узнаваемостью лицом журнала «Арт».

Внутренняя целостность журнала, имеющего своё «направление», держится на трёх проблемных блоках: язык — религия — этнос, связанных в сверткестовом единстве периодического издания ключевым для него словом «судьба». И здесь важнейшим становится принципиальный для социокультурной стратегии журнала билингвизм, что уже вынесено в его название — «Арт»/«Лад», и что реализовано в публикациях на коми (и художественного, и публицистического, и научного характера), равноправно и без перевода печатающихся на страницах журнала. Более того, есть редкие, но знаковые для политики журнала и языкового пространства Коми случаи, когда в рамках одного текста «работают» оба языка: и коми, и русский (например, «Ангел рода» Ю. Екишева). В традиции республиканского журнала советской эпохи практиковались главным образом два варианта: национальный журнал на родном языке и национальный журнал на русском, который был своеобразным переводным дублёром, но и существенным дополнением, показывающим литературную ситуацию в максимальной полноте. Современный билингвистический вариант «Арта» — явление креативно противоречивое, одновременно и сужающее читательскую аудиторию, но и поддерживающее функционирование литературы, публицистики, науки на коми языке и показывающее возможность писать о проблемах жизни народа коми на русском. Двуязычие в данном случае не вынужденное, но сознательное, отражающее проблемы и реальность функционирования родного языка в тесном контакте с другим. Языковая ситуация — явление, ставшее важнейшим в журнале не только в аспекте его билингвистического существования, но и с точки зрения содержания постоянно публикуемых материалов. И в своей билингвистической (иногда полилингвистической) практике журнал работает порой виртуозно. Так, например, маркированная Георгиевской лентой обложка книги журнала, вышедшего в канун 65-летия со Дня Победы (2010 № 1), содержит отдельную тематическую рубрику «Великая Отечественная война», в которой наряду с другими материалами даны подборки стихов. Первая «“Дыр на, дыр на казьтывны ми кутам...” Кывбуръяс» представляет стихи известных коми поэтов разных поколений на родном языке (Серафима Попова, Анания Размыслова, Альберта Ванеева, Владимира Тимина, Галины Бутыревой, Евгения Козлова), вторая — «Страна, не изменившая присяге...» — стихи на русском языке (Алексея Иевлева, Дмитрия Фролова, Евгения Суворова, Андрея Канева, Валерия Вьюхина).

В случае с «Артом» корректность не предполагает сглаживания остроты проблемы жизни «малого народа». Из номера в номер журнал идёт на публикацию материалов, в том числе и сугубо научного характера, в которых основой становятся размышления о непростоте взаимоотношений «малого народа» с «титальной нацией». Как пример, можно назвать три публикации, репрезентирующие широту под-

хода журнала к проблеме. В сопоставительной статье «Сдерживание лингвистической волны: коми язык в России и французский в Канаде» канадский учёный Мишель Бушар в постановочной части, названной «Тезис», пишет: «После революции 1917 года политика нового государства иногда была довольно либеральной, иногда жёсткой, а иногда просто безразличной к тому, как сохранялись языки малых народов. Советская идеология была уверена в том, что эти языки обречены на исчезновение. И случай с коми языком нельзя не назвать типичным: усилия, которые подрывали жизнеспособность коми языка, напоминают случаи с другими малыми народами, хотя бы назовём франкоговорящее меньшинство на Западе Канады, откуда родом автор данной статьи. Есть такое понятие, как «стокгольмский лингвистический синдром»: это когда меньшинство происходивших под социальным воздействием большинства, ущемляет свой язык и любой ценой ищет одобрение у доминирующей группы. А когда население отказывается говорить на своём языке, дабы объединиться с доминирующей группой, происходит так называемый языковой суицид» (2006. № 4. С. 4). Разворачивающийся аналитический текст весьма убедительно показывает, что причины пути к «лингвистическому суициду» лежат не только в сфере государственной идеологии и политики, но зависят в немалой степени от общецивилизационных процессов урбанизации, а также демографических сдвигов. Красноречивы цифры, приведённые в финале статьи. В 1926 году коми населения в Республике было 86,9%, в 2002 — 25,2%.

Связывающая воедино проблемы языка и религии остроактуальная статья этнографа из Финляндии Арно Сурво «“Символы разума” и “символы веры”», имеющая подзаголовок, впрямую ставящий проблему: «Лютеранство Ингерманландии в советском культурном пространстве: религиозно-магические представления как билингвиальный механизм культуры», начинается с определения ситуации, характерной, кажется, не только для отдельно лингворелигиозной общности: «Отождествление религиозности и этничности является одним из наиболее проблематичных феноменов культуры, приводящих к разрыву связей с ближней инаковостью (инаковостями) и знаменующихся в итоге различными конфликтами. В более широком понимании подобное стремление к идеологизированному «одноязычию» означает искусственное приравнение пространственных и временных измерений культуры в контекстах идеологий, строящихся на наделянии носителей иных языков всевозможными негативными атрибутами (...). Однако вне идеологического противостояния существует другая действительность — реальность непосредственных этнорелигиозных контактов. Обстоятельства повседневной коммуникации конкретизируют и обновляют связи культурных антисистем, благодаря чему их противостояние трансформируется во взаимодействие языковых и смысловых пространств (2000. № 3. С 140). Историчность и объективность взгляда исследователя позволяет ему продуцировать и новые термины («современное религиозное многоязычие»), и спокойно говорить не только и не столько о русско-советском шовинизме, но и об использовании финским национализмом политизированной религиозности: «От рассуждений финляндской элиты времён собирательства рун о «Финскости», «Русскости» и «Шведскости» (эти — в переводе особенно курьёзно звучащие — понятия писались к тому же с заглавной буквы) создаётся впечатление, будто речь идёт не о реальной исторической эпохе, а о мифологическом противостоянии фольклорных

персонажей. Поэтому не случайно то, что мифологизация «русскости», а затем отождествление её с «советскостью» — «русскую веру» заменил, соответственно, «атеизм» — являлось отличительной чертой и финляндского варианта славянофобии. «Демоничность» русского влияния стала очень удобным объяснением причин гражданской войны между «красными» и «белыми» финнами и иных исторических коллизий» (Там же. С. 143). Наконец, непредвзятость позиции исследователя в обзоре конкретных реалий существования Ингерманландской евангелически-лютеранской церкви позволила сделать вывод, далеко выходящий за пределы данной конкретики: «“Советскость” и “атеистичность”» являлись актуальными символами, т.е. внешней стороной культуры тех десятилетий. В потенциале советской системы была «запрещённая реальность» непосредственных этно-религиозных контактов. В этой другой действительности ценным признавалось обладание даром многоязычия — способность к восприятию различных текстов своей культуры и текстов разных культур. В напряжённых отношениях «своего» и «чужого» происходило постоянное взаимопроникновение смысловых пространств и образование новых смыслов вне идеологического противостояния, чем простонародное инакомыслие принципиальным образом отличалось от диссидентствовавшего нигилизма» (Там же. С. 150).

Поводом для статьи венгерского профессора филологии Петера Домокоша стало 150-летие появления эпоса «Калевала», смыслом — тезисно прочертить негативную роль русских в формировании национального самосознания у народов финно-угорской группы, русских, которые всегда, по мнению автора, совершали оценку и отбор того, что достойно войти в историю и культуру, а что нет: «О русских можно писать только хорошее или молчать. Без них и без позитивного отклика о них не может существовать история, прошлое и настоящее» (2003. № 1. С. 82). Несмотря на некую с неизбежностью возникающую ассоциативную неловкость, думается, журнал был прав, публикуя эту статью, поскольку, воспользуемся изящным высказыванием финского учёного, «демонизация» «русскости», видимо, является определённой частью сознания финно-угорского мира, что вполне объяснимо.

Если говорить о главной черте нынешнего состояния журнала «Арт», то можно сказать так: это профессионально работающий, очень целеустремлённый журнал, корректный, но и внутренне взволнованный, отстаивающий свою позицию, в которой главное — любовь к своему народу и краю.

Проза. Поэзия

«Я за них перед Богом в ответе...»

«Кто Поэт? Как он удерживается на этой глубине чувства, той духовной площади, где только наедине с собой раскрепощается человек и поражается собственной способности добраться до собственного сердца и способности открыть своему собеседнику неведомые струны его, собеседника, души...»

Н. Мирошниченко

Кто Поэт? — увы, сегодня ответ на этот вопрос для многих непросто. Сужу по своим впечатлениям. Приходят в редакцию люди, приносят свои стихо-творения, буквально со словами: все, кому читал (читала) говорят, надо нести в «Арт», чтобы напечатали... А чаще всего мы не печатаем. Потому что, конечно, человек принёс собственное «творение», но к стихам имеющее очень косвенное отношение, разве только оно — «зарифмованное» и то не всегда впадет... И что всегда очень жаль, зачастую человек и не видит разницы между настоящей Поэзией и поздравительными стихами по поводу какой-нибудь даты...

И что ещё обиднее — иногда и не хочет видеть этой разницы. А зачем? — он уже и так признанный поэт, признанный своими читателями...

Боюсь, что у такого автора и у тех поэтов, чьи стихи мы публикуем сегодня, разные читатели. Другое понимание Поэзии. Более трепетное отношение к Слову. Потому что, они от книги к книге росли вместе с Поэтом, и не раз и не два, наверное, их душа ликовала (или плакала!) над какой-нибудь потрясающей строчкой, вздрагивала от единственно верно найденного слова в этой строчке...

Чтение — тоже нелёгкий труд, настоящая работа для ума и для сердца. Но зато и такая огромная радость, когда в нас, в читателях, Поэт открывает до сих пор нам самим «неведомые струны... души»...

Время читать.

Г. Бутырева

Александр Пушкин

* * *

Мый нимой менам сетас тэд?
Од кулас сійо ылі гы моз,
Нор шыон тельснитас да сылас,
Войшорса вöрын шы оз сет.

И быттьö тöдтöм кывлön сер,
Гувывса изйö важön гижöм,
Оз висътав сійö тэныд нинöм,
Оз казътышт важön вошöм кöр.

Мый сыысь? Вошõма нин сэн,
Выль майшасьõм да гыяс пõвстын,
Оз сет нин сийõ важ моз сõстõм
Да мелі казтылõмъяс тэн.

Но шог да лõнь кор пуксяс лун,
Тэ казтышт сийõс гажтõмпырысь,
Шу: сьõлõм эм, кысь эг на вун,
Кõн ловъя паметъыс ме йылысь.

Комиõдис Ольга Баженова

Альберт Ванеев

Комиõн сьылысь колип

Тэ — ылын, а сьõлõмыд — татõн,
Кõн сетисны олõм да ним:
Жар лунвылõ сибдõм Куратов,
Тэ войвывлань веськõдлин син.

Ас войвывлань, кытõни пемыд
Да кытõни енэжыс руд.
Иван Алексеевич, тэныд
И шондї эз вичмõдышт шуд.

Тэ кызõктан, ышловзян шога
И кывбуръяс тэчан дзонь вой —
Поэтъяслы лõсялан ногõн
Тэ пõдтылан сьõлõмсьыд дой.

Но асывнас бара тэ кылан,
Мый дойыс эз ям ни эз чин:
Оз тõд некод паськыд му вылын,
Оз тõд коми колиплысь ним.

Быд тулысын петõны туйõ
Тась лэбачьяс.
Кельõбныс кузь.
Тэ дась шуны:
«Кывбурõс нуйй
Лõз Пармаõ, дзодзõг да юсь...»

Но лэбачьяс лэбёны вылі,
Оз кывны, и жальныс оз пет,
Мый йёз муын комиён сылө
Да коми ног шогсьö поэт.

Эз лэбачьяс борд вылын гортö
Жар лунвывсянь лок сыланкыв —
Дыр мысти, сё во мысти коркö
Ми кылімöй тэнсьыд бур кыв.

Но кылім да радлім, и шензим,
И вöлімöй нимкодьöсь ми...
Оз ков öні повнысö тэныд,
Мый кусас поэзия би:

Öд комиён гижысьыд рöдмис...
А миянлөн ас чужанін,
Иван Алексеевич, тöдö
и кывбуртö тэнсьыд, и ним.

Александр Суворов

* * *

Не корите меня за грехи,
Я за них перед Богом в ответе,
А ругайте меня за стихи,
Непослушны они, словно дети.

То смеются, то гибнут в тоске,
То нежны, то колючи, то жгучи.
Что я строю? Дворец на песке?
Или замок воздушный под тучи?

Или хлипкий шалаш в стороне
От просторных кварталов бетонных?
Что-то шепчут метафоры мне,
Что-то в рифмах звенит монотонных.

Я и сам не пойму, что пишу,
Невдомёк мне, зачем эти муки.
Может, я в самом деле грешу
Каждой строчкой своей в ноутбуке?

Может, скоро совсем пропаду —
Утону с головой в мониторе,
И никто это чудо-беду
Не воспримет как дивное горе?..

Ах, как пишутся ночью стихи...
По ночам спят счастливые дети!
Не корите меня за грехи,
Я за них перед Богом в ответе.

* * *

Стихи не прибыльный товар,
Когда всё в мире продаётся.
На хлеб потратишь гонорар,
На «Олан вын»* не остаётся.

Обидно, но такой удел
Мне выпал, и грустить не стоит.
Пусть тех, кто стать купцом сумел,
Большая прибыль беспокоит.

А я стихами сыт и пьян,
Мне радостна моя обуза,
Ведь среди честных северян
И «менам муза абу вуза»**.

Искус

Не пиши! Не пиши! Не пиши!
Нет ни цвета, ни звука, ни вкуса.
Не заполнишь пустоты души
Эфемерным туманом искусства.

Не пишу! Отхожу от огня,
От холодного пламени фальши.
И уносит смятенье меня
От стихов всё быстрее и дальше.

* Сорокаградусный бальзам.

** «Моя муза не продажна» (из стихотворения И. А. Куратова).

(Никому не известных в тот
очень двухтысячный год),

Терпеливо и бережно перелистает страницы —
Многолетних раздумий и опытов краткий итог.
По счастливой случайности
в сборнике том сохранится
Моё лучшее стихотворение — несколько строк.

И она их прочтёт — не поймёт
невесёлый мой юмор,
Но она улыбнётся — на улице будет весна.
И подумает: «Бедный, когда, интересно, он умер?
И какая была у него, интересно, жена?»

* * *

И черен хлеб мой, да не пресен.
Неприбыльное ремесло —
А всё-таки от тёмных песен
Кому-то станет и светло.

И во дворце или в лачуге,
На севере или на юге
Мудрец иль юный баламут
И обо мне, как лучшем друге,
Помыслит несколько минут.

Его в сюжете стихотворном
Заденет странная строка,
Туманной грустью, хлебом чёрным
Душе покажется близка.

Жаль, что слова перебирая
И поправляя тёмный слог,
Об этом даже не узнаю
И так же буду одинок.

Нина Обрезкова

* * *

Пузчужом кывъяссö сөстөмджык рузумö тубрала.
Йöз синмысь дзеба
да төлысь чөж гортысь ог пет.
Кок йылас сувтгöдз, дерт, ылын на, код төдас, кор на и...
Вомидзысь видза.
А сэсся кыз асланыс шудныс,
мед.

* * *

Эмось кывбуръяс,
кодъяс
ва веркөсöд кокниа лэбöны.
Эмось — ва катчөс сьöкыда катöны.
Эмось —
И пыдöсас изъясөн куйлысьяс...

* * *

Паськыд туйтi мунiгөн
кывбурыд оз чужсьы.
Кымын векни туйыс,
сымын сылы бур.
Но медся бур,
кор гөгөр ставыс туйтöм —
сэк кывбурыдлөн
медся вылын юр.

* * *

Көнкö морöсын
пессьö,
чужъясьö,
сотö,
зöлитö,
парсасьö,
маласьö
выль кывбур.

И зэв бур,
мый поэтъяслы
некор да некод да нинём
оз прөстит.
Сідзкө,
помнитсьö
налөн
быд шуыштём кыв...

Зарни Люся

Мада жале — изьва кыы

Мада жале – изьва кыы,
тэ топ Изьва юлэн гы,
өдде скөрмысь, көть и рам,
изьватас кодь тэнад сям.

Мада жале — изьва кыы,
мича тэ, топ ыллавыы,
сэтшем небыд, визув, бур,
тэсьыд емкеджык оз сюр.

Мада жале — изьва кыы,
кыласны мед зон и ныы,
ае, маме, вок да чой
тэнчыл югыд вой кодь дой.

Мада жале — изьва кыы,
шоныл шыыл мед оз сыы,
челядь сёрниэ тэ пыр,
никор му вылысь ин быр.

Мада жале — изьва кыы,
мечча любе тэнад сыы,
немтэ югъёо шонді моз,
кыа югеръясын ворс.

Мада жале — изьва кыы,
тэ ин бёрдэччы, а сьыы,
медум ёнмас Изьва му,
мед оз косьмы Изьва ю.

Виктор Кушманов

* * *

Тöлыс гартлö турöбөн,
Тöлыс гартлö турöбөн
Кок туй сэсь и тась.
Гöрддзасьлытöм муслунлы,
Гöрддзасьлытöм муслунлы
Бара кывбур дась.

Енэж öдвa рутлöма,
Зэрсьыс петшöр чусмöма, —
Бöрдö Ыджыд Ен.
Гöрддзасьлытöм муслуньсь,
Гöрддзасьлытöм муслуньсь
Йöйма, бурак, ме.

Керкаас оз овны нин,
Кöлуй-дозмук новлöма.
Коркö кодкö кольлöма
Сöмын пальто шой.
Гöрддзасьлытöм муслунöй,
Гöрддзасьлытöм муслунöй
Йирö лун и вой.

Еджыд войвыв му вылын
Пожöм улын сулавлi,
Кокни олöм тунавлi,
Корси кызджык ув.
Гöрддзасьлытöм муслунöй,
Гöрддзасьлытöм муслунöй,
Гöрддзасьлытöм муслунöй
Сьöлöмын оз кув.

Комиöдiс Анжелика Елфимова

Валерий Вьюхин

Память

Я ничего не забыл
За частоколом строк,
Помню кого любил,
Помню кого берёг.

Помню, что приглашён
На сокровенный срок,
Призван не на сезон,
А для чего-то впрок.

Помню судьбы расклад,
Чую её вожжу,
Часто гляжу назад,
Что-то не нахожу.

Помню восторг забав
И обстоятельств рык,
Время торчит в зубах,
Режет торцом язык.

Помню, что был резон
Вытолкнуть чувства кляп,
Помню не в чём силён,
В чём сокровенно слаб.

Зрело грубеет ствол,
Сносит за склон звезду,
Помню зачем пришёл,
Помню за что уйду.

О профессии

Забыть об осторожности,
Надеясь на чутьё,
Не отстранят от должности,
Поскольку нет её.

Любой подробный справочник
На это даст ответ,
Не служащий, не лавочник,
Поэтов в списках нет.

Наверно, где-то взвесили,
Подумали всерьёз,
И нет такой профессии,
Какой с поэтов спрос.

Но, к счастью есть читатели,
Их самый верный суд...
И если не назначили —
В отставку не пошлют.

Всегда при исполнении,
При деле, при любви...
А что до вдохновения,
Так только позови!

Лечить от безнадёжности,
От страха, от сует...
Конечно, есть и сложности,
А у кого их нет.

Наравне

Поэт — не друг, не враг престола,
Не злопыхатель за спиной,
Поэзия не расколола
Ещё державы ни одной.

Её лечащая сила
Питала донные пласты,
Поэзия не извратила
Национальные черты.

Поэт — не ветвь, не часть народа,
Он сам — взыскующий народ,
Его глубинная свобода
Быть бессловесным не даёт.

Он — не бесовестный меняла,
У меркантильности в плену,
Поэзия не распатала
Живую душу ни одну.

Поэт — не друг, не враг престола,
Он от баталий в стороне,
Но скольких власть перемолола
Со всем народом наравне.

Эллен Нийт (Эстония)

Коркө чайтлі

Ваыс саридзын, коркө чайтлі,
Лөзсьыс-лөз — сәні олө юсь...
И быд сьөлөмын, коркө чайтлі,
Эм көть ичөт, но зарни тусь.

Саридз шөрас кө пыжөн петан,
Водзсө чайтсьыліс сідзи мем,
Коркө ді вылө воан,
Сэтөн
Ловтө кыпөдысь дивө эм.

Пыжө пукси да сына, сына,
Синмөн берегъяссө ог судз,
Сөмын весьшөрө песа вынөс,
Сөмын мый вылө өкта мудз?

Өні төдмалі — зэв нин шоча
Овлө саридзын ваыс лөз.
И зэв тшөкыда либө сотчөм,
Либө кын сьөлөмаөсь йөз.

Дяс петкөдчылөны эськө,
Сөмын овтөмөсь — из да сөй...
И ог важ мозыс мортлы эскы,
Пола — бара кө вичмас дой...

Олөм!
Мекөд көть кызт тэ ворс, а
Пыр на сьөлөмөн ме эг усь,
Пыр на мыйкө да кодөскө корся,
Көсья аддзыны зарни тусь.

Пыр на виччыся —
Дивө лоас,
Эг жө весьшөрө енлысь кор!
Коркө сэся и воча воас
Зарни сьөлөма
Сибыд морт...

Глеб Горбовский (Санкт-Петербург)

* * *

Ни олём эз вöv, ни поводдя, ни лыдпас,
И та йылысь шöпкöдчим шмонь пыр, кöть шоча.
Мед вöлі ме уджалысь войтырлөн быдтас,
Быд вой Пастернакöс ме лыдди. А водзö?

Со талун ме лыддя быд рыт детективъяс,
И пöрччысьтöг кöдзалём вольпасьö вода.
А мый öнi кыла ме олёмсьыс — дивъя,
И кутшöма олöмыс вежсис... А водзö?!

Ми веськавлім öтчюд Ахматова динö,
И Бродскийкöд енъяс моз пукалім воча!
И нюм пыр ми видзöдiм эскытöм синмөн,
Кöть сёрниным синва пыр муніс. А водзö?!

Ми лавкаысь донъяссö дивуйтчам-лыддям,
А кывбуръяс — быттьö дзик свалкавыв каля...
Поэзия дугдiсны пуктыны пыдди,
И кодзувъяс чусмисны ськөд... А жаль öд...

Вуджöдiс Евгений Козлов

Елена Афанасьева

Кывйыс...

Кывйыс —
тайö чöвлун.
Мыйта мöвп сійö вермас чужтыны...

Кутшöм джуджыд овлö чöвлун юкмöсыс...
Но кывйыс вермас и не чужны.

Кывйыс —
нимкыв...

Лыддян ваö сійöс,
юан,
и лэчкысь мынлывлö
лолыд.

...Но мыйтаысь олёмас кывйыд
бергөдчылö аслыд жö
лэчкөн.

Кывйыс —
туйбок турун вылын
лысва.
Тайö кодлөнкö синваыс.
Сэтчö йиджöма мортлөн шогыс и радлуныс.
Эзысь войтъясыслы колö сөдзöдчыны на и лов пыр,
мед выльысь чужны кывйён.

Но овлö, лысвасö пыркнитöма төвру.

Кывйыс —
ю.
Кытысь васö гумлалöны йöз.
Мый верма вужйöда пуястö,
мед кыв-юыс
оз косьмы.

Но берегыс буждö и буждö.

Надежда Мирошниченко

* * *

Провинция любит потом.
Сначала глядит — и не видит.
Ей кажется: в люди не выйдет
Из провинциалов никто.
Ей кажется: мир не дорос
До чеховских этих историй,
Где Волга — в Каспийское море,
Где кушает лошадь овёс...
Неправда, что мир равнолик
По сумме и разности знаков.
Неправда, что мутен родник,
Но мутен бывает, однако.
Неправда, что легче в селе,
Ну, разве что, навеселе.
Провинция любит потом,
Когда на щите золотом.

Вечер поэзии

Она такая — из крестьянской поросли.
В руках её надёжных вся семья.
И мы приходим к ней на вечер порознь.
И тяжела ей ветреность моя.

Джинсовая, залётная, кудрявая,
Господь, в невестки эту не пошли!
Как горячо крестьянке не по нраву я.
А мы ведь с ней ровесницы почти.

Не тороплюсь к любви её, не сетую,
Что ни к селу на этом берегу.
И с Дарьей Николаевной беседую.
И ей ни в чём, как матери, не лгу.

Мне с ними хорошо и неприкаянно.
А кто-то шепчет: «Надо же, своя!»
И хлопает мне Дарья Николаевна,
Великая соперница моя.

Творчество

Станиславу Куняеву

Откладывая срочные дела,
Переноса на завтра настроенье,
От точного предчувствия бела,
Как белый лист, за миг до сотворенья
Тебя, моё простое ремесло,
Бунтую я. Мне тесно в рамках речи.
Мне больно утверждать себе назло,
Что Моцарт умер, а Сальери вечен.
Я говорю: бездарность — это бич.
Талантливых зовут на поединок.
Я говорю: твоё призванье — быт.
Быть или не быть? Не всё ль тебе едино?
Но вновь, от возбужденья весела,
И преступления не замечая,
Уже сижу у краешка стола
И, головой бессовестной качая,
Опять люблю животных и людей,
И о любом опять сужу предмете.
И сладко мне, что все мы из детей.
И страшно мне, что мы уже не дети.

Юрий Екишев

Юрий Анатольевич Екишев (родился 6 апреля 1964 г. в Сыктывкаре) — современный писатель, драматург и сценарист, математик, политический и религиозный деятель. Занимается литературным творчеством с 1989 года. Сферой его деятельности до середины 1990-х гг. были переводы и подготовка к изданию православной литературы на коми языке. В 1996 году Ю. А. Екишев опубликовал повесть «Под защитой» в журнале «Континент» (Париж), которая принесла ему известность общероссийского масштаба. В 1997 году журнал «Континент» (Париж) принял к публикации серию очерков Ю. А. Екишева о Коми крае «На краю Российской земли», где молодой писатель раскрыл себя как талантливый публицист. Начиная с 1997 года, Ю. А. Екишев активно публикуется в жур-

нале «Арт». Успех первого номера журнала во многом связан с публикацией киноповести «Рёдвуж андел» (Ангел рода), сопровождавшейся предисловием известного русского кинорежиссёра А. Сокурова. С 1998 г. в журнале были опубликованы: повесть «Люди Твоя», роман «По глаголу Твоему съ миромъ, по закону Твоему с любовью» с приложениями в виде пьес «Борик, Витик и Хиппи», «Один только знак», «Давид и Ависсага» (Арт, 1998–2000), «Дыхание ветра». В 2002 году в г. Сыктывкаре отдельным изданием вышел сборник произведений Ю. А. Екишева «О любви от третьего лица», в который вошли лучшие его повести и роман. В 2008 г. в Санкт-Петербурге вышла книга «Россия в неволе».

Зелёная ветвь

Что общего у света с тьмою?

*Второе послание к Коринфянам
святого апостола Павла 6, 14*

Живущие в настоящем имеют настоящие имена, век их разделяет по месту, времени, исполняемым действиям: отцы, сыны, капитаны, портные, князья, беременные женщины, воины... Живущие в будущем приобретают имена будущего. Настоящим — настоящее, будущим — будущее; настоящим — города и земли, будущим — один город; настоящим — сила, власть, разум, согласный веку, будущим — немощь и побои, и непонятные приобретения любви. Где кончается предел настоящего века и начинается узкая тропинка между пропастью и огнём в другое время? Эта история начинается с настоящего: Германия, Любек, XIII век, портняжная мастерская, ткани пестры, чувства яркие, и поскольку покупатели, отец и сын, состоятельны, а для этого места и времени вообще очень богаты, то выбор — широчайший. С этого начинается то, что не заканчивается и по сей день.

1. Мастерская

— Ну вот, настоящий немец, в меру круглый. Ну-ка подними руки, — а? Сразу видно хорошую немецкую породу, — отец человек неглупый, но в пределах выстроенного им мирка, более нереального, чем всё остальное, чем свет в пыльных окнах, ветви деревьев на улицах, дым в печи. Весь его мирок — приготовление к тихой и спокойной старости, смерти на руках у сына, и всё что вне — для него глупость. Но и сам этот мир по сравнению с жизнью не такая уж умность, если приглядеться внимательно.

— Что значит настоящий немец, па? Это что, одежда?

— Не говори глупости... Ты меня не запутаешь. Немец есть немец. Основательный человек — сразу видно, не какой-нибудь голландец!

— А чем тебе не нравятся голландцы?

— Да ничем. Они просто другие, не такие как мы.

— Кто мы?!

Осторожно, но настойчиво вмешивается портной, снимая после каждой фразы от смущения с губ несуществующую нитку:

— Прошу прощения. Кстати. Кстати — я голландец. А? Что вы сказали?

— Ну вот видишь! — отец непрошибаем, но сын от такой несурзацы несколько смущён: — Ну что я должен из этого видеть?

— Разницу. Ну вот он худой, а ты полненький, немцы худыми не бывают.

— Ну и что?

Портной опять вмешивается в семейный спор:

— Светлое всегда полнит. Может, подкладочку тёмно-бордовую положим? Пустим чуть-чуть золота вдоль воротника? И ещё на складочки вот здесь обратим внимание? Зато тем самым, вот такой фальшивой, а не настоящей складочкой подчеркнём купеческие знаки — и смотрите, смотрите! — вот так они заиграют!

— Заиграют... Ну, нет! Только светлое! — отец даже слегка обижается. — Мы, немцы — светлый народ! Вы, голландцы, любите всё потемнее: дома, улицы... Был я однажды в Фенло — всё такое тёмное... Даже пиво...

Портной в некотором недоумении: — Фенло? Это что, город? Наш, голландский? Я там не был ни разу. Хотя я раньше много ходил и шил везде. А бывали вы в Брюгге?

Сын, так и оставшийся без внимания с поднятыми крестообразно руками, смущается:

— Отец, ты уж не выставляй нас такими совсем уж тёмными... Неловко...

— Что тебе неловко?! Немец он немец и есть! Мы — точные, светлые, правильные, честные до последней точки, открытые для всех.

— Как будто остальные по сравнению с нами какие-то тёмные. Да и что есть свет? Если мы оденем одну и ту же одежду и станем все вместе говорить на правильном немецком, хором: «Ганзейский клуб купчишек есть величайшая в мире глупость!» Как ты различишь — кто немец, а кто нет?

— Вот-вот... Послушайте, разве я не чисто произношу: ганзейский клуб купцов... Всё правильно? Я могу и как южане — величайшая в мире... — портной, собравшийся было вернуться к делу, опять отступает от глупо стоящего перед ними отрока и вворачивает слово, не замечая, что отец совсем уж наливался некоей жёсткой силой, будто сжимаясь в кулак. Сын подхватывает:

— Давай возьмём голландца, русского, еврея наконец, умеющих разговаривать по-немецки. Что ты скажешь, кто из них больший немец?

— Хватит! Немец — это тот, кто несёт наш дух! Во всём — и в языке, и в одежде, и в питье, и в умении жить, в отношении к бабам, наконец! Всё! Нечего мне тут... Лирики хочешь, философии? Пусть тебе её доскажут эти, в Мария Лаах, апостолы, нет, как их — монахи! Если хочешь болтать и дерзить — вот для тебя возможность обломать растущие рога. Если я не могу воспитать тебя правильно, чтобы ты был таким же, как я, то они пусть тебя потычут мордой в твои глупости, как щенка!

Портной бросается вновь шить, чувствуя, что вмешиваться в такой разговор становится небезопасно, а сын говорит уже более примирительно:

— Ну вот, договорились... Свет и дух. При чём тут монастырь в Мария Лаах? Что, поближе нет никого поумней?

— Я немца вижу за версту. Его ни с кем не спутаешь! И точка! Завтра мне надо ехать в ту сторону, в Висбаден — говорят, там вода на источниках особенная, может, и нога пройдёт. По пути как раз монастырь. Вот там я тебя и отпускаю. Красивое место, тихие люди...

— Всё же зачем туда ехать? Это же на другой конец страны переться...

— Ты же в первый раз едешь торговать один, да к тому же в Россию. Так что для твоего пути это расстояние практически ничто. Привыкай. Если б не глупости с моей ногой — долго бы ещё нежился за моей спиной. Запомни — я всегда так делаю. Еду в монастырь или ещё куда перед путешествием. Этому научил меня мой отец, твой дед. Что-то ещё надо объяснять? Ну сколько же глупостей в этой голове!

Портной оканчивает шитьё, оглядывает сына, удовлетворённый своей работой, кивает:

— Ну вот на этом остановимся, пожалуй. А в Брюгге надо вам захватить непременно.

Отец недовольно ворчит:

— Видал я это Брюгге на картинке, в пивной...

— Что картинки? Дрянь... — словоохотливый портной смахивает с сына оставшиеся нитки, а больше болтает, вертя головой за отцом: — Их пишут те, кому больше делать нечего. Посмотри внимательней, и краски-то лежат неаккуратно, и что там особенного: мужик рисует бабу, или бездельник катится на коньках, корабль всё тонет и никак не может утонуть, баба голая спит и не шевелится, а за ней подглядывает банда шалопаев... А Брюгге — это жизнь. Вот где настоящая Голландия.

— Нам туда никогда не по пути, — буркает отец. — Сколько с нас?

— Работа тонкая, можно сказать филигранная. Срочность, качество — сами видите... Особый заказной материал, новый исключительный фасон... Всё это вместе...

— Ну?

— Всего двенадцать! — выпаливает портной, выпучив при этом глаза от ожидания: вдруг переборщил?

— Ну уж! Надо же! Хорошо не тридцать!..

— Папа...

— Ну ладно. Будем кормить Голландию, раз мы тупее их... — отец недовольно лезет за кошельком. Портной всё же слегка обиделся, но ждёт денег, обирает невидимые нитки с сына: — Ну-ну-ну... Так уж и тупее... — косит глазом, как отец отсчитывает деньги. Тот протягивает их, и прибавляет: — И всё же дома у вас похуже...

— Скромней.

— И одежда... Все как мужики — и капитаны, и матросы, на одно лицо...

— Попроще, экономней, практичней...

— Ну всё, одиннадцать, двенадцать!.. И всё же, я подозреваю — ближе вы к этим самым, как их, ну вот, забыл... Да сам знаешь! — отсчитав деньги, отец резко развернулся и вышел. Сын — за ним.

2. По дороге домой

— Вот видишь, эта светленькая с виду, а внутри будто кровавая колбаска. Это и есть свет и тьма, понял? — отец долго молчал, переживая, видимо, что отдал слишком высокую цену за ничто, за одежду, покров тела, но всё же успокоился, увидев первую же хорошенькую девушку, да и к тому же потратился ведь не на себя, на сына, это легче.

— Нет, пап, не вижу. Ты вообще стал иногда разговаривать как этот, как сфинкс — загадками...

— Ну вот, начитался глупостей. Дай руку, не хочу хромать у всех на виду.

Отец аккуратно поставил палку, прислонив её к чьему-то забору, видимо, стесняясь своей неполноценности. Палка кренится, и он стоит в раздражении, и несколько раз её поправляет, чтоб не падала — палка тоже ведёт себя неправильно, как почти все в этом глупом мире.

Наконец, равновесие найдено:

— Так вот. Ты посмотри на них. Посмотри со всех сторон. Почему церковь разрешает три раза на них жениться и всё?

— Не знаю. Разве этот так?

— Так, так. Раз я сказал — значит, так.

— Наверное, чтоб человек не мучался.

— Не мучался... Когда ты созреешь?! Что люди говорят? Первая жена — от Бога, вторая — от людей, а третья — от дьявола.

— Где ты это слышал?

— В России, олух, в России. Вот посмотри на эту, да не так пялься! Будто не замечаешь, искоса, так видней. Вот идёт простушка. Ты в ней ничего не видишь, потому что ещё не знаешь их. Я же знаю их, баб, и вижу в них всё от и до. В чепчике? — это ерунда... Не помеха. Я знаю, какие у неё будут волосы, когда она их намочит, когда высушит, сквозь солнце, в темноте, когда они растреплются, когда... Ну в общем, всё важно, всё имеет значение — от неё пахнет солёной рыбой? Хорошо... но я знаю, что на самом деле она — бочонок с маслом, но не для пицци. С ароматным маслом, которого тебе хватит на всю жизнь с избытком, и даже растягивать не надо — оно у них восполняется, чем больше берёшь, как в сказке.

У неё грубые руки? Но я могу сказать, как она по простоте своей, будто возлюбленная какого-нибудь графа, проводила бы ими нежно по лицу, и держала бы осторожно мочку уха, и такое бы в него говорила... Вот-вот, смотри, если обернётся, то чуть-чуть порозовеет, посветлеет, повернётся к тебе с самой умной стороны и слегка улыбнётся — смотри!

— Да, точно... Откуда ты знаешь...

— И так всегда!!! В первое мгновение они все одинаковы, все обдают тебя светом и жаром — они у них всегда наготове про запас! Понял?

— Пытаюсь...

— Уф... Что-то не хочется домой.

— Но ведь мама будет волноваться.

— Глупости! Тридцать лет я плавал, не волновалась. Ездил везде — даже ни разу не спросила, где я был, а тут будет волноваться!.. Может, пивка? По паре кружечек всего...

— А как же «немцы, точный народ»? Мама же к обеду ждёт...

— Ну, ладно, идём... Цепляться к словам — неприлично. День-то какой ясный!

— Пап, смотри, вишни цветут во второй раз... А на носу зима.

— Ладно, идём. Будем собираться. Завтра в дорогу — тебе же до самой зимы настоящей ещё обернуться надо.

— Что значит, до настоящей зимы?

— То, что ты не знаешь, что это такое. И представить себе не можешь, что это такое, да ещё в России. Это тебе не кровавая колбаска с конопушками-завлекушками... Но какие там весь год цветут цветы!.. Ох... если б не нога, я бы поехал с тобой, всё показал, всё... Я так это всё люблю. Во-во, смотри, с виду и не очень поджаристая, и без конопушечек, а внутри — как неразмённый золотой...

— Ну, пап! Ты, пожалуйста, научишь...

— Я тебя разве учил плохому или глупостям когда-нибудь? Ты говоришь — мы тёмные. Мы — светлые! И любим всё светлое, вот так!

— Я ничего такого не говорил.

— Да, как же... Не говорил он... Это с виду ты не говорил, а внутри?

3. Сборы в дорогу

— Вернёшься из России, подарю тебе свою повозку. А себе куплю новую, на рессорах. У тебя живот крепкий. А то после обеда выедешь на этой куда-нибудь, скажем, на рынок в Гамбург — и чувствуешь себя как орган... Пум, пум, пум, пум-ум...

— Ну что ты такое говоришь? — правильная мама, как всегда правильно, укоряет отца. Но уже с годами больше по привычке — упрёки, наставления, даже ругань — это всё понарошку, скорее, для проверки: ещё живой и бодрый, реагирует, шипит, пыжится, топорщит усы, значит, сегодня всё в порядке.

— А что? Пукать по надобности всё же не так неприлично, как чихать и сморкаться в тоненький благородненький французский платочек, и ещё вот так, мизинчиком! Фу...

— Ну да, ну да... Всегда он прав! Откуда ты такой умный! Где вот вы были так долго, не у портного ведь, а?

— У портного.

— Я подумала: всё-таки в Мариа Лаах ехать далековато. Надо поближе куда-нибудь.

— Вот. Подумала она. Куда? К этим? К этим неучам здешним, тупицам, сынам века сего? Там хоть что-то ещё осталось от старого духа. К тому же я ещё его хотел немного подучить — различать вина на вкус, а там как раз есть с чем сравнить.

— Этой науки ему не хватает! Лучше бы делу поучил.

— Что ты понимаешь! Это ведь как пойдёт — он же отправляется вместо меня, а это всё важно: он должен знать и уметь всё, что я умею и знаю. Умею я пить — и он пусть умеет. Умею я смотреть по сторонам...

— Не по сторонам, а на сторону. Скажи прямо — по бабам.

— Не преувеличивай. По сторонам, я гляжу по сторонам. Пусть и он смотрит. Иначе его обведут вокруг пальца. Подадут какой-нибудь крашеной сивухи, а он и начнёт хвалить, и покажет себя полным лопухом. Там и решат — такого и облапошить не грех.

— Ну и что особенного, съезди в Гамбург, это ближе и выйдет не так накладно.

— Накладно ей... От Гамбурга у меня живот болит, я же говорю! Гамбург, что Гамбург?! Гамбург, Гамбург... Там он хоть увидит — что такое виноград, что такое Райн... А здесь, на севере, ну что у нас тут такого? Заладила — Гамбург, Гамбург... Хамбург твой, город бабьего шума, базарного хама, в нашей дыре и то спокойней и светлей.

— Просто ты не хочешь его от себя отпускать. Признайся. Вот и тужишься. Вот и цепляешься, и ни при чём тут Гамбург. Он почище будет, а тебе — каждое лыко в строку. Такой уж ты набожный, что все здесь нехристи, тупицы и неучи, когда тебе выгодно...

— Ну, ладно. Съездим к местному епископу, да и пусть едет с Богом... Мамку не переспоришь. Вот бабы, ну на что вот они так созданы глупо! Одевайся попроще... — сын в растерянности, надевает новый светлый костюм, отец в раздражении одёргивает: — Да не это!.. Это слишком... Что ты как сугроб там будешь — весь в белом? Снеговик что ли изображать?

— Пап, так мы же куда едем, к кому!..

— К кому, к кому... Сам знаешь к кому! Что вы все от меня хотите? Замучали ведь уже. Эта тараторит, а этот как пень стоит, вырядился весь в светлое... Здравствуй, дедушка Мороз, борода из ваты... Это же епископ — соображать надо!

Мама, чувствуя, что кипяток начинает приподнимать крышку, суёт сыну чёрное и шепчет ему на ухо: — Видишь, он переживает, не трогай его...

— Гамбург, Гамбург... Заладила... Ах, Гамбург, Гамбург! Ну что может вырасти на этом идиотском бабьем навозе? Готов? Не может быть, поглядите, додумался, наконец, чёрное одеть! Поехали, маменькин сынок! Опять в Гамбург после обеда! Господи, в животе так урчит, будто по небу летает дракон!..

Мгновение — и отец уже сидит в повозке и нетерпеливо постукивает по ней новой палкой: — Ну, скорей, скорей... Нас ждёт великий Гамбург! И битва драконов...

4. Гамбург

— Ав! — Гамбург встретил испугом. За углом дома стояла, будто нарочно спрятавшись, нищенка. Как только отец с сыном, о чём-то болтая, вышли из повозки и поравнялись с ней, она крикнула прямо в ухо отцу, выбрав именно его, чтобы испугать, или привлечь внимание. Отец подпрыгнул от неожиданности и присел, чуть не упав на большую ногу. — Ты что!!!

— Ты мне обещал. Я жду тут, а ты забыл.

— Ах ты коза! Что я тебе мог обещать?

— Денежку, на сладости и на наряды.

— И на сладости и на наряды одну денежку? И за что? За что такое особенное?

— А ты не помнишь?

— Ну ладно, ладно, тише ты... Вот тебе на сладости, вот тебе на наряды... — дал две мелких монетки и быстро заковылял вперёд, стремясь скорее нырнуть в ворота епископского дома. Сын, оборачиваясь на ходу, явно встревожен, не зная, как оценить это действие и знак. — Это кто?

— Да так, не обращай внимания. Это так.

— Не пойму...

— Да всё тебе объясни! Ну, нищая, не видишь? Я бы сказал — это и есть душа этого городишечки, но вы же слепые с матерью, попробуй вам докажи невидимое... Ох, живот, живот...

— А что ей надо?

— Ты лучше сапоги отряхни... У тебя нет ножичка с собой — на ремешке дырку сделать? Хотел же перед отъездом — нет, надо обязательно человека сбить, поторопить его... Ах прямо знобит, до того живот болит. Вот и этот, который... Ох, Господи... Только бы не... Только бы не... Как в страшном сне!

5. У епископа

Оказалось, внутри, за серыми стенами — светло. Свет поддерживался искусно расставленными светильниками и яркими витражами. Сам епископ был какой-то странный, в дорогом облачении, но в простых мужичьих сапогах, вот-вот будто зашёл в гости с дороги и с жары чайку попить. Или он хотел выглядеть своим, или был таким — сын распознать не смог, пока они с отцом беседовали.

— Вы один из лучших наших прихожан в Любеке...

— Не уверен.

— Ну, ну... Излишняя скромность. Мне ведь многое рассказывают.

— Что, и тайну исповеди?

— Ну, какой же вы желчный.

— Ну уж, немец — что поделать. У нас там рядом с морем языки, знаете, просоленные становятся. Это вот мой сын.

— Хорош, хорош. Ну что, пора на службу, молодой человек?

— Рано ему, пусть как я. Мы так же торгуем, как вы воюете.

— Церковь не воюет, сын мой.

— Ну да, ну да...

— Но с другой стороны, торговлей земли не приобретаются...

— Ну как же, как же...

— Но война иногда расчищает место истинному кресту, даёт возможность водрузить его... Иногда нужна решительность. Посмотрите, как в начале славных дел на нашей земле Вонифатий крестил князей...

— Это который от пьянства?

— Это который дуб Вотана, пред которым ещё недавно приносили в жертву и сыновей и дочерей — не боясь, на глазах у ещё некрещёных князей, рубил несколько дней. Они прикоснуться-то к нему и то боялись, а он топором — бам! бам! А потом сделал из него церквушку, и там крестил их всех...

— Любек ведь почти деревня, ваше преосвященство. Вот Гамбург — это да, это сила, учёность, знания, храбрость опять же, топором — бам, бам... Я что-то не слышал никогда про такого Вонифатия...

— Это тот, кто принёс сюда Священное Писание.

— На немецком?

— Ну разве это так важно? Что такое немецкий? Он существует вне варварских наречий? Которое из них литературней и достойней быть священным языком? Вы же не станете, скажем, любовное послание переводить на портовый, на грузчицкий, пусть ваша возлюбленная живёт рядом с портом... Мы, наследуя дела святых, дела наших предшественников, должны давать себе отчёт — что на первом месте. Вот ваше ремесло — это хорошо, почётно, прибыльно, но и суетно, и отнимает всё время, все помыслы, не остаётся места для чего-то такого, праздничного и высокого, для перспективы, не так ли? Было бы время — вы бы никогда так поспешно не сыпали словами, а разобрались и с языком, и со всем остальным...

— Так, так. Что-то не пойму я...

— Поясняю. Вы торгуете, связываете нас, скажем, с Русью, тем самым укрепляете её нашими товарами, взамен же везёте безделицы для наших бездельников, и медовые сладости для наших сладкоежек. Меха ведь не порох — они не стреляют... Рядом с Новгородом, здесь, недалеко, Литва. Её вы минуете, это неглупо, это правильно, Литва непостоянна, неприветлива к нам, к немцам — всё время стычки, конфликты, непрочный мир...

— Да?!

— Да, да, конечно. Мы стремились показать тем славянам, что живут там — истину. Но как-то всё больше наталкиваемся на силу и сопротивление. Не нашлось пока что новых Вонифатиев, но, может, всему суждено совершиться по-другому. Русь их подталкивает с той стороны, то есть, получается, косвенно, помогая врагу нашего врага, вы тем самым приближаете великие дни... Торговля — оборотная сторона войны, ползунки для младенца, научающие ходить в правильную сторону... Но кто-то должен действовать и здесь. Решительно и прямо. Показывая истинный немецкий дух и стремление к порядку... Нам нужны такие сыновья...

— О да, я понял...

— Всё это нуждается в объяснении, в действиях множества людей. Мы как одна кровеносная система, переносящая силу из одного члена в другой.

— И что же наша кровь? Я думаю, что всё же не только сыновья, а не ошибусь... — папик тянется за кошельком.

— О, нет... Наша кровь — общая идея. А переносчиком может служить всё сущее, всё, что есть вообще, любое вещество и любая личность. Сыны и дочери, бумага и металл... Что золото? Оно лишь переносчик света, который привлекает людей. Навоз для удобрения полей. Тот, кто расточает его на настоящее, пожнёт настоящее, кто удобряет будущее, пожнёт будущее. Тот, кто расточает — тот собирает, а кто собирает — тот расточает...

— Ну раз это навоз... Ничего не понимаю. Не могу же я, грешник...

— Не язвите... Вы, удобряя почву, возделывая её, не будете же сеять, потом топтать, потом лить бездумно лужами воду. Вы выберете время и меру и будете осторожно вносить, что сможете, что есть под рукой... Вот ваш сын...

— Вернёмся к деньгам. Вот, ваше пресвященство, я тут приготовил, возьмите, что есть на данный миг, в мою скромную меру, помолитесь о моём сыне и обо мне... И о моей ноге, если это не...

— Нет, это не... Если искренне. Хотя, вы всё же не так церковны, как мне рассказывают. Ну что ж. Ваши имена будут первыми.

— Спасибо. Я так много узнал. Про дуб и про всё остальное. Блеск! Нам надо торопиться, к сожалению...

— Да, да...

Папик всюду, как опшаренный, выскакивает первым, торопясь к чему-то следующему в жизни. И здесь так же — даже не приложился к руке, схватил за руку сына — и за дверь.

6. Вновь на улице

Они так и выходят из ворот епископского дома — отец, как маленький, ведёт сына за руку, хотя это и помогает ему идти, не хромая.

— Ав! — опять выскакивает нищенка, пытаясь их испугать. Отец отпускает руку сына и отмахивается, быстро ковывая вперёд:

— Всё. Я пуст. Дай ей что-нибудь...

Нищая пристаёт к сыну:

— Ты разве не знаешь меня?

— Нет. Сейчас, сейчас... — сын суетливо роется в кармане: — Не та одежда, сейчас...

— Помолись обо мне... — нищенка собирается сказать ещё что-то, но отец её обрывает:

— Хватит уже, помолились. Висбаден — там, и Мариа Лаах — там. А где я? И моя нога? Здесь. Посреди этого бабьего жужжания — Гамбург, Гамбург...

— Пап, ну что ты! Ну это же действительно — ничто. На, возьми... — сует монетку нищенке и продолжает успокаивать отца: — Ну ты ведь мог не давать ничего...

— И кем бы я был? Где мы, где Русь, где Литва?

— Ну, успокойся...

— Я его повешу на шнурке, на шею. Буду носить, пока не отберут, — нищая плетётся за отцом с сыном, не собираясь от них отставать.

— Где я, где моя голова, и где эта чёртова жена! Вот вернусь — покажу ей, где мы все оказались! Я месяц трудился, бегал с больной ногой, и на тебе!

— Ну, пап. Ну о чём ты сейчас жалеешь? Я приеду — всё в сто раз возместится.

— Да уж, я вижу, чему ты научился — ей надо было дать медяк, а не серебро. Ничего ты ещё не понимаешь! Ну как я тебя отпущу!

Нищая догоняет их, вешается сыну на рукав:

— Вернулось время добрых рыцарей, щедрых, несущих свет и радость. Пойдём ко мне, я угощу вас хорошим вином! Хотите — райнским, хотите — мозельским...

Отец, и так до бесконечности расстроенный, тут совсем останавливается как вкопанный. — Ты?! Вином?!

— Да, причём, светлым, как этот день. Настоящим немецким вином. Некоторые находят, что оно горчит, и что у него немного травянистый вкус. Но, по-моему, чем светлее, тем лучше. Райнское, на мой взгляд, потяжелее, чем мозельское. А если хотите — у меня есть и французское...

— Ты, нищая! Собираешь тут медяки и щипки, ругань и всякий мусор — и ты предлагаешь нас угостить хорошим вином?! Нет... — отец возмущён и удивлён.

— Да, а что? Никто же не знает, сколько я собираю медяков и сколько синяков на заднице. Я же с них не плачу подати. У меня не описывают имущество за долги — я никому не должна. Если умный и чуткий немецкий рыцарь снисходит до того, чтобы переночевать у меня — я сыта несколько дней. Мне, правда, платят прозвищами, и кидают их в меня как камни, и дают сдачу пинками и грязными словами — но это лёгкие глупости глупых и неразумных. Для умных у меня всегда есть что сказать, но таких, по правде, я встречаю очень редко, очень.

— Слушай, а как тебя зовут? — отец опомнился от удивления, но ещё не взялся за обычную стремительную иронию, спасающую от неловкости.

— А ты не помнишь?

— Что-то не припомню... Сначала мне показалось, что мы где-то... Но сейчас я точно вижу — нет... Таких я... Мы разве?..

— Нет, конечно. Я замужем. Я честная и хорошая.

— Ты замужем? Ну, бабы, врать умеют. Где же твой муж?

— Он там, где нельзя иметь жён.

— На небе что ли? или там? — отец притопнул ногой.

— Что-то вроде того... Но не совсем. У меня много братьев. И они-то меня и пасут и охраняют, и не дают нашим добрым соседям захватить мой дом. Но я решила, что вот так, как сейчас — будет лучше всем. И мне, и братьям, и всем остальным, чтоб они были спокойны. И я, такая, могу спокойно пройти мимо, когда в меня кидают камни, могу выхватить ножичек, когда какой-нибудь урод слишком приблизится — мне можно, все знают, что я дура. И я могу сесть на улице и просто играть с детьми и с собачками — могу всё, что ни вы, ни ваши жёны не можете. Ну что, всё же вина?

— Нет, пожалуй. Кто знает, что у тебя там за вино. Скажи лучше — зачем ты час назад кинулась на меня, как дура?

— Проверка. На испуг. Я просто хотела узнать — ждёшь ты меня или нет?

— Я?!

— Ну, да! Ты же всегда ждёшь меня, показываешь меня всем...

— Ты всё-таки безумная...

— Вчера ты меня называл светлой.

— Я?

— Да.

— Не помню. Ну всё, идём, идём, некогда, — папик срывает сына с места, заинтригованного нелепым разговором, и бросает ей через плечо: — Иди и ты с Богом, иди... Ведьма... Точно тебе говорю... — шепчет сыну.

— Помолись обо мне.

— О ком, имя...

— Сам знаешь. Ав!

— Мамаша меня убьёт, а? Как ты думаешь? — отец вновь вернулся к своему, к больному, уже забыв только что бывшее. — Убьёт. У меня их две в одном лице — одна ангел, другая — ведьма... Ведьма не посмотрит ни на что — ам, и нету... Они все такие, то чёрные, то белые...

7. Прощание

Впервые в жизни они смотрят друг на друга не для того, чтобы один отругал другого, или что-то попросил, впервые в жизни — рядом, и отворачиваются, будто от сильного встречного ветра — легче смотреть на лошадей в загоне, на покрытую изморозью траву, на улетающих птиц, на готовые к отъезду повозки, уже развернутые в разные стороны.

— Честно признаться, я бы хотел сначала женить тебя, но эта нога...

— Ты так много об этом говоришь...

— О женитьбе?

— О ноге. Я начинаю думать, что тебе просто всё надоело, и нужен повод удрать от нас от всех.

— Нет. Я, конечно, немного устал, но не настолько, чтобы заниматься пустяками, вроде того, чтобы поехать на юг лишь поглазеть на гору, где Зигфрид мочканул этого несчастного дракона... А ведь ездят бездельники. Просто я хотел бы, чтобы у тебя всё было, конечно, не в точности как у меня — но чтобы, например, тебя тянуло вернуться и обнять кого-нибудь...

— Но есть же вы с мамой!

— Ну, что для взрослого мужчины родители, это не в счёт. Должно тянуть туда, где хочется быть всё время.

— Но я думал, что для этого сначала должна быть любовь?

— Сначала? Любовь? Это очень просто. Полюбить можно любую. Разве твой взгляд не говорит тебе этого? Неужто лишь к пятидесяти годам человек понимает, что дай ему любую, или почти любую — и он сможет жить с ней, надо только научиться затыкать ей её глупый рот, если она не немая... И ещё одно: ни в коем случае не надеяться, что кажущиеся недостатки временны и легко поправимы, что можно что-то переделать, исправить, нет. Это как в аду — никакой надежды. Они постоянной текущей воды, всё время возобновляющейся неизвестно как. Куда бы ты ни пошёл — вниз по течению Донау и Райна, или вверх, к устью или к истокам — всегда будут образовываться их струи, из маленьких

ручейков и невидимых подземных ключей... Также невозможно изменить недостатки, как все их заткнуть... Человек женится на вечно возобновляющейся реке, у которой два берега — твой и чужой, которые невозможно поменять... Легче тиару сменить на тюрбан...

— Пап, ну о чём ты говоришь... Мне кажется почему-то, что вот эта жизнь, которую ты прожил, и которую предлагаешь мне — тебе самому не очень-то нравится, но только ты никогда в этом не признаешься, потому что это глупее глупого, а?

— Я, как любой отец, хочу открыть тебе всё — и не хочу, как видишь. Ладно, пора прощаться. Будь аккуратен, честен, твёрд, спокоен, как настоящий немец. Ты едешь в хаос, в котором невозможно разобраться. Если б я не снарядил заранее этот корабль, я бы не отпустил тебя, такого...

— Ты будешь ждать меня?

— Конечно.

— Ну, вот, я и буду стремиться вернуться домой. Береги маму. Лечи ногу, это тоже важно.

— Всё же с женщинами того... Будь правилен, будь осторожен, будь...

— Может, я вернусь и женюсь?

— Будем надеяться. Это ведь по-настоящему полностью твой корабль. Я хотел построить тебе дом по возвращении... Светлый, как я мечтал. И надо было присмотреть тебе какую-нибудь бойкую, рыженькую, или чуть пегую...

— Опять ты смеёшься, па... Пап, береги себя. Я скоро вернусь. Ну что, отпускаешь меня? Я поехал?

— Все так говорят. Ну ладно, езжай. Раз дом пока не на что строить — присмотрю тебе какую-нибудь рыженькую, такую светленькую... По-моему, у одного булочника здесь, в Гамбурге, я видел кой-какой товарец, который он не выставляет на прилавок. Есть там с такой начинкой булочка — о-о-о... Ладно, всё, трогай...

— Маме что передать?

— Да скажи что-нибудь, не знаю... Вернусь скоро, куда же я денусь. Пусть не волнуется. Только не знаю, когда вернусь — чтоб не бросилась искать по всей Германии, у меня ума хватит... Ну трогай же, ты первый! — каждый уже сидит в своей повозке, трогают одновременно, сын едет быстро, не оборачиваясь, а отец остановил повозку — смотрит вслед, тихонько крестит в спину. — Ну, вот...

8. Отправление

Сын собирается пройти по мостику на корабль — он последний, но мама его всё ещё держит:

— Всё проверил? Карты взял? А компас?

— Да взял, взял, мам! Ну что ты, какие карты! Это же всего лишь Балтика!

— Ну, не сердись, не сердись. Я же не знаю, что там тебе может пригодиться.

— То же, что и отцу!

— Значит, ничего... Штопор да пустая книжонка... Смотри, осторожней! Для денег я тебе там пришила внутри свой старый кошелёк, как карман. Никому

ничего не показывай. Опять же — жизнь там другая, много разных соблазнов, и люди там другие, будь осторожней, умоляю...

— Ну всё, всё, мам! Всё. На корабль не будешь же заходить...

— Ну, не сердись... Девушки там, смотри...

— Да знаю, знаю. Всё, мам, я поехал. Берегите себя с папой, не болейте.

— Они, говорят, едят сырое. Не ешь — заболеешь...

— Ма, ну кто тебе сказал! Ну всё, наш вымпел поднимают! Я готов, — целует маму в щёку и стремительно оборачивается и убегает, в чём-то как отец, но быстрее. Матросы подтягивают мостик, мама остаётся перед всё увеличивающейся пропастью, к ней подходит и останавливается рядом красивая девушка.

— Это кто такой красавец?

— Это мой сын. Осторожней...

Девушка идёт дальше, разговаривает сама с собой:

— А я и не узнала. В далёкие края отправляется, голубчик. Красавец... Никто его не провожает — какой-то странный красавец. Никто не плачет, кроме старой матери. Ускользнул мимо развешенных сетей, нашёл лазейку, вывернулся от ловушек и назойливых разряженных мушек, у которых внутри хитро спрятан крючок... Значит, он очень холодный... Или слишком горячий... И если холоден, то от его огня сгорят все мушки, все, кто приблизится... А если горяч, то значит, и умён, раз ни одна ледышка не притянула его к себе, играя огнём и блеском, и не угасила в нём пламени. Ну и какое мне дело? Мелькнул человек — и уже его не видишь, разве это новость? Разве не все так живут? Прощай, красавчик, битва за тебя — впереди, — девушка находит на берегу выброшенную морем корягу, спокойно берёт её, как козу за рога, и тащит за собой, оставляя след на песке, потом бросает её, присаживается на корточки и рассматривает камни.

9. У русских берегов

Сын старается бодрствовать всё время, ничего не пропустить — возбуждён и весел, тогда как капитан совершенно спокоен — то сходит пообедает, то спустится в трюм, проверит, как привязан груз, то долго размышляет над распоряжениями насчёт ужина — ходит по кораблю, как по дому, который никуда не плывёт, а сын всё время на мостике — смотрит вперёд и удивляется всему:

— Это и есть Русь? Всё как у нас, только холодней. А это что за кусты?

— Это разве холод, сынок! Холод ещё впереди, — капитан принёс сыну тёплый вязаный свитер из грубой шерсти, как у всех матросов. Сын радостно взял его и стал напяливать.

— А что это нет никого? Никто не встречает? Не ждут?

— Так мы ещё должны по реке подняться до озера, там наймём повозки — и в Новгород.

— Так сложно? Зачем?

— Да нет. Это как раз всё просто. Только хлопотно.

— Такой же точно берег. А, вот — вижу домики...

— Избушки.

— Избушки? В них живут?

— Ну да.

— Смешно.

— Это ещё что. Смешно, когда они начинают на ровном месте безо всякой причины пить и драться со своими же до крови, чуть не до убийства. Смешно, когда собака вцепляется тебе в ногу, а другая норовит перекусить шею...

— Разве они не на привязи?

— ...?! Какая привязь. Это — Русь.

— А девушки как у них, красивые?

— Девушки? Да, девушки красивые... но только очень быстрые, даже дикие — не успеваешь пару слов сказать, а её уже нет. Твой папа с мамой вообще-то наказали мне, сынок, кое-что...

— Что-что?

— Да так, хозяин, ничего. Ты смотри, смотри, разбирайся. Если что непонятно — спрашивай. Если повезёт, то чьими-нибудь молитвами мы обернёмся очень быстро. Люди они странные — то жмутся до последнего гроша, если думают, что ты их надуваешь, а то вовсе не торгуются — отваливают больше, чем мечтал попросить в самом сладком сне. Не называй только сразу ничего — никаких цен, никаких цифр не говори. Когда приблизится кто-нибудь — молчи про всё, только предлагай самому князю испробовать товар и купить. Покажи, что не торопишься, не горячишься. В общем, надо показать, что у тебя нет слабых мест. Они люди умные и ленивые — им долго ждать не захочется, увидят краешек товарчика и загорятся испробовать — и купят. Лишь бы Господь пронёс от разбойников...

— А что, тут разбойники?

— Да, по-моему, ночью они все такие, или почти все. Какая им мысль втемяшится — всё... Там, где плуг, в том же сарае и меч...

— Ну, это почти везде так. А с виду — так всё спокойно и мирно. Это что за река, что за деревья вон там?

— Река русская, обыкновенная, я названия не знаю — река и река. А деревья тут все, как наши.

— Нет, вон те, низенькие...

— Да откуда мне знать! Я же только плаваю, тороплюсь — туда, обратно, туда, обратно... Это, похоже, сорняки какие-то. Да тут всё как у нас, только вот дубы у них не растут из-за холода.

— То есть как?

— Вот так.

— Совсем нет дубов?

— Совсем. Люди дикие, леса какие-то однообразные, как они сами — всё больше хмурые, ёлки, реже сосны, осина да ольха, да на болотах кусты...

— Девушки должно быть в таких лесах суровы.

— Вот не угадал. Почему-то совсем наоборот — как огонь, и одновременно нежные какие-то! Не то, что наши. Я уж не говорю про голландок.

— Что это вы с отцом не любите ни Голландию, ни голландок? Что-то в этом скрыто...

— Нет, ничего особенного. Просто не люблю.

— За что? Пустые, холодные, практичные, сухие не в меру?

— Да нет, наоборот. Каждый раз отец вместо того, чтобы ехать домой, на недельку обязательно туда заворачивает на обратной дороге.

— Но это же не по пути.

— А я о чём? Неделю там торчишь на виду у всего города — как этот, болтаешься как чучело, без всякого дела...

— А зачем?

— Ну, что-то по торговой части...

— С голландками именно?

— Да не знаю, сам же догадываешься. Зря уж и сказал! Ты уж отцу только...

— Ни слова. Конечно. Ну, папик...

— Зря сболтанул. Хозяин он отменный. Таких больше нет. Пунктики ведь у всех есть.

— Он мне всегда привозил что-нибудь, когда я был маленьким — сладостей, штучек разных. А я всё думал, что это отсюда...

— Нет, конечно. Русь — это капуста, мёд, воск, мех... Всё. А Голландия — это пряности, ароматы, сладкие тонкие запахи, ткани, книжки, самый тонкий товарчик, и расчётливые ждущие голландки — мужья-то их постоянно в дальних морях, не то что мы. Мы жмёмся поближе к дому, для нас Англия — предел, не то что южные страны, где торчат эти голландцы...

— А ты завидуешь им, капитан. Ещё не наплавался за свою жизнь?

— Наоборот, надоело уже всё. Дома — жена, сыновья. Кому охота мёрзнуть подолгу? Вот так думаю — пора уже сынам вставать вместо меня на это место. Только доучить их и оженить...

— Ну вот, везде одно и то же...

— Что делать. Во всём должна быть последовательность, ум и правильность. Ну, всё, подъезжаем. Ты, сынок, лучше просто смотри, не вмешивайся, мы всё сделаем как обычно, спокойно, чётко, без суеты... Иди, пододень ещё что-нибудь, замёрзнешь.

Капитан потягивается, спускается вниз, даёт пару коротких команд матросам, которые и без того уже ставят плавучий дом вблизи берега на якоря.

10. У новгородского князя

Резкий контраст, бьющий в глаза — деревянного и каменного, чёрного, белого и золотого: грубый частокол, деревянные посеребрённые временем и солнцем дома и летящие белые храмы с золотыми куполами, живущие до очередного пожара или набега. Всё как на войне — это ясно и без перевода, всё, связанное с жизнью — временно, хотя и кажется прочным — толстые, небрежно ошкуренные смолистые брёвна княжеских простых палат. Сам князь тоже простоват, сразу тыкает сыну:

— Ну что, привёз?

— Что он спрашивает? — сын вполголоса советуется с капитаном, который вежливо и осторожно шепчет: — Спрашивает, привёз ли ты товар?

— Что сказать?

— Скажи, что да, привёз.

— Да, — сын кивает головой, повторяя: — Да.

Капитан подходит к князю, что-то вполголоса объясняет. Тот довольно кивает, встряхивая красивыми длинными русо-золотыми волосами, откидывая их

привычным жестом руки назад. Усы, борода такие же, но уже чуть подпалены сединой, из их сердцевины, обращённые к сыну раздаются непонятные слова:

— Ну что ж, теперь мы им покажем!

Капитан возвращается к сыну, явно довольный, тот уже в нетерпении его ждёт.

— А теперь что он сказал? Доволен?

— Он сказал, что они теперь им покажут.

— Кто? Кому?

— Русские литовцам, наверное. Ну, не знаю, врагам, татарам, или ещё каким-то соседям — не знаю. Это важно?

— И что же делать?

— Всё. Больше ничего.

— Как, это всё? А торговаться мы будем? А торговать, что-то подписывать?

— Что подписывать, не понял?

— Ну, договор. А что ещё полагается подписывать?

— Князь сказал, что всё берёт. Больше ничего не надо. Ты что, думаешь с ним торговаться? Он просто всё берёт. А взамен расплачивается.

— А цену он откуда знает?

— Ты что, сынок! Какая цена? Ты привёз товар. Сам князь говорит, что берёт. Никакой цены. Берёт всё, что у нас есть. И даёт. И ты берёшь всё, что дадут. И не сомневайся — тут дадут больше, чем ты думаешь. Это же его слово. А оно — очень дорогое.

— А я думал... Как он? как я? как мы будем беседовать... Ничего не говорил — ждал, когда же время наступит.

— Вот и молодец. Отлично. Мне бы таких сыновей.

Князь, отвлекаясь от разговора с кем-то из своих, обращается к ним:

— Ну, что же вы сидите? Идите погуляйте пока, посмотрите, как мы отстроились... Потом и потрапезничаем.

Сын, легко загорааясь от нетерпения, теревит капитана:

— Быстрее говори, о чём он? Что-то важное?

— Приглашает пообедать попозже. А пока говорит походить тут, по его покоям, осмотреться. Я думаю — они собираются совещаться, значит, нам пора. Идём, я распоряжусь, чтобы выгружали.

— А дальше?

— Да не думай. Я обо всём распоряжусь. Ящики выгрузят и пусть переделывают повозки под меха и всё, что они дадут. Лишь бы на корабль всё влезло.

— Завтра уже домой?

— Как скажешь. Хочешь — домой, хочешь — завернём в Голландию на недельку, или ещё куда... Да ты не переживай. Ну что ты? — капитан, плотно держа сына за локоть, выводит его в другую комнату и плотно закрывает за собой двери. — Мне на двор, а это всё твоё — смотри, учись, запоминай.

— Ты всё запишешь как следует? Или я?

— Что записать?

— Ну, сколько чего получено. Надо записывать всё. Мне отец велел.

— Папа велел? Странно. Вот уж кто записывал всё на глазок, да ещё после обеда, правду сказать, не очень-то трезвый. Ты, гляжу, папу своего не знаешь как

следует. Он настоящий купец — дай только взглянуть — пьяненький, трезвый, с завязанными глазами, наощупь — сразу видит суть вещей. Количество скажет, не считая, и качество. Может, это и от лени, но чтоб отец что-нибудь считал... Для него цифра по сравнению с временем, с жизнью — ничто, почти ничто. А чтоб сидеть, дотошно пересчитывать, перебирать — он же не голландец какой-нибудь... Те — да, рассчитывают гораздо дальше, потому так далеко и плавают. Хотя мы и соседи, но, по-моему — русские нам гораздо ближе, как братья.

— Странно.

— Ладно, болтать некогда, день короток. Иди — вон дочери княжеские играют — познакомься, поговори.

— Я же не умею...

— Ну, тогда как знаешь. Всё, бегу, скоро стемнеет, а ящики тяжёлые. Идёшь ты или нет? — капитан почти что силой подталкивает сына вперёд, тот оборачивается в растерянности.

— Ну, ладно, иди. Сможете без меня?

— Спрашиваешь! Всё... Меня уже нет...

11. Встреча

Медленно, как бы рассматривая не очень гладко вытесанные стены, прожилки деревьев и капли смолы, сын приближается к стайке девушек, которые тихо, но откровенно смеются над его неуклюжей тягой, над неловкими движениями.

— Это он? Он... Тише ты! Думаешь, он не слышит? Да он же не понимает ничего — папа сказал.

— Папа сказал совсем другое — он даже не понимает, что он нам привёз: силу, жизнь...

Как только он приближается вплотную, девушки бросаются врассыпную, как стая птиц. Одна замешкалась, у неё валится из рук неоконченная вышивка — бисерная зелёная ветка и на ней только начатая контуром птица — и все принадлежности для вышивки: кусочки кожи, стекляшки, бусинки, нитки... Он бросается к ней в ноги:

— Я помогу!

Она пугается, стоит, закусив губу от страха и неожиданности, а он аккуратно всё подбирает с пола, одновременно интересуясь:

— Это что? Ветка? Птица? Какая? У нас таких нет...

Протягивает ей вышивку, она молча, порывисто принимает, всё комкает, наконец, спрашивает его:

— Это ты привёз?

— Я не понимаю. Так смешно — ты вроде уже взрослая, а вышиваешь крестиком...

— Это ты привёз папе?

— Не понимаю, о чём ты спрашиваешь.

— Ты помогаешь ему воевать?

— Не понимаю. Я немец, я не разговариваю по-русски.

— Раньше был другой. Старый. Хромой.

— Что? Я что-то не так сделал?

— Я не понимаю, — она в свою очередь пожимает плечами. — Как ты, такой молодой, и вроде не урод, я бы сказала — красивый, а помогаешь воевать и убивать. Ведь ты знаешь прекрасно — зачем это всё, в твоих ящиках. Неужто думаешь — для защиты? Нет. Это для нападения на людей. У вас там все такие?

— О чём ты говоришь? О куклах, о вышивке? Я в этом не разбираюсь. От твоей красоты можно ослепнуть. Как это сказать, чтоб ты поняла? Отец был прав — свет проходит сквозь красивого светлого человека запросто, легко и чудесно. Если этот человек такой, как ты. Но как это сказать-то!

На помощь им входит капитан, отирая мокрый от пота лоб. Услышав окончание последней его фразы, встречает:

— Что ты собираешься сказать этой малютке? Уф, наконец-то затарились... Ну и денёк сегодня!

— Спроси её, как её зовут.

— Как тебя зовут, девочка?

— Светлана.

Капитан, зевая и потягиваясь от усталости, скидывает верхнюю одежду.

— Посушиться бы... Светлана, ты слышал? Ну что, пойдём, а? Сейчас бы в баню. Знаешь, какие тут бани! Предложат — не отказывайся, отдохнёшь, заодно и дела решишь...

— Что это значит — Светлана?

— Не знаю. Пойдём, посмотришь — всё готово.

— Спроси её.

— Что? Что ты пристал к этой девочке? Пойдём.

— Что это значит, послушай, скажи нам — что это значит — Светлана?

Девочка, вернее, молоденькая девушка, теряется:

— Не знаю. Наверное, значит светлая. От слова свет, я не задумывалась никогда... Что такое свет, знаете?

— Знаю. Сейчас, погоди, переведу ему. Ну, это значит, как бы выразиться — «несущая свет» что ли... Или что-то в этом роде. Да зачем тебе эти нелепости?

— Не может быть! Какая же это нелепость. Спроси её, а впрочем...

— Я вижу — что-то не так, — капитан, отдышавшись, слегка встревожился.

— Спроси её всё же — поедет она со мной?

— Да ты что! Да ты знаешь — кто она такая, эта соплячка! Это же младшая княжеская дочь! А ты всего лишь купец, должен знать своё место: приплыл, привёз, продал, взял товар и тут же обратно, ничего лишнего. Всё остальное для тебя — глупости.

— Спроси.

— Это лишнее! Какая-то ерунда происходит! Ты же сам знаешь, что это глупо. Да и как она может что-то решить, а? У неё есть отец.

— Пусть спросит отца. Или как это у них делается — я должен спросить?

— Никак это не делается! Ты что, рехнулся? ку-ку? Это же Русь. Тут всё решает только князь, только он один. А то, что он не решает решить один — спрашивает остальных, весь город: воевать, не воевать, грабить, не грабить... Да ты что! Они же совсем другие люди!

— Ну тогда я сам спрошу.

— Лучше бы нам потихонечку убраться, как обычно, пока всё так хорошо. Поклончик — и за порог. При чём тут она! Дело — вот что важно. Я спрашивать не буду! И не проси. Мне жизнь дорога, и порядок! Ты что...

— Ну, её-то что бояться, она не князь. Спроси — поедет она?

— Видишь, как она смотрит — она всё понимает, о чём ты говоришь. Она так же разговаривает по-немецки, как мы с тобой, только вид делает. Так делается, чтобы всё разведать, понял? Надо всего опасаться, а ты...

— Если бы это было так, то было бы в тысячу раз легче. Поедешь со мной? Ты — со мной? — во всё время разговора сына с капитаном девушка стояла, прижавшись к стене и напряжённо молчала, чуть-чуть подаваясь вперёд, чтобы уйти, и не решаясь. Сын показывает на неё, на себя: — Поедешь?

Она вопросительно пожимает плечами, кивает на всякий случай.

— Не понимаю.

Капитан разволновался уже не на шутку, опять его бросило в жар, но он этого уже не замечает.

— Ну, попали мы на мель... Ну, слушай, дочка... Ты ему, понятно, понравилась, и всё такое... Шла бы ты потихоньку к себе, на свою половину... Видишь — мы устали, приехали издалека...

Светлана кивает, а сын обрадованно вскрикивает:

— Ну вот, видишь! Она кивнула! Согласна, а ты говорил...

Капитан, вынужденный вновь напрягаться, теперь уже оборачивается к нему:

— Сынок, послушай... Господи... Ну, она просто сказала «нет», только у них так вежливо принято давать от ворот поворот, понимаешь? Чтоб тебя не обидеть... Видишь — уходит, и где твой разум, как может приличная, воспитанная девушка что-то сказать кроме этого «нет», а? Не смущай её...

— А что ж она тогда так светится и улыбается? А? Значит, «да», не ври, старый...

Капитан и злится, и обижается, и сжимает кулаки:

— Да что это за бред! На миг только оставь эту молодёжь наедине — они уже без слов договариваются о чём-то... Нет, скорей надо домой.

Светлана так и уходит, всё смотря на сына, но он, не слушая упреков и ворчания капитана, бросается к дверям, задерживает её, берёт за руку:

— Завтра утром. Мы запряжём повозки, и я тебя посажу в самую мягкую, с мехами. Хочешь — уедем очень далеко. Захочешь — вернёмся. Скажешь — будем жить хоть где.

Светлана на всё кивает, спрашивая капитана:

— Что он говорит?

— Дочка, он говорит, что он лопух, что твой отец его многому научил. В общем, желает твоему отцу, ну и тебе, как это сказать, доброго здоровья, успехов. Говорит, что ему понравилось, но слишком холодно, и он больше никогда не приедет. Уф, нда...

Светлана, смиренно улыбаясь, кивает сыну:

— Спасибо, я поняла. Мне надо идти, — и уходит к себе, оставляя сыну — надежду, капитану — временное облегчение:

— Уф, ну всё... Обедать, спать, и — в путь...

— Она там будет?

— Где?

— На обеде.

— Не знаю как в этот раз. Обычно женщин там не бывает, уж тем более, детей. Князь, дружина, и всё, а дети — на своей половине, и играют, и едят — это же дети. За столом обычно ведут серьёзные переговоры, там — тонкие планы, от этого зависит — что везти, какой товар. Нужно, чтоб никто не мешал. Это очень важный момент.

— Никак это не важно. Тем более, я всё равно ничего не понимаю во всей этой неразберихе и полной тьме. Да и не думаю, что смогу когда-нибудь разбираться.

— Всё ты прекрасно понимаешь, сынок. Пока что только действуешь по наитию, не очень уверенно. А придёт мужская хватка — будешь и разбираться до тонкостей, и действовать искусно — тебе понравится. Политика — очень умная и тонкая вещь. Это лучшая школа.

— Застолье и баня — школа?

— Да уж не беседы с малолетними красотками, совсем незрелыми...

— Так по-твоему, она всё же красивая?

— Она ребёнок. И к тому же княжеский, избалованный. Поехали со мной. Так уж и быть — покажу тебе настоящую женскую красоту и прелесть.

— Нет. Ты ничего не понимаешь.

— Господи... Скорей бы отсюда выйти, желательно спокойно и правильно...

— Ты, как и отец — настоящий тёмный слепой немец.

— Почему это слепой?

— Есть зрячие слепцы и есть с виду слепые, но видящие. Есть богатые нищие и есть бедные хозяева. Мой папик — это хромой бегун и ясновидящий голубоглазый слепец.

— И есть непослушные упрямые тупые сыновья!..

— И отцы, подталкивающие в пропасть, или в огонь!..

— И бесконечные спорщики. Идём, там видно будет — кто прав, — капитан опять замёрз, натянул вновь во время спора всю одежду, и вышел первым.

12. За трапезой

Князь, явно воодушевлённый последними приобретениями, приветливо усаживает сына и капитана рядом с собой, по правую руку, стараясь показать всяческое расположение:

— Что нам Ростов, что Москва, да и весь восток... Запад, Литва — вот где сегодня всё сошлось. Так я говорю, сынок?

— Что он спрашивает? — сын, стараясь не сделать ни в чём ошибку, улыбается князю, и не отворачиваясь от него, обращается к капитану, который отвечает вполголоса:

— Говорит про Литву. Я сам в этом не понимаю ничего. Впрочем, кто всё понимает? Скажи, что понял.

Сын, стараясь быть как бы мудрым, как бы понимающим и рассудительным, кивает:

— Да, да.

Князь, запросто обнимая его, как своего воина, простодушно сыплет словами:

— Когда ещё приедешь? Или снова отец? Здесь у нас — свобода, воля. Смотри —

не то, что там у вас. Я хоть ни разу не был, но так говорят. Останься, посмотри что да как, не торопись уезжать. Что торговля? Вольная жизнь — вот что главное, а?

— Да, да, понимаю, — юноша несколько растерян, и капитан, видя, что ему совсем уж неловко, толкает в бок:

— Лучше уж молчи. Ох, скорее бы нам отсюда убраться. Надо же было так вляпаться, на ровном месте, на ровном месте...

— Смотри, смотри, она пришла. А ты говорил, их сюда не пустят.

— Да уж вижу.

— Скажи ей от меня, что я её люблю.

— Вот уж уволь. В таких плаваниях я не участвую — в них никакой шкипер не поможет, всюду подводные скалы и — сплошной шторм.

— И всё же я не понимаю... Ты видишь — она свободна, как луч света. Проходит мимо нас, как бы не замечая. Неужто вот такая глыба, пусть даже князь, может родить такую дочь? Что ей до всех этих войн? Скажи, что завтра мы уедем.

— Кошмар. Если тут ещё кто-то по-немецки говорит — нам крышка, — капитан улыбается налево и направо, стараясь сделать вид, что их тихий, вполголоса разговор с сыном — ничто.

— Немцы не продадут... Да мы не пропадём — я чувствую...

Князь прерывает их, поднимая чашу с вином.

— Что вы шепчетесь? Интересно, что о Литве говорят ваши, эти, как их, тевтоны... Пьём мужики?

Капитан переводит сыну, нащёптывая на ухо, одновременно улыбаясь князю и поднимая ответную чашу.

— Опять он про Литву. Скажи уж что-нибудь.

— Церковь говорит, что Литва...

Капитан начинает переводить, но князь удивлённо перебивает:

— Церковь?! При чём тут церковь? Ах, ваша церковь. Хотят, чтобы мы их толкнули вам в объятия, так? Знаем мы этих хитрецов...

Капитан смущается, краснеет, бормоча:

— Попали, чувствуешь — нам пора... Завтра рано вставать, усталость сказывается.

— Ладно, пьём за дружбу. Настоящую. Вы всё погрузили? — князь пьёт первый, капитан кивает, пьёт со вздохом.

— Да, всё. Большое спасибо.

— Ну, немцы, вижу вы устали. С Богом. Мы ещё тут пображничаем немного, маленько подумаем. Вина хорошего привозите в другой раз, попробуем вашего. Настоящее должно на сердце хорошо ложиться, и голову не мутить, и усталость снимать... Вот привезёте вина — тогда и потолкуем как следует, — князь велит всем налить. — По последней. За гостей. Приезжайте, посидим основательно, поговорим о делах, а не то мычим как коровы, непонятно — мы-мы-мы... А что мы...

Капитан, залпом выпив последнюю, радостно вскакивает, поднимая и сына:

— Всё, идём, идём... Большое спасибо, огромное...

— Как мне её ещё увидеть?

— Бог даст — увидишь. Да ты пьяненький совсем... Ну, дружок, пора спать, пора спать... Завтра всё пройдёт. Спасибо, спасибо, всем спасибо, — проходит к

дверям, быстро всем кланяясь и благодаря, вырываясь из кольца скал и рифов, подводных коварных течений, пока отлив, пока будущее отхлынуло, пока есть цель — мирная гавань, шхеры, в которые можно забиться и переждать весь этот непредвиденный кошмар.

13. Утро

Небо хмурое, будто и нет за ним солнца — ровное, серое, уже по-настоящему зимнее, наваливающееся тяжестью. Сын осматривает обоз, придирается к одной мелочи, к другой, хмурится, оттягивая отправление, прохаживаясь вдоль немого ряда окон.

— Ну, что? Всё готово?

Капитан отвечает ему бодро, с готовностью, даже некоторым весёлым упрёком:

— Да всё уж! Три раза проверили.

— Ну, ладно, сейчас князь выйдет, и отправимся.

— Он же уехал с вечера ещё, по тайным делам. Или гулять — не знаю. Так мы его, что ли, ждали? Давно мог бы сказать...

— Ну, что ж, надо ехать.

— Да пора, пора! Что тянуть! Всё, поехали. Ну и мороз... Хотя это ещё не мороз, это только начало... Трогай!

— Постой. А она? Мы же её ждём.

— Кого?

— Светлану.

— Ну хватит! Никого мы не ждём. Дурь какая-то...

— Как не ждём? Ты что ей сказал вчера?

— Не помню. Ничего особенного. Ты ещё молод, зачем тебе это всё? Вернёмся домой, там и найдёшь себе...

— Я твой хозяин?

— Да, конечно.

— Так как же ты меня тогда не слушаешь?

— Твой отец нанял меня для дела. А это что?

— Как что! Это свет, любовь, единственная правда и единственное дело, имеющее смысл!

— ...превращающаяся лет через десять в тоску, в запой, загул, войну, или ещё что похуже, разбазаривающая всё накопленное годами трудов, разрушающая всё до основания... Долго искать не надо — для этого найдём мы тебе! Какую хочешь найдём, только поехали сейчас, а?

— Вот она! А ты говорил — она всё понимает, иначе бы и не вышла! — Светлана уже на крыльце, быстро подходит к сыну, улыбается, капитан в сердцах, со стоном тыкается в морду лошади.

— Да что же это такое!

— Светик!

— Что?

Сын показывает ей.

— Едем? Едешь со мной? К нам, туда, куда захочешь...

Светлана трогает за плечо капитана, который громко сопит от нахлынувшего гнева и обиды, уткнувшись в гриву смиренно стоящей, ожидающей команды, лошади.

— Что он спрашивает?

— А идите вы все... — капитан обиделся, но деваться некуда, так не простоишь всю жизнь, бросает через плечо: — Говорит, что уезжает. Навсегда. Очень далеко.

— Ещё что?

— Что будет немного тосковать.

— Скажи, что я тоже.

Капитан отрывается от лошади, подходит к сыну, говорит уже безразлично ко всему:

— Говорит, что немного будет скучать и, может быть, ждать... Но...

— Что «но»? Никаких «но»! Скажи — едем, или я остаюсь...

— Да, как же, разбирайся сам в конце концов! Я скажу — мне же первому голову — шшик! и нету!

— Светик, поехали со мной? Или хочешь — я останусь?

Светлана на всё кивает. Он ведёт её в свою повозку, и она легко идёт за ним, легко вспрыгивает, опираясь на его руку, он радостно оборачивается к капитану, который ни жив ни мёртв.

— А ты говоришь. Она понимает всё.

Светлана, подзвав напоследок кого-то из домашних, суёт ему неоконченную вышивку и вновь садится рядом с сыном, твёрдо и ясно кивает — вперёд, тот командует:

— Едем.

— Не знаю... Лишь бы успеть... Мама родная... — капитан морщится, как от зубной боли, опасаясь явной угрозы всей жизни.

— До темноты успеем.

— Ты очень глупый и непослушный немецкий проказник. Я вовсе не о том — и ты прекрасно знаешь...

— Я тоже не о том, но ты не знаешь. Поехали скорей что ли...

14. На озере

Впереди — мрак, день мрака, приближающийся тихо и неотвратимо. Для тех, кто любит, любовь — и есть мрак, огромный без границ и протяжённости дар, не имеющий ничего общего ни с миром, ни с тьмой, ни даже с солнечным ярким светом, любовь — всё, пропасть со всех сторон, не вмещаема миром, колеблющимся между светом и тьмой, то горящей огоньками, то угасающей и еле тлеющей, но всё же тьмой, промежутком между медленным умиранием и старением и кратковременной, в один миг отцветшей молодостью. Любовь — пророчество о будущем, но не о том ближайшем, измеряемом минутами и годами, которое только и знает что превращаться в блёклое настоящее, где остаётся лишь пепел и новая надежда, на новую жизнь, лежащую дальше века и любого времени, вне любых пределов — городов, земель, домов, дорог.

— Светик, посмотри сюда. Светик, дай руку, холодно? Через несколько дней будем дома. Светик... Видишь, она всё понимает... — сын на миг отвернулся от

Светланы и обернулся к капитану, который недовольно морщится, тоже чувствуя приближение мрака, но другого, здешнего:

— Брось её. Пока не поздно. Всё, поздно... Слышишь — скачут за нами? Что я говорил!

— Это птицы летят. Смотри — весь мир движется, поёт, как будто посреди зимы наступает весна. Как хор — всё, каждая штучка, не молчит — поёт...

— Это болезнь какая-то! Да что же это такое! Бросай её, говорю, и ходу... — капитан вновь обернулся и увидел настоящую погоню, стремительно преследующую их обоз, бесшумно, вздымая лишь лёгкое морозное облако, как стая падающих сверху хищных птиц. — Вот они! Не должны же они нас тронуть — мы всё же немцы!..

— Стой. Всем стоять, — сын, теперь сам увидев погоню, решительно встаёт в повозке, стараясь всех успокоить. — Сейчас мы с ними поговорим. И всё прояснится.

Налетает князь с дружиной. Воины, ни на кого не обращая внимания, по очереди взламывают возки, наконец, один кричит:

— Здесь. Есть.

Сын хватая коня князя под уздцы, кричит, стараясь быть твёрдым:

— Послушайте, я хочу вам сказать, что...

Князь смотрит только туда, откуда выводят Светлану.

— Давай её сюда.

Сын повышает голос до крика:

— Что он говорит? Скажи ему, что мы любим друг друга, быстрее!

Капитан в ужасе упорно мотает головой, боится издать хоть какой привлекающий звук. Сын говорит сам:

— Я её люблю. Больше всего в мире. И она меня тоже. Если скажете остаться — останусь.

Князь, не уделяя никакого внимания его словам, командует своим:

— В сани её, да не в эти, груз валите на снег, в пустыне. Крепко вяжите. Всё? Пускайте по льду.

Сын в отчаянии спрашивает у капитана:

— Что он собирается сделать? Я остановлю, — капитан кидается и виснет на нём, держа за одежду.

— Не лезь, тихо, не суйся...

— Давай, гони! — князь резко командует, сам первый подстёгивает пару лошадей в повозке, где сидит дочь, связанная, ничего не говоря. — Господи! не допусти поругания веры! Не допусти лукавому подобраться к нам и войти в дом наш...

Возок резко рванулся, лошади поскакали бойко, видимо, надеясь, раз люди от них требуют бежать по ставшему за ночь тонкому льду — набрать скорость и проскочить по хрустящей, ломающейся поверхности, но ближе к середине лёд не выдерживает и проламывается, повозка, неловко кувыркнувшись, резко ныряет вслед за лошадьми и почти мгновенно исчезает из виду.

— Светик...

— Всё, домой. Ничего не трожьте, — князь обращается к своим, но как бы говорит в воздух, самому себе, поскольку и так никто ничего не трогает, в смятении от случившегося. Он, также как и налетел, как вихрь, бросается обратно, и дружина

за ним. Сын медленно скидывает ненужную мешающую шубу, обувь, идёт босой по льду в ту сторону, где провалилась повозка. Капитан хватается за руку:

— Постой. Ну что ты делаешь?

Сын идёт всё дальше, подходит к ломаному краю только что возникшей проруби, садится на лёд. Капитан встаёт в некотором отдалении, опасаясь, что лёд проломится.

— Послушай. Поехали, а? Что теперь-то... Ну, получилось так...

Сын сидит спокойно, смотрит на успокаивающуюся от пузырьков воздуха, умиротворяющуюся от волнения воду, не обращая никакого внимания на попытки капитана услышать хоть какой-то ответ, отклик, хоть движением, хоть взглядом.

— Ты хоть меня слышишь? Вот сумасшедший... Слышишь меня, старого друга? Сынок... Сыночек...

Наконец, сын кивает.

— Вот и хорошо, — приободрился капитан. — Я знаю — ты скажешь, что нам делать? Очень хорошо... А мы потихоньку сядем на кораблик и поедем, а? На кораблике — уже почти считай как дома, отогреешься. Поедешь потом дальше куда-нибудь, на юг, в Италию, в Африку, мир посмотришь — всё изменится, забудется, станет лёгким и понятным со временем, что так надо было... Нет такой раны, чтобы не исцелела со временем...

Сын, только усмехнувшись, встаёт, поворачивается к капитану.

— Что ты хочешь? Возвращайся один. Сколько мы тебе должны с отцом — возьми, да бери побольше, без обиды. Скажи там отцу с матерью, что я стал настоящим немцем — но без Германии. Скажи это отцу, мама не поймёт, а он поймёт... Да прибавь что-нибудь, чтоб не плакали — ты сам найдёшь что сказать.

— А ты?

— Кто? Я?

— Да, ты.

— Я... — сын достаёт из кармана монетку. — Видишь — орёл, значит, я остаюсь.

— Брось ещё раз.

Сын вновь бросает монетку на снег.

— Решка!

— Значит, точно остаюсь.

— Но ведь теперь решка!

— Ну и что! Разве нельзя остаться в любом случае? Она говорит, что я остаюсь, хоть так спроси, хоть так. Бери всё там, что нужно, и не думай. Мы возвращаемся туда. На вот это... — разрывает на груди ворот, отдирает внутренний потайной кошелёк, красивый, пришитый мамой для сохранности.

— Да куда же?! Куда?! Где твои глаза?! Очнись, безумец. Это же безумие — всё, что происходит.

— При чём тут разум? Видишь — рядом мрак, и сумрак, и свет, мне холодно и жарко, руки мои дрожат от огня, от тьмы и от света — и не поймёшь, от чего больше. Я, маленький, ничтожный, частица горького дыма — его невозможно перенести. Можно перенести куда-то запах на одежде, но только не лёгкий пар от воды, кусочек льда, который растает у тебя в кармане. Разве корабль твой —

ветер, чтобы перенести всё, что я есть, и небо, и это озеро? Или прижать к земле, или вознести к небу, куда я хочу больше? Успокойся, не дыши так, не плачь, ты же немец, ты же правильно устроенный человек! Что я тебе смогу объяснить? Иди так. Сядь на корабль, устройся в своей крепости, успокойся, как невиновный вор в тюрьме. Хочешь, езжай в Голландию, полови там рыбки. А маме с папой, даже не думай, найдётся само что сказать — хочешь, скажи им, что я женился, и у меня всё идёт хорошо... Ну, иди, иди... Кошелёк не забудь передать. Всё, езжайте, замёрзнете. Тебе надо на корабль, а мне обратно.

— Я с тобой. А потом вместе домой, а?

— Ты не сможешь. Там нет моря, — сын улыбнулся и первым пошёл в другую сторону, за ним — часть обоза, те, которым капитан махнул следовать за ним.

15. Возвращение

Утром ошалевший от медленной беспорядочной езды обоз стоит посреди города. Лошади мёрзнут, дожидаясь, когда же их распрягут, почистят и покормят, да и мужики недовольны:

— Отпустил бы нас, нехристь... Так нет, молчит... Чего он ждёт? Чего он хочет-то? Пойди разбери — наделали делов... Скажи ему — как уговорено было, пусть отпустит. Так он же не понимает ни хрена...

Ударяет первый звонкий колокол. Сын, до того сидевший на облучке саней и чего-то ждавший, поднимает голову.

— Что это такое?

— Мужики, чё он говорит-то? Васисдас... Торчим тут как пугалы вороньи — вон народ к обедне идёт, а мы? Торчим тут как шило в... Ни тпру, ни ну. Бабам только на смех — сидим, ваньку валяем, после этого придёшь домой: цоп тебя, что делал? Работал... Видела, как ты работал — лежал, в небо плевал на площади... Хорошо не на сеновале.

Вновь ударяет колокол, начинается праздничный перезвон. Сын, указывая на небо:

— Что это такое? Что это означает?

— Праздник! Покров! Сам что ли не знаешь?

Сын машет рукой — поехали туда!

— Ну, вот, неладная! Понесла... Ладно, поехали мужики — ехать не стоять...

У Спаса-на-Ильине, откуда идёт звон, останавливаются.

— Приехали.

Сын выходит из возка, собирается войти, но к нему бросаются нищие.

— Подай, господин, на хлеб... Подай, дети...

Он молча проходит сквозь толпу, обходит храм вокруг, нищие, кто понастырней, тянутся за ним, канюча по привычке:

— С праздничком, со светлым днём!.. День-то какой! На Покров — в самый раз снежок свеженький, а, господин? А ледок-то, ледок-то лёгенький, звенит на озере ледок-то, всё звенит к празднику, как Господь-то приготовил, а?

Сын возвращается к обозу, кидает каждому извозчику по хорошей дорогой шубе.

— Хватает?

Мужики кивают.

— Да уж куда ты даёшь так много, чужеземец? Ну, ради праздника, господин, возьмём, много всё же даёшь — задаток уже был... Ну, ладно, берите, раз даёт — видите, как дитё, не понимает по-нашему. Отец родной, если что нужно — мы всегда готовы...

Когда извозчики все одарены, сын начинает оставшиеся товары валить на снег, на землю, в одну кучу, приказывая опрокинуть повозки. Мужики охотно помогают.

— Вот так вот! Что он затеял-то? Дурь это, дурь из него выходит заморская. Не, мужики, он из-за девки, умом тронулся. Всю ночь шастали по городу-то, вспомни, будто искали кого-то, а кого? Точно, из-за девки княжеской... Да вам-то что!..

Когда образовывается гора, сын машет мужикам — всё, езжайте, и те обрадованно, с посвистом, разъезжаются, настёгивая застоявшихся лошадок. Сын сидит, привалившись к горе мехов. Осторожно приближается бочком-бочком, как морской краб, нищий.

— Отец родной, ты что... Тут торговать нельзя... Святое место...

Сын, не понимая слов, выдёргивает из-под себя красивую шубу, не глядя протягивает нищему:

— Вот, бери, это от Светика.

Нищий сначала сжимается, потом осторожно, посверкивая бусинками глаз, точно рак, вытягивает руку, быстро хватая шубку, прижимает и с добычей бочком семенит с паперти. Так же, враскорячку, копируя первого, подходит другой, затем третий. Сын воодушевлённо начинает раздавать, каждому стараясь в руки, приговаривая:

— Это от Светика. Светик это... — пока всё не кончается. Неко-торые подходят по несколько раз, терпеливо ожидая, не думая расхватать самим, но непременно дожидаясь, пока сын не подойдёт и не положит в протянутую руку что-нибудь, — видимо, неоднократно битые за подозрение в грабеже.

— Всё, Светик, что дальше? — сын оглядывается: ничего не осталось. Нищие стоят молча, образовав пёструю, блестящую дорогими подарками и узорами, дорожку к паперти храма. Увидев эту явственную дорогу, сын ступает по ней. — Ну что, Светик? Светик мой, значит, идём? Идти? — думает бросить монетку, но потом решается идти так. — Иду, видишь?

Подскакивает опоздавший нищий, наверное, с похмелья, с набитыми синяками под глазами, беззубый.

— А мне? Дай мне что-нибудь? Даай, душа горит...

Сын не понимает, но тот вцепляется в рукав, не даёт сдвинуться. Тогда сын достаёт монетку — отдаёт, снимает сапоги — тоже отдаёт, идёт к храму босиком. Нищего, который взял и монетку, и прибрал быстренько сапоги, стыдят, дёргают.

— Ты чё! Ты чё, отдай!.. Ну, ты чё!

Он отмахивается.

— А чё он! Всем даёт, а мне?

— Так же нельзя!

— Да вы чё! А как можно-то? Да ну вас. Всем так уж всем давать...

16. После службы

После службы расходились долго — женщины всё не отпускали священника, каждая со своим вопросом. Дети бегали по двору, играли в снежки — ночной снег стал таять к обеду. Мужики, ждавшие на улице, помогали сооружать длинный праздничный стол под лёгким навесом. Несли из храма охапки пожертвованных хлебов, другой снеди — всё на стол. Суетились, возились, как бы не замечая сына, стоявшего в стороне, дрожавшего и невольно плакавшего.

Наконец, переоблачившись, священник вышел из алтаря и подошёл к нему:

— Надо бы тебе подготовиться и затем креститься, чем так. Хотя... — достаёт из кармана монетку, смотрит, загадочно улыбается. — Давай так. Не обязательно тебе. Дерзнёшь? Нет смущения? Ну, тогда я сейчас...

Священник вновь входит в алтарь, затем выходит с крестильными принадлежностями, сын покорно идёт за ним на улицу, и дальше — священник ведёт его к польнье, где останавливается, спрашивает:

— Ну, что, готов?

Он на всё кивает, сам раздевается, остаётся в длинной белой рубашке, поданной ему священником, потом спокойно, не обращая внимания на поднявшийся ветер, опускается в воду и терпеливо ждёт, когда замешкавшийся батюшка соображает:

— А имя? Имя-то какое тебе дать? Сегодня Покров, Покров... Андрей? Епифаний? Прокопий — вот! Будешь Прокопием. Крещается раб Божий Прокопий, во имя Отца, аминь, Сына, аминь, и Святого Духа, аминь...

Когда Прокопий опускается в воду в третий раз, то его очень долго нет. Священник уже волнуется, погружает осторожно руку в воду.

— Ээй... Господи, какая холодная! Утопил?

Наконец, Прокопий всё же выплёскивается из воды, смотрит светло и тихо — непонятно, то ли течёт вода, то ли плачет, то ли улыбается и щурится от ветра.

— Ну, вот, идём, идём скорей, заболеешь ещё... — священник суетится, — Прокопьюшка, бжим греться?

Прокопий вздыхает, легко кивает головой, оборачиваясь на прорубь, которая дымится, как живая.

— Вот молодец, наш человек! Вина горячего, по две кружечки, праздник ведь, а? — ведёт его ко всем остальным под навес, где народ терпеливо ждёт священника, не притрагиваясь к трапезе.

17. Хутынский монастырь

Устав здесь был — любовь, и кто мог следовать этому уставу — жил здесь, кто нет — уходил, искал другой монастырь, с писанным уставом и распорядком, с более прочными стенами и основательной, размеренной жизнью. У каждого своя келья, но время разное — один всю ночь делает свечи, будто патроны для войска, другой — готовит к весне улы, третий — в лесу на всех валит лес на дрова; читают, едят, спят — в перерыве между трудом, первый из которых всё же молитва, долгая, очень долгая и со стороны кажущаяся однообразной, пока не проходит время и

она не становится — единственной, и из тихой и неброской — самой из самых, нашей из наших спутницей.

Настоятель монастыря, Варлаам, старец, по немощи могущий уже только разве что надзирать и утешать, ходит, стучится в двери, беседует, добирается и до кельи Прокопия:

— Дровишек-то прибавь, холодно ведь.

— Нет, ещё не холодно, — Прокопий распахивает дверь, — проходи, проходи, отче...

— Как не холодно, вон пар изо рта валит. Даже друзья твои все в инее — вон это кто? Василий Великий? — старец оттирает изморозь корешка книги. — Он, голубчик... А пойдём ко мне, я тебе горяченького налью, супчику грибного... Так ведь скоро в ледышку превратишься, доподвизаешься до предела, а так нельзя...

Старец ворчит, ведёт Прокопия, как маленького, в свою келью, соседнюю.

— Спасайся, да меру знай. Думаешь — замёрзнешь с холоду да с голоду и спасёшься, что ли? Околеешь без толку, как баран бессмысленный — и всё! Был я в одном монастыре — чуть не уморили меня там, еле ноги унёс, какая там молитва... Ну-ка, на вот, ешь! — суёт Прокопию чашку с супчиком. Тот покорно берёт чашку, начинает отогреваться понемногу, но как только чуть оттаивает — вновь текут слёзы.

— Плачь, плачь... Но не так... Безмолвно плачь-то, внутренно, радостно, веселясь, не так...

— Не умею.

— Я тоже не умею, да хоть пытаюсь, Прокопьюшка. Так-то легче, как ты сейчас, а толку? А попробуй-ка тихонечко, внутренно, не как волки воют, не как бараны блеют, а так, по-детски, по-простому, но без рёва, как человек человека любит, брат брата, юноша девушку, отец сына...

— Сказать легко тебе, отче, я бы и сам рад — а получается, как сказано, что не люблю, то делаю...

— Ну, тише, тише, до апостола-то тебе далеко. Опять кто-то топочет. Вот бараны безмозглые, не имеющие никакого понятия! Лишённые всякого смысла... Это я не в осуждение, это я с миром говорю, очень даже спокойно. О духе, не о людях — ищут и ищут чего-то, сыны века сего...

— Нет единства ни в чём, сколько человек, столько и миров.

— Ближе к истине, близко, но не совсем. Вон горяченькое-то — хорошо действует, а? В разум приходишь. Ищут и ищут! Сами не знают — чего, именно чего, ищут-то...

— Света ищут, правды, но только своей — и попадают в руки тьмы. Что уж говорить — даже Пётр сегодня «камень для основания», а завтра он же «отойди от Меня, сатана». Где уж тут быть единству в человеках, если и в одном его так мало: справа — свет, слева — тьма, и везде мрак подступил, огромный, и это и есть любовь и неизвестность, и жизнь будущего века. Нет ни в чём мира, нет общения у света с тьмой, между ними пропасть, как между добром и злом, и источника зла в Боге нет, и в знании нет ещё — действия. Между светом и тьмою — нет ни смешения, ни общения, никаких, а человеку кажется совсем другое. Во тьме свет видит слепой, и тьма в свете не действует, прячется, хочет обнять и обжигается, и воет и приступает только через человек, вкрадывается, — Прокопий вдохновенно рассказывает свои «открытия», а старец его не перебивает, только иногда вздыхает почти про себя:

— Так думаешь? А ты откуда это знаешь?

— Всё живое тянется к свету: цветы, листья — оборачиваются, и нет ни страны, ни мира, в которой были бы свет и тьма одновременно. И света не бывает отделённого от света, нет двух разных, но только один, действующий везде, в двух человеках, которые тянутся друг к другу, даже и не подозревая — что это такое... Или другой видит в нём тот же свет, или любовь, или дар, или мрак уже близко подступившего дня, которого тьма уже не может покрыть или уничтожить, поскольку она ничто. И если человек этот, тянущийся к свету, имеет свет, то он тянется, чтоб его приумножить, и если нет, то — уничтожить его, хотя это и невозможно. Мы смотрим, как младенцы, на мир, которого нет совсем — складываем из знакомых кубиков, а сами не знаем самого важного — как же стать частью света, а не частью тьмы. Обернулся ко мне ребёнок, девочка, отроковица, улыбнулась — а я и не знаю, что есть её улыбка — часть света или часть тьмы, игра или жизнь, а имея дух — знаю...

— Нда, деточка... Вижу, ты с Василием дружишь, с Великим, с Григорием Паламой... Да это и не важно, хорошо — «просветитесь, и лица ваша не постыдятся»... Ты только стремись по-настоящему, и не постыдишься и мыслей, глухих, младенческих, которые тобою двигали, ни даже того, что кажется тебе, что она погибла, а ты нет...

— Откуда ты, отче? Откуда ты знаешь, я же...

— Знаю, деточка, знаю. Просветите ся — то есть себя. А дальше — на таких уж вся надежда — действуйте как знаете. Духовный вся судит, его же никто не судит...

Кто-то осторожно стучится в дверь, прерывая их беседу. Прокопий быстро отирает глаза, а старец сердито говорит:

— Да входите уж, раз пришли, бараны несмысленные. Сколько вас там, пятеро?

Дверь приоткрывается и, действительно, по одному, входит пять человек, и среди них нищий, которому Прокопий отдал свою одежду. Один из вошедших сурово спрашивает:

— Ты им что, правда, всё отдал?

— Да, отдал, а что?

— Не знаю. Мы думали, они облапошили тебя, обокрали, обвели вокруг пальца, они же — уроды тёмные, штаны наделали себе — стоят, побираются — подааай, Господи! — а сами в мехах!

— Они не уроды, и не такие уж тёмные.

— Ну, ладно. Сказки мы сами знаем. Так ты это из-за веры что ли? Тогда молодец!..

Старец, не выдержав, поднимает палку.

— А ну, вот я вам! Бараны, лишённые всякого смысла — подите-ка отсюда!..

Но вошедшие чувствуют себя хозяевами даже здесь, не обращая внимания на гнев старого монаха:

— Молодец! Вот это молодец! Вот это по-нашему! По-православному!.. А о девке-то не жалеи, у них, у баб, такое устройство! Моя-то постится, и молится — назавтра из неё один выходит, а на его место семь злейших — о как!

— Ну-ка, пока не зашиб... Чтoб духу вашего, а не то запрю в монастырь и не выпущу больше никогда! А ты не слушай их, Прокопий, не слушай!

— Да почему же, отче — духовный вся судит, или как?

— Так ты уж сразу и духовный... Начитался про свет-то, да про дух, а его ещё не имеешь. Это ведь не от чтения зависит...

— Да.

— И знаешь, и не можешь знать, — старец при вошедших продолжает разговор, скорее, даже для них, чем для Прокопия. — И просто всё, и тонко — где благодать есть, там и терпеть можно до бесконечности, а где её нет — там терпи хоть сто лет, а нет её — и терпение ложное. Где бы ты ни был, и в каком бы состоянии ни находился, имеешь свет, но теряешь, по капельке. Сохранить возможно, зарыть, но в этом нет смысла, а как приумножить — тайна, она же любовь, она же — мрак, грядущий внезапно, хоть где ни заройся — в Германии твоей, или в лесу...

— Тогда мне идти надо.

— Куда? Вот, горячий какой! Взял и собрался! Смотри — с неповинным неповинен будешь, а со строптивым развратишься. Найдёшь ли там неповинных? Хотя и у нас здесь, где они, неповинные-то? Если из-за этих, из-за баранов, то зря... Они ведь походят, походят, потыкаются, да и перестанут. Похвалили — терпи...

— Точно! — вмешивается в разговор нищий. — Да что его хвалить! Слышь! А ведь всё равно всем не хватило, понял?! Вот ты думал — пришёл, спас там всех, как бы не так! Мир не перевернулся, понял ты?!

— Все идём... Отче, прости нас,пустишь? — один из вошедших подталкивает нищего к выходу, тот сопротивляется, уже зло огрызается:

— Нет, пусть он скажет... Ну какого он раздавал, если всем не хватило? Надо всем поровну! А так, только потешился!.. Смотрите, какой я! Ну и что? На, забери... — начинает стягивать меховые порты, но его уже выталкивают за дверь.

— Идите, там откроют, скажите, что я разрешил... — старец слабой рукой всех благословляет, — с Богом, деточки...

— Идти надо, чувствую, а куда — объяснить не могу... — Прокопий, особенно и не обращая внимания на ушедших, мучается вслух.

— Идешь, так иди.

— Отче, не обижайся — правда, чувствую, надо идти.

— А я надеялся на тебя монастырь оставить.

— Не получилось.

— Ну, ладно. Что тебе и дать-то в дорогу? Корзинку, что ли? А что положить в неё? Штаны? На вот, кочерёжку тебе, отобьёшься вместо оружия. Не бросай. Помни — на тебя вся надежда, ты нашенский, но не дури, не дури. Тихо, тихо — вот так пройдёшь, только не бойся и не торопись, не молчи и не говори. Дуракам бисер не бросай под ноги, а с нашенскими не жмись на слова, не жалея их. Не плачь и плачь потихонечку. Да ты и сам увидишь, что делать. А как увидишь — так и не захочешь слова лишнего сказать, или наоборот, не сможешь не поделиться. Иди, иди, а то здесь заморозишь всю братию — окна настежь, печки холодные, сам спасаешься, а мы вымерзаем потихонечку. Ишь, эти-то, меха им на жопе не нравятся... Зато тепло! и удобно! Сидишь, милостыню просишь, и не холодно, а? Благодать. Многим было бы полезно. Ну, обнимемся что ли?

Продолжение следует...

Фото Д. Напалкова.

Александр Шебырев

Шебырев Александр Васильевич. Чужис 1960 воын Кулёмдин районас Пожог сиктын. Армия бõрын помалис Сыктывкараса государственной университет, экономика факультет. 1988 восянь 15 во вöли журналистикаын («Ленин туйод», бõрын-джык — «Парма гор» газет). Öни оло Помöсдинын, юрнуодö Тима Вень музейон да школаса краеведческой музейон. Кывбургяс да висьтгяс йöздöдлис газет-журналын, «Сикöтши», «Мелилуныс пидöстөм и помтөм», «Вечерний звон» да мукöд öтувгя сборникын. А. Шебыревлөн кывбургяс вылö тэчöма вель уна сыланкыв.

2011 воын Александр Шебырев пырис Россияса гижысь котырö.

Музгар

«Но вот, Музгарушко, бара на аддзысим... Куим во эг волы, дивитан, буди... Эг тай вермы со. Слабиті, сё мокасът, кок шеггясöй пыкталöны. Нинöм вöчны ог вермы. Пöрысьми, буракö. Некутшöм бурдöдчан турун тай оз отсав... Мудзи. Но мыйлакö олыштны на окота. Квайтымын арöсыд, лешак машина, абу на жö нэм пом, пос тшупöдгясыс вылиас дзикöдз эз на жö, кöнкö, сисьмыны да рутшсявны. Кок сөнгясöс зэвтыштны на окота. Дерт, видзчысьмöн нин ставсö лоö вöчны... Абу тай воддза выныд. И вөр дуксö вот дзикöдз эг на жö вунöд, кыскö тай... Ныв лыс кöра сынöдсö апыштны пыр на кöсгя, быттö висьöм бõрын номсöдлö. Тарган ёлысь пинь поткöдан сöдз васö чибльöгысь ырскыштны окота. Юан да он и пöтлы, и горшыд кöдзыдысь мыйлакö оз висьмы. Окота вот, мый сөсся вöчан... Но оломад мортыдлөн абу ставыс тэнад кöсйöм серти. Прöст кадöй öни быттö юр выв тыр, да вынöй бырис. Мöйму кокöй лöсялыштис, со и локти, варгыльті... Вотчигмоз, вöрас шöйтигмоз... Тэ динö вот кежи. Гажöй бырис. Пукыштны кöсгя, табак тшынөн гутö тшыналыштны, олөм мөвпгясөн тэкöд юксыштны. Кодкö кö öни аддзас, ёна эськö дивитчас: дзикöдз пö йöймöма Сергей Иваныс, вошласьö, мыйкö ачыс аскöдыс сёрнитö. Оз путьмыны бокöвöйяс-ыд гөгөрвоны, мый тэкöд, Музгаркöд, сёрнита. Ылöсала, мый менö кылан. Быттö тöдышта... Быттö эскышта, и пом. Оз вермы ловгя дукус сідз-тадз разавны, воштгысьны. Öни вот тэ мөдаргюгыдас, эм кö сійö. Мыйкö, дерт, эм. Кылан, гашкö... Но, Музгарушко, чолөм! Няргөмөс ёна эн жö кывзы. Мортыд тай сэтшөм, век быттö нярдчö да броткөдчö, век не сідз, не сы ног, сьёлöмыс коньөрүшколөн оз и лөнълы. Кызвын олөмсö майшасям, элясям... А сідзсö, ничево олам. Ставыс, слабог, ловгяёсь. Ладимерыд и, Настаыд и... менам ныла-пианöй. Ёна жö радейтлин тэ найöс! Век ныр-льöбсö челядьлысь нувлин чом дорад. Быттö

дзоридз вылө мазі лепитчылін. А боковөйяс дорад стрөг вөлін, тшөтөтө пыр жө сувтөдлін... Да, выль нимкодь юөрөн юкся: Ладимерлөн мөд детина чужис. Нук. Кык пөвста пөльөн нин лои. А вот Наста мыйкө мөжгө, кытчөкө дугдывтөг велөдчө, көть мужика. Оз и төдлы, пөрысьмас. А кагатө тайө му вылас вайны ас кадө колө. Томөн, дзоньвидзаён, лючки-бура. Ставыс ас кадө вөчсьө... Нинаөй, гөтырөй, висьөдчө жө ме моз, мыйкө синнас слабитны кутіс. Но горт уджыд — сы вылын на. А кыз мөд ногыс? Көзьяйка! Бабаыдлы олөмас сьөкыдыс юр выв тыр усьө. Кагатө вай, челядьтө быдты, мужик бөрся видзөд, горт гөгөр мырсьы... Дерт, абу кө кос юра энька. Гежөда ми, айлов чукөр, та йылысь мөвпыштлам. Велалім тай, быттьө сідзи и колө. Бабаыдлы эськө отсавны, жалитны сійөс... Ур моз пыр на бергалө менам Нина, дурпоп моз, унсө оз и төдлы. А жалитан кыв месянь гежөда кывлө. Ог куж гылыд кывъяснас сёрнитны, рода... Тадз...»

Тарган ёль бокин, керйысь поткөдөм кыз плакаысь вөчөм лабичтор вылын, өтнасөн пукаліс Сергей Иван да вөляникысь варовитіс Музгаркөд. Сизим во сайын кувліс дона понйыс. Буретш этані. Буретш татчө Иван гуавліс Музгарөс, со мылькйыс төдчыштө на. Воывлө Тарган ёль дорас Сергей Иван, кор стрөка сюрас. Но бөръя куим восө эз вермы. Нёрөдчис. Дерт, гажыс бырис верной понсьыс. Да и Музгарлы любө. А орчөн со заводитіс омлявны Иванлөн өнія верстьө понйыс, Рой. Мыйкө со майшөдлө. Мыйкө, буракө, Рой помнитө... «Тшөт!» — крапкис Иван, и понйыс пыр жө лөнис, орчөн водіс. Чөв-лөнь...

...Музгар вөлі нель синма. Гежөда паныдасьлө татшөм понйыд. Көзяинлы — вылісянь усьөм шуд. Татшөм понйыд пө еджыд тун кодь, зьверыс и пөткаыс сы дорө ачыс матыстчө. Нель синма понйыд оз сөмын вөр-васө аддзы, но весиг мортлысь лов пытшсө. Некор оз ылөдлы. Лёк да скөр көзяинлысь оз кывзысь, песовтчас да пышъяс, вөрас воштысяс, вөйтчас кытчөкө... Сергей Иван абу лёк морт, йөзкөд помкатөг эз тшөтъясь, боковөйяскөд торъя эз юксы-зыксы, мукөдъяс моз эз удзав. Со нель синма понйыд и веськаліс. Быттьө дуригмоз ставыс артмис. Петыр вокыс коркө карсянь гөститны воліс. Сэк румка сайын Иван норасис: Сомной понйыс нем виччысьтөг кувсис. Гөгөрвотөг. Лунтыр керка йөрын ризъяліс-котраліс, а сөсся шумутмуніс, вомсьыс быг лэдзис... Час мысти кокъяс-сө нюжөдіс, бөръяысь лолыштіс. Сө дивө. Абу чумаысь... Иван тайө висьөмтө төдө. Бур йөз шөпнитісны, отравитөмаөсь пө понтө. Забеднө Иванлы. Мыйысь? Кодлы понйыс лёксө вөчис? Бур кө нель кокаыс, колө сөсся изьведитны? Ылөсалө, дерт, Сергей Иван пакөсьт вөчысьөс... Эм өти чорыд морт, век завидьтіс Иванлы. Ёти кычи вөлі корө, да Иван эз сет. Лөгасис, буракө... Эз ёна и дзебсясь, веськыда коркө шуліс: лөгала пө. Но мый нин лоөм бөрад? Мед олө мортыс көрт сьөлөмнас. Көртыд өд сімө жө, а сөсся пызьө пөрө. Коркө аслыс инмас... Но Иван абу суддя. Да и нинөм он докажит, места вылас кө немортыс эз сюр. Сосяс. Вот и шогалө Иван...

Вокыс сэк куш баялөбжсө гыжйыштіс да нурбыльтіс:

— Видла отсыштны. Ёти зятьөй питомникын уджалө, понъяскөд ноксьө. Вежөра мужик, гөгөрвоө. Юавла.

И збыльысь, төлысь мысти төдса шоперкөд кычипитө Петыр мөдөдіс. Музгарөс. Нель синма кыр понпиөс, мусаник ёкмыльөс. Сьөдовруд рөма, войвывса лайка. Нимсө Сергей Иван ачыс пунктіс. Пөльыслөн на, нэмөвөйя вөралысьлөн, татшөм нима пон коркө вөлөма. Нель синма жө. Висьтавлісны (пөльсө Иван оз помнит),

вöрас пö — быд зьверысь на зьвер, некодысь тай абу повлöма. Варыш моз пö уськöдчö. Ош кöть йöра, тулан кöть санка... А йöз дiнас — стрöг, оз сибöдчы, но прöстөсьыд оз жö курччы, он кö беддöн ыршась. Мöд кийсь некутшöм сёян оз босьт. Музгар сöмын кöзяинсö терпитöма, пыдди пуктöма, сылысь кывзысьсöма, эскöма.

И вот Иванлы ичöтик Музгар веськалис. Мойвиис тай. Стрöг пон, нинöм и шуны. Йöз вылö лэчыд пиньяснас эркъялö, бурöн он сибöдчы. Сöмын Ладимерöс да Настаöс первойсянныс ас дiнас примитис. Радысла быттö йöймывлис. Чеччыштас бöрсянныс Ладимерлы мыш вылас, дуригмоз уськöдас муас, бöжсö легöдö, кывсö нюжöдöма, чужöмсö нюлö. И öттшöтш эргö. Вильшасигмоз, дерт... Кöзяинкöд тадз он дур. Рөгыд «тшöть!» шуас. «Тшöть» кывйис коми понлы — медся стрöг. Важ вöралысьяс тöдöны. Вочасөн кычипи тöдмалис, мый позьö да мый оз позь олöмас. Легöдчö кö зьвер либö пöтка, — тэнад. Уськöдчы, мурчкы пиньнад, личкы муас, а сёсся кöзяинтö виччысь. Жуйгысьсöма кö, оз нин вөр, — верман исалыштны, но водзö ныртö эн жö суй. Бара кöзяинтö виччысь, мый сийö шуас. Варснитан лэчкö шедöм тар либö чукчи, — «тшöтьнад» он нин мын. Ньöрьяласны. Ичöтсянныс гөгөрвоис тайöс Музгар. Кычи дырйи вöсньыдик ньöрйис корсюрö сылы веськавлис жö. Но сöмын — ньөр. Паличнад дзик нин вежөртöм кöзяин ассьыс понсö дорын узылыны велöдö. Урсöдö. Оз велав тадзтö понйыд, лёкмас, наян да полысь лоас. Да и кöзяинтö пыдди пуктыны некор нин сёсся оз кут. Сьöд лола мортыдлөн понйис ёнджыкасö урöс...

Би пыр и ва пыр öтув мунисны Музгар да Сергей Иван. Унаысь спаситлис пикö воом кöзяинсö вежöра понйыд. Коркö, вöрса пöжар дырйи, сöмын аслыс тöдса ордымöд Ивансö биысь петкöдис. А мортыс думайтлис, мый — пом... Мöдысь, ытва дырйи, кор Сергей Иван пыжнас путкыльтчис, ботейтöм купайка сойö шашаритчöмөн Музгар кыскис кöзяинсö берегöдз. Быдторйис овлис, нинöм и шуны. Сё стракыс тырмылис.

Важöнкöдь нин, скöрысла чеплясьысь öти тöлын, Уразнöй местадорса вөр керкасянь неылын Иван потшлис ез. Сидзи, дуригмоз, ыджыд надеятöг (тöдис, мый тöвнад прамöй чериыс вöрса юысь горув лэччö). Капканъяс видлалигмоз Иван коркö ветлис Уразнöйö, да и шуис узьмöдчыны керкаас. Нöшта тшöтш езсö колис видзöдлыны. Рөмдö нин вöли, кор Сергей Иван лэччис ю дорас. Пашляк трачкöдчис, — веж мороз ывлаас. А Музгар люньпырысь бöрсянныс тапйис, быттö Ивансö укöрайтис: кутшöм мути тэнö рөмдигас шоньд керкаысь кыскö?

Ез кыйигөн Иван прöступитчис, йöрданö уси, кöдзыд ваас коскöдзыс бузгысис. Мый эськö чеччыштны да керкалань ризйыны! Мöжгис Иван, мöжгис... Гымгасö ваас бөр суйны кöсйис. «Ог йизы, абу йинён... Езсö лöсьöда...»

Но йизис тай Иванушкоыд, мед кö Пера-багатыр кодь ён вöли!

Рөгыдөн кокъясыс йи столбъясö пöрисны. Öдва сувтис лызьяс вылö Сергей Иван. Дзурт, дзурт... мөдöдчис. Кашкö, ыпкö...

Керкаö пырöмсö оз нин помнит. Биа висьöм кöвъясьсöма. Руын моз кыссис нар вылөдз, вожасис сэтчö, уськöдчис... Сургö... А вөр керкаыс восьса öдзöсөн и колис. Тöv шöрыд — абу Петыр лун. Важөн нин эськö Иванлөн лыясыс сисьмисны, но бара на тай Музгарыд орччөн. Топöдчис гöна кынöмнас Иван бердö, ассьыс шоньдсö сетис... Асылöдз жмитчис. Но пон вежөрнас гөгөрвоис, мый кöзяинныс рөгыд помасяс. Визув кынь моз чеччыштитис нар вылысь да ризöбтис кöдзыд ывлаö.

Йөзлань, йөзлань... Төдiс: өти чомкост сайын — нөшта вөр керка, и сән төв и гожом морт олө. Көть оз кажитчы мортыс Музгарлы, абу сьөлөм сертиыс. Но век жө — морт, и сөмын сийө көзяинсө спаситас...

...Рөманөс «вөрсаян» и шулисны. «Вөрса Рөман». Бөръя вит восө гортас прамөя эз волыв. Гежөдика, — пенсия босьтны да сөян-юан лавкаыс ньөбыштны. Төлысьнас өтчид ыджыд пиыс бать дорас юрсө мыччывлис, сакар-чай вайлис. Тадз и олiс Рөман. Вөралөмөн да чери кыйөмөн, ашпөр олөмөн. Сэтшөм мортыс. И мөд олөмыс тай сылы эз ков. Мудзөма сиктса зык-шумысь, чөвлун корсьө. Кымынысь челядыс да гөтырыс кевмысьлисны, гортас кольөдiсны, — эз кольччы. Ме пө көин... А көть кызд көинтө эн верд... Но Рөман абу көин. Абу санка ни. Шуам, мый вөрын олысь ныриса пон...

Кор адзис Музгарөс, видзөдлiс гыр д синъясас, пыр жө юр вемас келснитiс: Сергей Иванкөд мыйкө лөма. Кутшөмкө ускөттө. Тэрмасьбөмөн пасьтасис да лызь вылө сөлис. Водзвылас Музгар увтчө, никсө, тэрмөдлө... Чомкостыд – абу юмов кампет. Квайт вереттө лымъя вөрти мунны на колө. Музгар тойласис Рөман водзын, морөснас лымсө пазөдiс, быттө отсыштны көсийс. Корсюрө омлялис. Öдйөджык, öдйөджык!

...Рөман удитiс. Кыйкнитлiс синнас сургысь Иван вылө, ставсө гөгөрвоис. Кыв шутөг кватитiс керка ортсы стен дорө сувтөдөм косiник нарт, бруткисшыбитiс лым вылө. Сьыли вылас, кашкигтырйи, нуис да водтөдiс нарт вылө Иванөс, тубралiс — вевтис еджыд ыж ку эшкынөн. Нөшта мыйкө вылиас содтiс... Домасис, йөткыштчис Иванлөн лызь туйөд... А Музгар – сы бөрся.

...Удитiс Рөман, удитiс. Больничаян шуисны: час-мөдөн кө сөрмис, Иванлы — пом. Биа жарыс сэк эськө помөдз юр вемсө пузьөдiс, самөварын моз. Бара на мойвиис мортыслы. Та бөрын Рөман вылө весиг Музгар некор эз эркнитлы, адзас да пашкыр бөжсө легөдө, чолөмасьө тадз да көзяинсьыс аттьөалө.

...А Музгарлөн лолыс петiс этийө Тарган ёль дорас, көн өни Иван пукалө. Кыдзкө төлктөг быттө ставыс артмис, бара жө виччысьтөг. Ускөттөөйд тай өтарө кыйөдчө, век конйыштны дась. Август төлысьын Сергей Иван ветлис Лунвож юө ком вугральштны, весиг пищальсө эз босьт (он өд бөжтөм сьөлаяссө лый!). Аскөдыс катөдiс дзормыштөм нин Музгарөс да Ройөс (кычи на вөли). Öтисө — кок веськөдыштөм, а мөдсө – мудз төдмалыштөм ради.

Чериыс кокниа шедiс, кызд да бадь кор киссигад комыд горш, зурөдө нидзув вылад. Лунөн чери дозйыс солалөм комад тырис. Юдорса вөр керкаын (сусе-дыслөн, Гордей Митрейлөн) вой коллялөм бөрын мөд асывнас Иван бөр мөдөд-чис гортас. Кывсө нюзөдөмөн Рой кашкө бөрсяныыс (мед мудзсө төдлө...), а пөрысь Музгар оз сувт трөпа вылө, кытөнкө вөрас войлалө — кытшлалө, көть ылө мунны оз жө нин зиль, абу важкодь эбөсыд... Тарган ёль бокусь, вужля дорысь, дзик ветлан туй бокусь, Сергей Иван повзьөдiс да кыпөдiс йөраөс. Вужля саяс, буракө, лажынтчылөма, водлөма. Гашкө и, войсө тан узьөма. Төв ныр моз чепөсийс козья пармаас кыз юра өш, бөрсяныыс сөмын тручка-трачка кывлис. Чуймөмөн да полiгтырйи тьявкнитiс Рой. А Музгар кытчөкө вошөма. Мед вөрас шөйтө...

— Повзин, ерөмакань? — сералис Рой вылын Иван. — Первойысь йөрасө ад-дзин? Нинөм, прамөй понйөн кө лоан, сюрлас на и тэныд. Йөраыс и ошкыс,

туланьс и санкаыс. Нырисаджыкөн ло дай... Тэнад нэм вылө парма вöрыс, ме надейтча, кольыштас на...

Мөвпсö эз помав. Быттö нöшкөн швучкисны бöрсяньыс. Кутшöмкö сьод вын, кутшöмкö сьöкыдтор личкис-сатшкис муас Иванöс. Öтарсянь кылис кыз ра-вöстөм, мöдарсянь — полiгтырйи тьявгöм. «Зьвер тай... Ерöмакань, ош... Йöра-сö кыйöдöма... А ми кыпöдiм, оштö скöрмöдiм...»

Патурликасис. Ноп волысьясысь кызкö мынтöдчис. Пидзöс вылас сувтiс, бергöдчис. Пуртö кутчысис. Аддзис, кызд ярмöм ош песовтчис Ройлань. «Кося-лас...» — визьнитiс Иванлөн юр вемын.

Эз удит. Сьылi вылас дурмöм ошлы чеччыштiс кытыськö быйкнитöм Муз-гар. Пеляс кутчысис, пурис, чашйис, эргис... Дзикöдз йöймöдiс ошкöс, шемöс-мöдiс. Курччасис. Бергöдлiс кытшын. Но и Музгарлы ошсянь прамöя жö веська-лис. Сылөн ёсь гыжъясысь да пиньясысь он мын, он сайöдчы... А чеччыны бокö, пышйыны Музгар эз нин вермы. Эз көсйи ли... Бөрвыв мурчкöбтiс пиньяснас ошлысь лядьвейсö, топöдчис...

А ошкыс öтарö паныда вачкасис, курччасис, лапанас шенасис, бергалiс. Лёкыс равзiс. Коркö сөсся чеччыштiс жö боклань, тупыльтчис, вужля сайö воштöдчис. А Музгар места вылас колис, эз нин ырыштчы ош бöрся вöтчыны. Гырдөн ойдöм, сийö сьöкыда лолалöмөн шмуткысис көзяин дорас. Орччөн. Сöмын ки нюжöд... Иванлөн мыш сайын омлялис Рой, никсiс.

— Энлы, энлы, — шöпкис Иван. — Энлы... Ранитчин, дитя... Нинöмтор... Час, ранаястö видзöдла, виртö сувтöда. Виччысьлы, Музгар...

Но нинöм нин вöли виччысьны. Музгар мудзöм морт моз бөръяысь нюжöдчис да лөнис. Синъяс тупкысисны. Кык син войт му вылас и усис. Лолыс петiс. Бöрдiс Иван, малалис, шыльöдiс вернöй понсö. Пыр на мыйкö шöпкис, висьталiс... Ловъя на Музгар, ловъя... А здук мысти көин капканөн сьöлöмсö жмитiс лэчид дой, сөсся кытчöкö паськалис, ытва моз ойдiс. Синъясыс пемдiсны...

Недыр мысти палялис. Чужöмсö нюлис Рой. Орччөн куйлис кынмöм Музгар. Измöм серпас. Измöм кад. Измöм вөр. Измöм олөм...

Черөн да пуртөн кодйис Музгарлы гусö Сергей Иван. Вель пыдö понсö гуалис, мед зьверъяс эз пакöсьтитчыны. Пöтмөн бöрдiс, эз яндысь (да и кодысь яндысь-ны, Ройысь али мый?). Кыв сетiс Музгарлы, мый воыны татчö кутас...

Со и бара локтiс. Бара на сёрнитö понйыскöд. Бара на сьöлöмыс вöрса морт-лөн бурмыштiс. Но, кызди и пыр, вомгорулас броткис Музгар вылö: «Мый чöртла ош лапа улас веськöдчин, сiдз эськö пышйис, повзьöдiн кор... Первойысь али мый?»

Мыйкö шöпкис вөр. Тильгис орчча кызд вылын пыста. Музгарлөн лолыс... И кылис, гөгөрвоис пысталысь тильгöмсö Иван. Музгарлысь мөвпъяссö: «Аттö, көзяинуш, Иван Сергеевич, мый бара на волiн. Нимкодь меным... И оз ков шогавны. Понйыдлы медыджыд шудыс – көзяин вöсна ловсö сетöм, сийöс дорйöм. Оз на быдөнлы мойви... А ме шуда понйөн вöли. Медся шудаөн. Тэ дорö со веськалi. Прöстöсьыс эн дзерöдлы, колана ног олöмас велöдiн, кыз кадсö вöрын новлöдлiн. А вöртөг миянлы — некызди. Урöсмам, ог кө кылöй вөр дуксö, слаб-мам, дышмам, жебмам, наянмам... Понйыслөн нимыс сöмын кольö. Мыйла либö и чужны тайö сьветас? Быдөнлөн Енсянь сетöм аслас туй. Понлөн — öти, морт-лөн — мөд... А ош вылас уськöдчи тöдöмөн. Пöрысьми, сивöйми, гөнöй едждöдiс

нин, и регыд эськө ачым кокөс нюжөдi. А татшөм смертьыд — почёт. Ошлы паныд, көзяинөс дорйигөн... Оз на-й быдөнлы веськав татшөм шудыс. Ро-йөс тшөтш жалитi, ошкыд эськө кычисө парсалiс. Со тай и Рой нин ме моз сивөймө, едждөдө... Кадтө он сувтөд. Бур пон Ройыс артмис, нинөм и шуны, но олөм туйыс сылөн аслас. Ошьыд өнi оз жө повзы, верман ськөд сьмела вöрас ветлыны. Быдөнлөн аслас ордым... Ройыд колана ордымсө аддзас, ме төда».

Жбырнитiс кытчөкө пыста, аслас төжд-могъясөн. Мед лэбалө, сынөдыс восьса. И мед лэбалө пыстакөд тшөтш Музгарлөн лолыс. Вöля... Вöля...

Сувтса синъясөн видзөдiс Сергей Иван вылө Рой: вөрзям али пукалыштан на?

Ружтигырийи чеччис Сергей Иван. Нöшта копыртчылис Музгарлөн гу вылө. Вөрзисны пода-понъя. Мун, шлапкы, Сергей Иван, нинөмысь повтөг да лөнъ сьөлөмөн. Ройыд орчөн, и вужля саяс сылөн ошкыс оз на тыдав. Но выль кычипи аслас ичөтик пон чомъяс быдмө нин. Выль Музгар. Нель синма... Мед на быдмө. Сылөн ставыс на водзын. Талун — Ройлөн кадыс. Сергей Иванөс дорйысьлөн. Сетöй сылы вöля... А олөмыд помтөм. Помтөм... Эскöй... И лов пытшкад ставныдлы кокниджык лоас.

Лөнин

...О, көнi тэ, лөнин?

Ме помнита му шарсө лөзөн...

Олөм чөжнас Микита Ёгор некор эз ветлыв лунвыв курортъясө, эз аддзыв шоныд саридз. Көтө ветымын во нин мортыс тайö мусө талаля. Сиктын олыс мужичöй, сiйö вежорнас помөдз эз и гөгөрво, кыз позьö лун-лун пластайтчыны жарысла доналөм лыа вылын да йöймөдана шондi югөр улын рушку гыжъявны. Но, шуам, öти лун тэ рушкүтö гыжъялан, мөдөс... А водзö? Бара гыжъясьны, бокөвöй пасьтөм йөз повстын шлөчвидзны да туплясьны? Виччысьны, кор войвывса ежыд кучикыд кульяс? Да татшөм олөмнад кык лун мысти джагөдчыны ковмас! Юр вемад сөмын öти мөвп кутас сизь моз колскыны: пышйыны, öдйөджык пышйыны тасы! Позьö, дерт, мужикыдлы винаөн асьтö ылөдлыштны, мед лунсö да войсö воштыны. Но жарад тай прамöй моргыдлөн оз на и юсы, регыд дiлькваяс, пытшкөстө гудыртас. Вот мөд делö — вöрын... Сэн курортис! Некод, майбыр, оз мешайт, некод орчөн оз черъяв, мый көсян, сiйöс и вөч. Кузь лунтыр – кок вылад тапъялан. Некутшөм физзарядка тай оз ков, мудзыд сiдзи, дон босьттөг сюрас. А сынөдыс! Апалан да он и пөтлы. Нöшта вежон-мөд «суспак» юан (кор заваритөм пакулаө сус лыс пуктан), и став висьөмыд ойзөмөн петас. Весиг дыш висьөмыд. Нöшта кө он курутчы... Вот тэныд райыд, вот көнi тэныд курортыд! Оз ков сэки Египет – Турцияö чушкыны-лэбавны, быд здук тiравны, мый сынөдсянь увлань юрөн усян. Öнiя самолөтъяснад... Быд лун тай со гыла-

лөны. Код юрнад лэбалігад. Сэсса быдлаын помся цунами да ураган, сэтчө жö землетрясение... Олöмыс нин öлөдö: эн муной быд лешак местаас, некод тiанöс сэн оз виччысь, некодлы он колöй, сöмын сьöм перйöм ради и кыскöны тiанöс жаринас. Дзоньвидзаён мунанын да быд дур висьöмсö сöмын көвъяланнуд. Гортад шойчöй, матушка вөр-ваас. Оз, саридздорса курортад Микита Ёгор некор оз мун! Көть сира гезйөн кыскы... Тадз мөвпаліс Ёгор.

Но «некор» кывтö пö некор оз ков шуны. Со и Ёгорушко курортö мөдöдчис, кутшöмкө Анапаö... Ачыс эз тöдлы, кыз делöйс бергöдчис, увланьюрасис. Силитчис тай сьылі вылас гөтырыс, Марья, куим лун пель улас орлытöг зуньгис: «Дон босьттöг сосянь кык путёвка сетісны, гозъялы, мунам. Некутчö он воштысь, муна и пом. Тэ менö тöдан. Путёвкаысь ог öткажитчы. Мөд мужик-көд öд ог жö мун. Гозъя колö. Вот тадз... И мед некутшöм няргöм, некутшöм нузгöм тэсянь ог кыв! Öтчыдтö ветлан, көть саридзсö видзöдлан, сэтчөс сынöд-нас лолалыштан, а то лун и вой кирскан, узьны он лэдз. Табактö колö вунöдны! Тыясыд, буди, сісьмисны нин! Овнытö дышöдіс? Мутивöй моз тай вöрысь он и петавлы, нитшсялан регыд. Кыз кадсö – сэні. Көть прамöй прöмыс гортö он вайлы, век ділі-долі, век нопйид джынъя либö куш. Тошсялöмыд со, быттö олыся. Яг морт, йöзсö повзöдлан. Паныдасян тэкöд вöрас, — сьölöмыд потас. Повзöмысла. Удитан на вöрад, стрöка сюрас да, арнас пыравлан. А öні гожöм ывлаас. Муна! Кылан менö? Ме шуи! Видлы сöмын воча кыв шуны, пануд сувтны!»

Колö тöдны Марьялысь этшсö. Шашаритчас кө, — бурөн он мын. Сиргаг. Небыд Ёгорлы ок и чорыд Марья олöмас веськавліс! Пыр командуйтис. Но сідзсö гозъя ладын олісны, куим челядьöс со кок йылас сувтöдісны, некод эз тшыгъяв, киссьöм да роза көлуйөн ывлаас эз повзöдчы. Ёгор шопераліс сельпоын, а Марья мырсис вый вöчан заводын. Шуам, — жыкруйтис. Выйөн мавтöм няньыд пызан вылад эз бырлы. Лöсьыда олісны... Аслас скötөн, гидйын руксысьясөн да баксысьясөн... Он кө дзикöдз лэдзчысь да дышöдчы, деревняд овнытö позьö.

Пыксьыштіс быттö эськö гөтыр водзас Ёгор, зэвтчыліс на: ог мун, и — пом! Öтнад пö шлывъяв, он нин первойысь курортас мун! А көсьян кө, — кутшöмкө мужикöс верман аскöдыд босьтны, верöснад шуан дай... Мен пöсь ни көдзыд. Ог вежөгты.

Веськаліс буракодь Ёгорлы Марьясянь роскөн. Гөрбас да улөджык. Гоз-мөдысь прамöя мөрччис... Со мөдöдчисны гозъя лунвывса Анапаад. Бур, мый абу Египетö, поездөн позьö воодчыны.

Автобусөн юркарö мунигөн нин Ёгорлөн пельясыс чуналісны. Мыйкө ставыс гораа öта-мөдыскөд варгöны, лözöдмöныс сёрнитöны. Главнöй, — дугдывтöг. Тан жö — Марья, кинас шенасьöмөн мыйкө висьталö орччөн пукалысь анылы, рака моз карзö. Горда моз герчкө ли. Ёгорлы пельяссö окота тупкыны, да вот мыйөн? Кияснад кызкө абу лөсьыд, оз гөгөрвоны, ватаён — бара жö... Да и вататö корсьны на колö. Терпительны ковмас. Мый сэсса вöчан...

Көрт туй вокзал вылын — не сэтшöм серпас. Жуöны йöзыс, öтарö-мөдарö жöдзöны... Кытчөкө тэрмасьöны. Вомъяс оз и тупкысьлыны. Сэсса и громкоговорительсянь öтарö мыйкө висьталöны. Кутшöм поезд локтö, кутшöм муно...

«Рипитоин... — жугыля мөвпаліс вокзал жырйын скамья дорыш вылө меститчöм Ёгор. — Рипитоинын олам. Та мында йöз öглаын... Мазі поз... Кодзув-

коткар. Мый морө тан вөчөны? Жуөны... Дугдывтөг мыйкө нятшкөны-сөйөны, быттьө тшыгось, өттшөтш телефон пыр варгөны, да кытчөкө нөшта котөртөны. Тайө мөй олөм? Кытчө йөзыс тэрмасьөны, мыйла тойласьөны? И оз йөймыны татшөм зык-шумас? Тешкодь. Рипитоин... Абу тайө прамөй олөм. Час джын пукала, а менам со юрөй нин висьмис. А водзө мый лоас? Кула?»

Ёгорлөн збой гөтырыс коркө сэсся кыскис жө верөссө Анапалань мунысь поезддз, колана вагонөдз. «И кызд Марья оз вош тайө кодзувкоткарас? — век на чуймалис Ёгор. — Вот Енмыс мортыслы сетөма... Кужө нырщикавны. А ме синтөм кутюпи кодь, мам дук вылө сөмын муна. Сюйи жө ассьым сивөй юрөс, йөй. Помөдз колөма пыксьыны Марья водзын. Мый мор мен курортыс? Лыасө да васө эг аддзыв? Мыйкө сьөлөм улын деливө...»

Мунисны плацкартөн. Ёгор пытш моз чеччыштис вылі джаджйө (Марья индис) да пыр жө йөжгыльтчис сэн. Лөнис. А соседьяс бара на варовөсь веськалисны. Марьялы — праздник. Таргөны Марьякөд, кильскөны-сералөны, чай стөканьясөн гольскөны. Ёгорлы — деливө. Сөйны ни юны оз көсйы. Юр вывтис шебра-сис да асылөдз сэсся эз и чеччывлы.

Чеччис, кор Москвалань матыстчисны. Сэн мөд поездө нин колис сөвны. Микита Ёгор дзикөдз шемөсмис Москваад. Та мында йөзсө өтлаын збыльысь некор на эз аддзывлы. Свят-свят... Сөмын бөжалис Марьялы.

— Меысь эн кольччы, — велөдис Марья. — И өтарө-мөдарө эн дзөръяв. Тан Мөскува. О-го-го! Вошан, — лы ни кучикыд оз сюр. Быттьө гуаласны. Абу тай тэнад вөрыд. Сэсь көть лытө аддзан... И видзөд, мед менсьым нинөм эз шышнитны! Сумка бөрся видзөд! Мөскува...

«Да-а-а... — жугыля мөвпалис Ёгор. — Вөрад көть вошлан, но петан туйтө корсян, паникаө кө он пыр. Ставыс сэн ясыд гөгөрвоана. А тан... Аминь-аминь. А зыкыс! Кыла: регыд юрөй шөри потас... Али потис нин?»

Эз пот. Кыдзкө Марьякөд бара аддзисны колана поездтө да сөлисны вагонад. Водзө тай мөдөдчисны. Тук-тук, тук-тук! И бара таргис соседьясыскөд варов Марья, кыз гөлөснас ваквакасис. И бара көч моз йөжгыльтчөмөн вылі джаджйын куйлис жуялөм Ёгор. Дзикөдз эбөсыс мужиклөн бырис. Да, тайө абу зьверпөткатө кыйөмыд, лунтыр вөрын шөйтөмыд, тайө — Мөскува...

Курортад сэсся коркө воисны жө. Овмөдисны гозьяөс торья, пелькиник жырйө. Саридзыс да пөсь лыаыс — матын. Ов да ов... Сөмын тай Ёгорлы татшөм олөмыс — веськыд мат. Медводдза луннас пляж вылө эськө ветлис жө, но час-мөд мысти нин неморт кодь лоис. Öти серпас: гөгөр төдтөм йөз жуөны, горзөны-ваксьөны, либө пинясьөны. Час джын мысти еджыд кучика Ёгорлөн мышкыс сотчис, ломавны кутис. «Ничево, тэнад кучикыд порсьлөн кодь, выльөн вежан, — сералис верөс вылас Марья. — Эн черьяв öти местаын, мун көть купайтчы...»

Мөд лунас Марья чужьялөмөн заводитлис мужиксө номерсьыс вөтлыны, но эз удайтчы.

— Ме тэнө кута? — доймөм ош моз равөстис жө Ёгор (гежөда овлө). — Мун, черьяв пляж вылас да көть лунтыр васьыс эн петавлы! Көть акулаяссө повзьөдан, пышьясны. Мый шашаритчин, метөг пляжөдзыс туйсө он аддзы? Тэ кө гождьөдчыны да купайтчыны локтин, — давай! А менө эн вөрөд, ме шогала...

Öвтыштчис, слабөг, Марья, кутшөмкө выль пөдругакөд пляж вылө мунис. «Вөрса муди!» — сьөлыштис на петигас.

...Тадз и олісны. Ёгор аслас жырсьыс эз пєтавлы, висьысь морт моз ۆтарө крөватьын куйліс. Быдлаті быттьө и висис... Торйөн нин юрыс. «Кула, надейнө...» — корсьурө юрас визьнитліс мөвп. Олан жырйысь өшиньяссө тупкаліс, мед гора шыясыс улич вылысь сылөн пельясөдз эз воны. Но корсьурө телевизор век жө видзөдіс. Гөз-мөдысь ваннаын на көдзыд ваөн мыссис (сьөлөм вылас воис). Сэссия водзө крөвать вылын ыпкис. Дасысь сорсьылөмөн лыддис, уна-ө лун колис тан нёрпавны. Майшасис. Вөтасис горт йывсьыс. Унаысь вөтас усьліс вөр керкаыс. «Муна да сэтчө и овмөдча, — палялөм бөрын думайтис. — Чөрту дай Марьянас... Страдайтa тан, вися, а весиг гөрд вина юны эз лэдз, сюзь моз кыйкъялө. Став сьөмсө абаритис, а удждөмнад тан оз сетны. Абу гортад. Ставыс төдтөмъяс. Да, курортад абу олөм... Аддзылім. Өні төдам. Водзө вылө наука. И саридзтө аддзылім, и пляжывса гачтөм странникъястө... Төдам... Но кор нин помасьлас тайө шойччөмыс? Мыйся грекысь тадзсө менө мыждисны, кутшөм мутивөй өрис?»

Коркө путөвка кадыд помасис жө. Первойысь долыд чужөмөн чеччис асывнас Ёгор, весиг Марьяөс бан бокас чурснитис (сөмын – бан бокас). «Кавалер... — өвтыштчис гөтырыс. — Көн нө водзын вөлін?» Марьялы дыш вөрзьөдчыны тась, олыштис на эськө... Букушөн видзөдө мужиклөн югзьөм чужөм вылө. Но быть мун. Кадыд кө помасис, — өти здукөн тодмышкаласны жырсьыд, и выль курортникъяссө сэтчө лэдзасны.

Со и бара сөлісны поездө. Кызди и пыр, ува-ава кыліс плацкартын. Кызди и пыр, вылыс джаджыйн (везитө мортгыслы) нёрпаліс-куйліс Ёгор. Нөшта өтчид шемөсмөдіс Москва. «Ог нин волы гортө, ог нин волы гортө... — шогаліс Ёгор. — Ог нин мынлы шумсьыс... Чөв-лөнь колө». Коркө и Комилөн юркарө воисны. Тан неуна лөньджык лои. Автобусын мунигөн Ёгорлөн пельясыс первойысь шойччыштисны, и эз нин сэтшөм гораөн кажитчы йөзлөн сёрни-басниыс (Москва бөрад!).

Вот и гортас воисны, слабогөн. Челядьыс бать-мамыслы сьылі вылас медпервой уськөдчисны, радлөны быттьө (а, гашкө и, збыльысь радлөны), мыйкө горзөны, юасьөны... Бара на Ёгор аслас лөнинө эз во. Мыйкө оз тырмы... Мөд асывнас төвзыштис вөр керкаас (отпускын на). Весиг гөтырыслы эз висьтав.

...Пукаліс Микита Ёгор өтнас ывлаын, рытъя бипур дорын, и сөмын тан сьөлөмнас шойччис. Вель дыр пукаліс, ловъя би вылас видзөдіс. А ывлаас — шы ни төв. Шойччө вөрыс, унмовсьөма. Вой шөрнас нин долыдпырысь Ёгор нюжөдчис нар вылө. Вот көні лөниныс! Вот көні олөмыс! Но мыйкө пыр на мешайтис сылы, мыйкө не сідз...

Гөгөрвоис: вөр керка пытшкын дзизгө өтка ном. «Вот трасичаыд! — скөрмис ном вылө Ёгор. — И тан покой абу!»

Час джын вөтлысис ном бөрся, коркө тшайподнас колкис жө. И сөмын сэк керкаын пуксис чөв-лөнь. И сөмын сэк Ёгорлөн личмунис пытшкөсыс. И сөмын сэк став мирыс, став ловъя лолыс вөлисти лөнис, ланьтис.

«Вот тадз... Вот тадз колө... Вот тайө олөм... — вомгорулас шөпкис Ёгор. — Лөсьыд жө нин овнытө, майбыр...»

И өти здукөн ланьтис. Нюмъялөмөн. Долыд мөвпьясөн. Мед узьө мортгыс, мед шойччө. Мед сөмын Мөскуваыс вөтас оз уськөдчы. Мукөдторсө Ёгор кызкө терпитас.

Кэрт

Кызкө ёкнитөмөн пельё дзенөбтис звёнок. Быттьё пытшкөсса дойөн. Абу телефон... Ёдзёсө триньгёны. И тайё мем оз кажитчы. Некодёс ог виччысь. Кутшөм лешакёс татшөм водзёсө кыскё... Окота на черъялыштны диван вылын, телевизор водзын, пиво штопён... Менам право. Шойччан лун. Некодёс ог дөзмөд. Ётнам тай со ола. Гөтыр ни кага-баля. Ётка юсь. Али көин? Ёти жыръя квартираын. Жикруйта, позьё кө тадз шуны. И тайё олөмыс — ме серти. Кыланныд! И эн пырөй менам лов пытшкё. И уджөй менам абу бөръя... Но кутшөм мутивөйёс кыскё көкъямыс час асылын?

Гач тасма сайё — пистолет (эн дивитөй, тадз ме велалё). Мужичөй... Ёдзёс гурийв восьтөм бөрын аддзи сийёс. Тошсялөм, векньыдик чужөма, ёсь ныра... Крыса кодь. Ха! Но... Көдзыд видзөдлас. Келснитё. Пурт моз. «Лужковлөн» кепка. Сивөй пратьяс... Пемыдлөз куртка. Съод гач. Стрелкатөм, важөн нин уютюг абу төдлөма... Хё-бё... Мый нөшта? Джуджыд пөдөшваа ботинки... Армейскөй. Киас — съод спортивной сумка. Волыса. Так... Синкым улас — өдва тыдалысь вурис. Пель дорас — бара вурис... Важ... Кастет? Али пурт? Ар нелямына мужичөйис... Роч. Но абу татчөс, абу войвывса. Мугов чужөма. Кубаньысь? Ставропольысь? И мыйла — ме динё?

— Чолөм, — нем виччысьтөг нюмъёвтис «крыса».

— Ну-у-у...

— Сусед дорад тай со локти... Друг менам. Мыйкё абу гортас... Час джын кежлө он лэдзлы? Ёркыд тай ывлаас. Водка менам эм, понтысьыштам. А-а?

— Ну-у-у...

Кутшөм чөртис сийёс кыскис? Ёна мен колё... Шошукөдыс пыбитны? Лэдзны? Юны? Да, бара вии ме ассыым шойччан лунёс... Некутшөм олөм.

— Пыр, — шуа. — И көмтё пөрччы. Служанка абу, ачым пелькөдча. И марципанён тэнё ог верд. А съод няньыд да сов чепыльыд, гашкё, сюрас...

— Вот и бур, — нюмъялө кортөм гөсьт. — Косьмөм съод нянь тор — медбур закуска! Да и менам аскөд мыйсюрё эмышт...

Шыбитис джоджө сумкасё, перйис сесь пакет. Магазинса. Явө водка да закуска. Пөрччысис. Кань кодь небыдик воськовъясон тапйис кухняё, быттьё нэмсё сэн овлөма. Ну-ну...

А менам кухняын ёти пызан да кык улёс. И багатыр кодь холодильник. Сөмын мыйлакё сийё век куш, ачыс «сёйны корё». Ме кодь жё тшыг. Прөсьтит менё, холодильник! Ёни жё! Аски мыйсюрё вомулё ньёба, тэнё тыртышта. Ньёба кө-а... Мый төлкыс? Төв нырөн воёвтласны уджывив ёртъяс, ставсё бара ёти здукөн куштасны. Но ме налысь холодильникъястё куштывла жё... Збыль. Абу жё мөд гөна. Ог и соссы.

А гөсьтыслөн абу прөстөй водка. Литрөвөй. «Печорскөй», йөв вылын сулөдөма... Тадз тай гижөма-а... Реклама ог вөчөй, но збыльысь абу лёк. Видлөма нин, майбыр. И сумкаысь перйөм закускаыс кортөм гөсьтлөн зэв жё слөй. Төдтөм гөсьт? Ну-ну...

— Давай, — шуё мугөм чужөма мужичөй. — Лэдзин, и бур. Ёниа кадё — гежөдтор... Дугдисны эскины йөзыд, ерөмакань... Каличасьёны... Вот водзын вөли... Давай! Семен ме! А тэ?

— Иван, — нюмъяла гөсьтлы.

— Геждо паныдасьлысь ним.

— Во-во! — водзё нюмъяла ме, киён судзодча даровёй закускалань.

Мөдөд стопка бөрын лов пытшкөсын неуна личалыштіс. Небзьыштіс и Семенлөн чужомыс (али кажитчө мен?). Тойышти сы водзё «нөк кашник». Куритчы... «Беломор» шпуткө! Пыд-ди пук-та...

— Көсьян, висьтала другыдлысь нимсө? Толик? — шпынняяла ме.

— Ага, — шпынняялө воча.— Толик. Өтлаын быдмылім, өтлаын велөдчим. Во дас нин эг адззывлы. Кыдз олө?

— Олө тай... Лун да вой...

Семен кусөдіс чигаркасө «нөк кашникө». Өкуратнөй морт. Нянь шөралан пуртөн вундалө вайом калбастө. Менам пуртөн... Ну-у? Дыр-ө? Давай, донаөй, давай... Виччыся...

Лезвие келснитіс голясянь вит сантиметр сайын. Мыйлакө юрын визьнитіс мөвп: «Истөг көрөб... Вит сантиметра...» Та-к... Шуйга кокөн— улөс кокас. Эм. Пөрадок. Велькыд кабырөн — небыдінас... Эм. А өні аслам улөсөн... Молодеч! Мый эськө мем өні тренер шуис, адззыліс кө? Бара эськө бун-бос пиняліс! «Лишнөй здук воштін, трасича! — карзіс эськө. — Лезвиеыд голяөдзыд воліс, тьпу!»

Ладнө. Лирика шыбитам. Көртыштам «Рембосө». А то вывті визув, мөдысь вермас и не өшыбитчыны. Виччысьлам, кор палялас. Сёрни эм... А бур гөсьтыдкөд поэя и варовитыштны. Водка стопка сайын, татшөм закускаөн...

Пальөді Семенөс. Мырдөн-сорөн. Кыкысь вөркьяс чужйөмөн. Ымөстіс со, синсө восьтіс... Мичаа видзөдө, садь сингьясөн.

— Чолөм, муса друг, — нюмъяла. — Мыйкө слабеник тэ, Семен, кык стопкаысь и усин... Черьялан тан, базгысьөмыд менам кухня джоджө... Абу мича! А өні кө менам невестаөй татчө локтас, мый шуас? Мый пө тан мужикыскөд вөчан? Сійө менам стрөг нывка, дарөм том. Тэ вөсна тшөтш и мен велькалас. Ха-ха!

— Мент... — киргө Семен. — Тэныд пом, Кэрт. Ненавидита. Не-на-ви-ди-та... Өні эз удайтчы, мөдысь начка... Жаль, эг удит...

— Меным жаль жө, — меліа шуа.— Прөступитчин, өшыбка вөчин, Грек. Мича «пөгөняла», нинөм и шуны. Грек... А тэ өд збыльысь грек, бать сертиыд. Интеллигент, велөдчөм морт. Ха-ха! Куимысь сутуга сайын пукавлін. Но авторитетыд тай эз и шед. Киллертө оз радейтны, сыысь мынтөдчөны. А тэ киллерөдз со воин. Костиради Андрей Константинович, сійө жө Абакумов Сергей Леонидович, сійө жө Гречашин Николай Евстигнеевич, сійө жө... Водзё висьтавыны? А кличкаясыд — Грек, Мазаный, Уж... Мый тэд Сочиад эз овсьы, Өндрей? Мый Ухтасьыс, зонасьыс, ушымкайтін, кор во джын пукалан срокыд и коли? Тэнад рожаяд быд пельөсын өшалө. Тэнсьыд крыса чужөмтө гримөн он вевтты! Колө жө! Ошлы вомас ас вөляысь пырны! Опер дорө велькыда квартираас локны! Дзикөдз вельжөрыд торксис? Чудеса...

Кык кыв — ас йылысь. Анкета татшөм: Ширяев Борис Иванович. Позьө — прөстө Борис. Комын вит арөс. Дас вит во — опер. Армия бөрын. Бандитьяслы — «Кэрт». Ёртьяслы — «Нэмөвөйся капитан». Кыкысь майор сетлісны, кыкысь бөр уськөдісны. Киад пө асьтө он кут. Корсюрө сөсся юыштан... Гөтрасьны пө весиг сямьд эз ло. Капитаннас пө тэд кивывджык. Водзджык пенсия вьлө петан,

он кө сэтчөдз пурт улө либө пуля улө веськав. Мый нөшта? А, да... Вит медаль да орден көнкө шкапын куйлөны (куйлөны кө-а...) Став «пось точкаыс» — менам. О-о-о... Ог-ө ошйысь нин ме? Тайө менам кык стопка водкаыд сёрнитө, изьвинитөй... Водзө ог кут. Ошйысьны абу мича. А юыштөм кузя... Чөскыд закусканад, нөшта дарөвөйнад, мый и не гугөдны пара стопкатө? А то Грек өбидитчас... Сы ылнасянь со локтис...

Грек... Ме сийөс таөдз синмөн эг аддзыв, воча ныр эг паныдасьлөй, туй визьяс эз падвежасьлыны. А вот «оперативка» неважөн на лыдди. И крыса чужөма фотосө помнита. Слабог, память вылө ог на элясь, дзикөдз эг на ю. Төдмалі, дерт, первойсяньыс. Гөгөрвои. Веськыда шуа: чуймикодь, көть чужөмөн эг петкөдлы. Артиставны кужышта жө. А вот мый мясянь тайө Грекыслы колө, и коді адресөс сетіс? Мыйся грек ме сайын? Нөшта сусед кузя сөрны мөдіс... Кутшөм сусед — друг, кор орчча квартираас көкъямысдас арөса пөчө олө, ме кодь жө өтка? Унаысь сылы прөдукта пыртла. Мортыслөн рөдвужыс абу, социальной уджалысь лун кост мысьт пыравлө. Мичаник нывбаба социальной уджалысьыс, колө шуны... Кад нин топыдджыка төдмасьны. Ті эн думайтөй мыйкө мөдтор! Топыдджыка, — сідзкө — гөтрасьны! Ха-ха... Но мыйкө тай аслым оз эскыссы... Коді менө терпитас, татшөмтө?

Грек... Абу киллер. Шыш. Но абу законын. Көть мастер-шулер. Зарни кияс. Картыин — талант. Чужис-быдмис Сочиын. Вышөй образование. Куимысь тапгяліс зонаын. Бөрьяысьсө — Вөркутаын, «гастролируйтигас» веськалөма. Мый ещө? А кысь ме төда, мый? Менө Грек талунөдз эз интересуйт. А вот өні интересуйтө. Сумкаас пистолет, обоймаыс — тыр (гусьөник висьтала: кор муніс кухняө, кык секундөн и шмонайті сумкасө). Пистолеттө, дерт, босьті, абу чача, дурны оз позь... Друг стволыд ачыс лыяс? Помнитанныд, Чеховыд шуліс? Ружьелөн местаыд — абу стен вылын. Мөд дело — киняулад... Да көть нин гач тасма саяд! Ох, Грек, Грек... Грек тэкөд, да и сөмын! Шойччан лун тэ вөсна вошті. Таысь ог прөсьтит. Сур юны эн лэдз, трасича... Водкасянь заводиті. Тадзтө алкашө регыд пөра. Но мый, кад нин кыв песьштны менам пыдди пуктана гөсьткөд?

...А Грек пыр на черьялө кухня джоджын. Кажитчө, буди, сылы... А синьяс-ас — дой! Сөвестя мортыс. Мед на куйлыштө. Абу барин, позьө и джоджын туплясьыштны. Но вот рам сьөлөма ме, мый сөсся вөчан! Мамлысь юалөй, сийө төдө! Лэптышті Грекөс шошукөдыс. Меліа, князьөс моз со улөс вылө пуксьөді. Пыдди пукта. Төкөтө ог копрась гөсьт водзын. Да ещө гартыштөм көвьясысь на мынтөді. Со ме кутшөм, төдөй ставныд!

Пыки Греклөн кык син костас пистолет ствол. Сылысь жө пистолетсө. Ассьым ог пежав. Син водзас затвор кыкышті...

— Давай, Грек, кадөй этша... Локтін кө Кэрт дорө, сідзкө, менө төдан. Ёртгясыд важөн «серпасалісны», малюйтисны ме йылысь. И бура төдан, мый ме тэкөд верма вөчны. Ой-ой-ой... Аслым страк. И вөча. Тэнад олөмыд өні, Грек, — кыв йылад. И этійө ствол йылас. Кодлы туйсө вуджи? Ну... Куимөдз лыддя! И мыйла буретш тэ? Мыйла тэ?!

Сэтшөм меліа ме тайө кывьясө шуи, сэтшөм сөстөм синьясөн видзөді, мый ачым аслым жаль лои. Дерт, и — Греклы тшөтш. Пыр жө мойдны пондіс. Главнөй, — збыльсө! Эски весиг мортыслы, быттө нэмөвөйся өртлы.

— Картіён ворсси, — лөня мойдіс Грек. Тун моз пукаліс. Син куньомөн. Юрнас со весиг оз катовт (али менам пистолетой сылы мешайт?), — прөступитчи. Эг тэ выло ворсой, Кэрт. Ыджыд сьом выло. Эг и тодлы, сконйыштисны, муклюйтисны...

— Кутшөм жугыль, — нормөм гөлөсөн шуа. — Тэнө, честной, ыджыд совестя мортөс, сконйыштисны... Мый олөмас вөчсьө, Грек? Көні правдаыс?

— Эн вежнясь, абу клоун, — дзик мөд гөлөсөн нузгыльтис Грек. Стрөга нин сёрнитө. Восьса синмөн. — Кывзы збыльсө, юалін кө... Меным сідз пом. И тэныд пом. Мөд «торпеда» локтас. Тэнсьыд олөмтө скон выло Чума пуктис. Төдан, буди... Тэнад крестник. Дас нель во кезлө мортсө пуксьөдін. Пөшти нинөм абу-сьыс. Тэ сійөс гартін... Тэ, Кэрт... Ме тэд ог завидьты...

— И тэд, дерт, жаль босьтис? Чумаөс өбөдитисны... Оні бөрддза... Ой, синваой петас... Гарті, и водзө гартны кута! Кылан, номыр? Тайө урөдыс кык старукаөс виис, шелькъяліс, а сылы сөмын дас нель во сетисны! Көн правдаыс, Грек? Зьверөс доръян? Али ме беспредел вөчи?

— Ме нинөм ог шу. Чума ас вылас босьтис менсьым карті уджйөзөс, и сыысь тшөктис тэнө вины. Отсаліс зонаысь «кок» вөчны. Вөля вылын ствол сетисны... Водзөсө тэ төдан...

— И мый выло тэ надейтчин, шулер-киллер? — Греклөн кывъясыс пузбөдісны менө. — Менө, оперөс, руд көинөс, кызд мегөпиөс, сідз-тадз колскыны? Дзикөдз юрид торксис? Вошласян?

— Да нинөм выло эг и надейтчы, — мудзөмөн өвтыштчис Грек. — Думайті: кызд лоас, сідз и лоас... Адрестө сетисны... Абу гусятор, да тэ он и дзебсясь. Мися, юктөда, а бөрас... Либө пуртөн, либө стволөн... Воштысьны некытчө. Ог кө вөч, менө ачымөс... Төдан.

Дерт, көин законъястө төда. Ачым бытысь сэн бергала. Регыд дышөдас... Шыбитны ставсө, чөрту! Но сэк этія Чумаыс ыджыдавын кутас? Аслас зьвер законъясөн? И артмас, мый ме сыысь повзи? Видзөдлам на... Көді кодөс... Вөчам на татшөмъясыслы чума дырйи пир...

Ме кыйкъяла Грек выло. Аслам көдзыд лөзов синмөн сылысь синсө розбөда. Мортыс со йөжгыльтчис, топаліс, чиніс... И крысаө пөри. А тайө крысаыс менам сьмертьла локтис. Сөмын тай ачыс налькйө шедіс, көть ме нальксө эг пуктыв. Сійө ловъя на. И ме төда: Крысаөс оз позь пельөсө йөртны. Либө джагнитны, либө аслыд кежыштны, петан туй сетны. Надеятор чужтыны. Мед чеччыштас аслас розяс, мед радлас... Сійө оз на төд, мый туй помас пуктөма абу жебиник нальк, а — наян капкан. Збыль капкан, көді кратшнитас крысаөс. Орөдас. И капкансө ордйөдны — некызд...

Ме чольсниті Греклы курыд зелья. Водка. Дзөнь стөкан. Чукойн. Юышт, менам кортөм гөсьтөй, юышт, менам вежөра крысаөй... Ме лэдза тэнө. И жалита. Прөщай. Но прөща ог кор. Тэ абу нин ловъя, Грек. Тэнө Чума ульөн сөяс. Мышсьыд тасма вөчас. Сыысь, мый эн ви менө. Сыысь, мый прөступитчин... Октөм капканыс жмитчөма нин, виччысьө... Тэнад стаяысь мөд крыса сійөс октис. Ыджыдджык, главнөйджык. Тэ шедан сэтчө, Грек. Шедін нин. Тэ слаб. Но тайө налькйыс абу менам. Сійө — Чумалөн. А ме пукті мөд капкан. Главнөй Крысаыслы. Чумалы. Менам вөрөглы, кодөс весиг быттьө неуна пыдди пуктышта. Сійө нинөм на оз төд, оз виччысь. А ме некодлы ог сяльөдчы, ог гөрлөпанит...

Аслам киён өд восьті капкансө, зэвті, ньыв лыскөн мавті... Дзик өні. Дзик тайё здукас. Думын. Менам капканьсь некод на эз мынлы. Некодзи. Некор. И ме регыд долыдырысь шуа: вот и паньдасим, Чума! Чолөм, дона да дыр виччысяна ёртөй! Чолөм, мусаникөй! Гаж нин бырис! А тэ, надейнө, эн виччысь менө? Ай-яй-яй... Изьвинит, но тэнө ог нин лэдз, кыз Грекөс. Тэ — менам. Кык пöч тэнө выліас виччысьöны. Лэчыд косясөн. Найö, кодъясөс тэ шелькъялін. И найö мясянь отсөг виччысьöны. А тэ висян, крыса. Бешенствоөн. А дурмөм зьвертө... Мый вöчöны? Правильнө, мудер Крыса, — сійöс виöны. Тайöс шуа ме, Кэрт. Кывлін? Кывлін... Дерт, кывлін. Ме тэнө виччыся... А он кө лок... Ачым локта, эн дивит. Абу гордöй. Ёна гажöй бырис! Ок и ёна... Весь синвайö петö...

— Весаь! — шуа Греклы. — Ме тэнө лэдза. Но мунтöдзид юала: тöдан, мыйла менö Кэртөн шуöны?

— Эг думыштчыв... Шуöны и шуöны...

— Сійö и эм, мый эн думыштчыв. А колö эськө... Комиын олам. Коми морт ме. И томдырянь «Кöртөн» шуисны. Железо, сталь... кызд көсьян, сідз и шу. Веськодь. Ог ошйысь. Но ме сöмын ачым ратшмуна да чега. Сöмын ачым! Кылан, шулер-киллер?! Кор көсья! А тэ коддьöмыс оз чег. Ме тиянөс чегъявлі. Чегъяла. И водзö мöда. Менö олөмас нинөм нин оз кут. Юав «визьясыдлысь», висьталасны. И прöщай, Грек! А ме тәнсьыд гректö прöститі нин. Прöститі... А ачым прöща ог кор. Тэ абу, Грек... Тэ сылін, разалін. Но эм на мöд... Висьöм... И сылөн нимыс — Чума. И акисянь Кэрт пыдди менö кутасны шуны Докторөн.

Олег Уляшев

Уляшев Олег Иванович – коми писатель, учёный-фольклорист, этнограф. Родился 21 июня 1964 г. в с. Вольдино Усть-Куломского района. В 1988 году закончил филологический факультет Сыктывкарского госуниверситета. Работает в Институте языка, литературы и истории КНЦ УрО РАН. Публикуется в журналах «Арт», «Войвыв кодзув». Издал три поэтических сборника. На сцене фольклорного театра в 1990–1998 гг. ставились его пьесы. Написал 270 научных работ.

Путь Пана¹

(Кому сказ, кому сказка)

Потомкам Пана с благословением,
Потомкам Пана в уплату неоплатных долгов,
Потомкам Пана с пожеланиями долгих лет.

Путнику

Все слова в моём сказе коми. Не споткнись, добрый человек, коми человек. Кто язык коми знает, тот — знающий. Каждый язык — нить. На каком слове запнёшься, там — узелок. Неспешно читай. Со-знанием читай. Слово откроешь — узелок развяжешь, знание приумножишь.

В *нави* живёшь, за *навью* гонишься — от *яви* убегаешь. В *яви* живёшь, только за *явью* гонишься — от жизни убегаешь. За *навь* и за *явь* обеими руками держись. *Навь с явью* — два зауздка одной узды. Шуйцей за один зауздок тянешь, к *нави* жизнь поворачиваешь. Десницей за другой зауздок тянешь, в *явь* жизнь заводишь. Ими направление на жизнь держи, с их помощью *Пути* придерживайся, добрый человек, коми человек. Посередине уздечки — сыромять, чтобы коня погонять. На кончике сыромяти — узел, предел меры человеческой. Каждый своей пядью отмеривает длину знания-сыромяти. Каждый по своему коню ремешок этот рассчитывает и завязывает: кто подлинней, кто покороче. Мыслью-ремешком жизнь свою вперёд погоняй. Только не переусердствуй. Жизнь ведь, она и сама бежит. Жизнь, она и сама всё знает.

¹ *Пан, Пам, Пама* (< древнекоми ПАНМА) – верховный жрец и военачальник коми до христианизации, которому покровительствовал бог ветра, ночи и зимы, бог-месяц, хранитель мужского знания Войпель, иначе именуемый Ен-Чур.

Не спеши мною написанное быстрее дочесть. Не спеши мною написанное в сторонку откинуть. Не торопись меня обругать за слова смутные, за речи мутные. Язык мой вековечный. Язык мой коми. Не ищи мути во мне. Я уж сам со своей смутой разберусь. Я сам себя в себе соберу. И ты Пана в себе ищи. А не найдёшь, значит, это твой Пан за Камень, с Пельма на Конду, с Конды на Большой Атлым¹ ушёл и обратно не вернулся. Соборуй, выкликай. Собирай, высматривай. Когда-нибудь Он навстречу придёт, если уздечку мудрости не оборвёшь, если в тварь бессловесную, тварь тёмную не превратишься.

Пути зачин

Тёмной тварью² в тёмном запечье зачался Панпи.

В тёплом закутке под сердцем Материнским золотым слитком скатался.

С телом-кровью Матери мысль-душа Отца соединились.

Золотым пионом завязался потомка Панов узелок.

От любви Отца и Матери под золотой печёнкой зачалась новая душа, чтобы в тёмном материнском лоне очеловечиться, лик-чело обрести.

Семь сорокадневок золотым светом раскалённых ланит своих заливала Тайгу-Парму Солнце-Зарань.

Из-за Камня, заслонённого народами Яран, Печера, Манси, выныривала Зарань в Небо, а под вечер за земли Веси скользила, оставив защиту и охрану Панского народа дорогому брату своему Месяцу-Войпелю.

Серебряный Войпель девять раз рождался, дряхлел-угасал.

Девять месяцев зрел-вызревал, из личинки в личину, из личины в лицо, из лица в лик превращаясь, Панпи. Из отцовских-материнских корней множились-ткались родовые нити-связки потомка Панов.

Пречудным чудином дивясь, вынырнул Панпи из материнского нутра наружу. Бросил клич воинственный, оглушив Леса-Воды. Рассмеялся громко Панпи, и потом уже тихонько тенькнул-заплакал для порядка.

Улыбнулась розовая Зарань, улыбнулась пестреющими речками-ручейками Земля-Мать, рассмеялась гулко, захохотала синяя Парма. Отчего-то печально вздохнули Леса-Воды. Пробурчал что-то печально себе под нос Сибирь-Камень. Увидели ли они Путь и завершение Пути Панпи, его возвышение и унижение, его золотые дни и дни железные, его счастье медовое и горе смоляное?

Не бойся, сын Панов, не расслабляйся, Панов росток! Жизнь твоя ещё только-только искоркой сверкнула.

¹ *Пельм, Конда, Атлым* — Зауральские реки, на которые ушёл Пан-сотник со значительной частью коми в 1400-х годах.

² Коми *пемӧс* 'некто тёмный, не имеющий сознания' означает и животное, и невидимое обычному человеку существо, которое к домовому относится так же, как домашнее животное к человеку. Так называют и человека, влачущего бессмысленное, животное существование.

Бог — над головой! Враги — под ногами! Живи, не бойся, Чадо, миром лелеемое.

Пуповиной связали крохотную славу Панпи с великим славой-именем Небесного Ена. Узлом завязали пуповину от века на века. Пуповинным узлом-сердцевиной соединили крохотное имя Панпи со славой-именем жизни Хранителей-Видзысь.

«Рубашку» Панпи спрятали с тайным именем в углу хлева с большими славой-именами Хозяина и Хозяюшки.

В жаркой бане парили с крохотной славой Панпи золотым мягким венчиком с широкими славой-именами Банника и Банницы.

В тёплом отваре чаги тридевять раз искупали чадо новорожденное. Тёплым отваром чаги ополоснули каждый волосок, каждый суставчик, каждую жилку.

В пелена из отцовской нательной рубахи завернули крепко-накрепко. Чтобы раньше времени не разошёлся туда-сюда. Чтобы, чуть родившись, не рассыпался там-сям. Чтобы в пеленах руки-ноги крепко к телу прижимал и себя ощущал. Две ноги, две руки. Сверху — голова, снизу — корешок. Посреди живота — пупок. Посреди тельца — сердце.

Прочувствуй ноющий, щемящий пупок свой. Отрезали, оторвали от тела материнского. Ещё ноет и щемит пупок. Зато ты теперь уже *Сам!* Только связь пуповинную не обрывай. За отца, за мать держись. Слушай сердца биение, золотой слиток! Там центр. Там сердцевина. Оттуда начинается жизни стержень.

В еловую колыбель со скрипучим берёзовым очепом для Панпи натрусили трухи берёзовой, настелили пелёнок мягких. Огородили колыбельку двенадцатью остриями, от сглаза, от порчи оберегами. Первыми защитами-скрепами и последними защитами-скрепами человека Коми. От матери, от бабушки достались ему иголка с отломанным ушком, спица вязальная, веретёнце, ножницы, сучок можжевельный с обоих концов заострённый, шильце костяное. От отца, от деда достались нож стальной, чукри¹ железный, скрипучее сверло с костяной ручкой, стрелы жало, из кремня битое, копыя наконечник кованный да копоушка медная.

До появления зубов и ногтей крепких будут хранить двенадцать остриёв младенца от нечистого, от порчи, от болезни, от чёрных глаз, от поганных слов. Да и потом понадобятся. Жизнь ведь конца не знает. Жизнь пределов не имеет.

Названные отец с матерью одарили мотком пряжи. Чтобы век у Панпи длиной с эту нить был и не обрывался. Чтобы пядью не измерить, чтобы саженью не объять, чтобы во всю длину не охватить.

В изголовье колыбели солнце вырезали, над кудрявой берёзкой красным сияющее. В подножье колыбели месяц вырезали, над разлапистой елью белым сверкающий.

Боги — тебе на руки! *Тени снов* — в мысли! Спи, расти, мужай, сынок драгоценный.

¹ *Чукри* (коми) — узкий нож с односторонней заточкой для мелких хозяйственных и ветеринарных работ.

Путеводные альчики

В Небе, раскинувшем радужные крылья свои, играют боги Коми. Шутят-подкалывают, ссорятся-укалывают, альчики бросают-состязаются.

Бросают альчики боги. Четыре положения у альчика: *спина, навзничь, яма, трон*. Как альчик упадёт, такое направление человеку и выпадет. По жребью и шагнуть придётся. По положению альчика и Путь в жизни прокладывать.

Человек как бараний альчик между счастьем и несчастьем мечется. В земной жизни ему *блаженным* не стать. В земной жизни ему *нежитью* не быть. Блаженный в ином мире в поднебесье летает, нежить в воде живёт на самом дне. Во зле живущий, как камень тонет в смоляной яме, сгорает до величины овечьего альчика, а потом исчезает ни следа, ни пылинки. В добре живущий, до *орта*¹ дорастает. Окрылённый, широко в полёте раскидывается, блаженным ввысь воспаряет, с богами равняется.

Но это уже в конце земного пути. Когда река жизни в Полночный океан вольётся, стремительным потоком ударившись в бушующий *Вечный сон*, с мирowymi водами соединя живые воды свои.

Живой человек в чёрном омуте жизни, в бездонном водовороте жизни чудесную траву ищет, над поверхностью пронзительный божий свет видит. До илистого дна доныривает. К солнцу выпрыгивает. При каждом нырке, при каждом прыжке знания-умения свои множит. Конечно, не каждый на поверхность всплывает, не каждый нырнуть может.

Панов сын, Панов корень, Панов росток, не забывай, что звание *Туна*² не каждому достаётся, *Камом*³ не каждый становится, *тенета Пана*⁴ не каждому даются. Наверх поднялся, не забывай — есть у альчика яма. В сторону отбросило тебя, помни — на другой стороне для тебя царский *трон* приготовлен. Только вправо подавайся, а не влево. Тогда всё достанешь, всё найдёшь. Не пугайся. Не ленись. Если упал, есть куда подняться. Если взлетел, корни твои в Земле остаются. Середины держись. Стремнину ищи. В грязь не залезай. В заросли не забредай.

Мертвец *навзничь* лежит, снизу на Небо смотрит. Живой *спиной* к Богу-Ену трудится, лицом к Земле-Матушке. Сверху вниз на землю смотрит. Живой только во время отдыха, хребет расправляя, солнечное Небо видит. У живого есть работа и забота, есть радости и печали. У мертвеца — ни работы, ни заботы, ни радости, ни горя.

Играют в альчики боги. Играют в альчики люди. Народ Коми через альчики счастье и несчастье соединяет, радости и горести выравнивает.

Печаль гнёт-сгибает, Радость поднимает-выпрямляет. Паново чадо мать веничком сорок дней парит, ласкает мягким берёзовым листочком: «Горе-Худо — вниз, Счастье-Благо — вверх!»

Народ Коми альчики бросает, игрой от счастья и несчастья избавляется. Народ Коми знает, нельзя горю поддаваться, нельзя за счастьем гнаться. Горю поддайся — в смоляной яме утонешь. За счастьем погонишься — жизнь позади

¹ *Орт* (коми) — душа-двойник, дух-покровитель.

² *Тун* (коми) — ведун, охраняющий определённую территорию и сородичей.

³ *Кам* (коми) — знахарь, распорядитель и исполнитель обрядов.

⁴ *Тенета* (здесь) — невидимая связь; магическая защита вокруг жилого пространства.

останется. У каждого свой Путь, своё Умение, своё Сердце, потому и хвалят доброго человека: путёвый, умный, сердечный.

Очень опасались Коми проклятия и худого слова. Каждый жил по душе, по сердцу, у каждого сердце — средоточие жизни. Человек человека не оттенял, человек человека не оттеснял. У каждого жизнь только своя. Никто ни с кем не соревновался. Никто ни перед кем не возвышался. Это ведь теперь такие времена немудрые настали, а раньше вот оно как было.

Путеводная сказка

ПАНОВ СЫН так говорил:

«Земля Муса-му и Бог Ен-Чур друг друга сильно любили, сына родили, имя дали ему Чересчур. Красив был Чересчур, силен был Чересчур, крепок был Чересчур, горд был Чересчур. Никого рядом с ним и похожего нет. Совсем он один остался.

Стали люди биться-бороться, кому из них ближе всего к Чересчуру быть. Кинулись выбирать самых красивых, самых сильных, самых лучших. И не заметили люди, как разделились на лучших и худших. Того, кто похуже, и глазами не видели, а потому и не заметили, как от худого Наихудший родился. Хуже худого этот Наихудший. Стали Чересчур и Наихудший людей делить. Только ведь людей разделять — жизнь кончать. Худший жить не хочет, тот, кто к Чересчуру тянется, про собственный Путь забывает, борется-бьётся-соревнуется, некогда ему жить. Одни драки да споры. С тех пор Коми и говорят разозлившемуся человеку, который в драку лезет: «Ну, ты уж чересчур! Потише будь!» С тех пор Коми и осекают сплетника: «Не говори худого про человека! Ничем он не хуже других: глаза-уши, руки-ноги — всё как у людей».

С тех времён и сказка осталась.

«Такой-Сякой жениться решил, Самую-Красивую в жёны взять. И нашёл ведь, шельма!

Самая-Красивая ему так сказала: «Ты, Такой-Сякой, сруби мне самую красивую избу. Я Самая-Красивая с тобой Таким-Сяким в самой красивой избе жить буду».

Стал Такой-Сякой лес искать на самую красивую избу. Ходит по лесу, каждое дерево обстукивает, ищет лесины на самые лучшие брёвна для самой лучшей избы ради самой красивой жены.

Старики при моей жизни о нём уже не вспоминали. Такой-Сякой в жизни потерялся».

Коми так говорят:

«Есть верх, есть низ, есть перед, есть зад, есть здесь, есть там. Каждому жизнь так наделена, каждый по своей мере должен жить. Не надо карабкаться вверх — жизнь внизу останется. Не надо падать вниз — жизнь оборвётся. Человек всегда здесь, а не там, поэтому родители и приобщают детей к Мудрости и Свету, в которых Жизнь и Умение».

К мудрости и свету приобщили и сына Пана.

Умом живи, в суету не впадай, Панов сын, Паном возвращённый, Паном вскормлённый!

Пути начало

Отец с матерью растили Панпи не блаженным, не убогим. От несчастья оберегали, от счастья не отрывали.

Зубы прорезались. *Вежай*¹ «зубную рубашку» на Панпи надел. Белоснежной льняной рубашечкой одарил.

В год на ноги встал. *Вежань*¹ циклотки красным шнурком связала. Ноги соединила. Вежай ножом острым пути красные перерезал. Беги в жизнь, Панпи, не спотыкайся.

В два года — полроста. Не высокий, не маленький. Чтобы от Земли не отрывался, чтобы Небо не подпирал. От материнского молока отказался, на хлеб перешёл, на рыбу, на мясо насел. Ржаной хлеб уплетает — подрастает. Мясо, рыбу ест — силу набирает.

Четыре года — пора штаны надевать. Четыре года — пора широким ремнём опоясаться. Поясницу Панпи сам Пан широким поясом опоясал.

Под правой рукой — острый ножичек в ножнах. Под левой рукой — в чехольчике брусочек. Четырьмя медными *рубежами* ремень ограждён. Медвежьим клыком сзади защищён. Пан-дедом медведь раздет. Пан-отцом клык передан. Придёт пора, собственными руками Панпи медведя разденет, собственными руками добытым клыком огордится.

А пока отцовские следы топчет, слопцы-ловушки проверяет. Из *козьяна*³ топорик вытащит, на Отца оглядываясь, обтепет бревно для слопца. Из ножен ножик вытащит, на старый слопец глядя, новый сторожок выстругает.

В Пан-дедом долблёную ясеневую лодку сел Панпи. Пан-отцом выструганное еловое весло в руки взял Панпи. С длинной лопастью, с долгой рукоятью весло. В наверхии порожек. В конце железная развилка. На корме встал, вдоль кокорки ноги расставил. По ширине *упругов*⁴ плечи расправил. От каменистого дна оттолкнётся. По пенистой волне загребёт. Лодка от толчка над волной взлетает. Солнце под лодку ныряет. Лодка от гребка кормой до дна приседает. Солнце через голову перепрыгивает.

Полным человеком скоро будет. С ножом-топором. С лодкой-веслом.

«Панпи по Вишере гребёт вдоль ельника синего, вдоль бора золотого.

Льняны его волосы, голубичны глаза, на щеках зорьки, на лбу солнце,

Цвета речной косы кафтан, с золотыми рубежами *тасма*⁵,

¹ *Вежай* (коми) — букв. Священный отец, после христианизации так называют крёстного.

² *Вежань* (коми) — букв. Священная мать, после христианизации так называют крёстную.

³ *Козьян* (коми) — кожаная петля для ношения топора, пришитая к спине кожаной безрукавки-лузана.

⁴ *Упруг* — шпангоут.

⁵ *Тасма* (коми) — широкий кожаный пояс, с несколькими узорными ромбическими или листовидными рубежами-*тас* из жёлтого металла.

Молнии сукна играют на *кисах*,¹ сила у него росомашья.
 Лодка — грудкой селезня, весло — листом рябиновым.
 На излучинах выгребает, на перекатах отталкивается.
 Вишера-матушка лодку несёт, Панпи в ладошку целует,
 Солнце заливается-смеётся, Полуденник золотой чуб теребит,
 Тайга шепчет-нашёптывает, Панова воспитанника обучает:
 «Язык родной не забывай, землю родную не разрывай,
 Цветы-ягоды не топчи, норы-гнезда не тревожь,
 Лику своему не изменяй, кровь с чужою не мешай.
 Сердечко моё, Панпи, земляничка малая,
 Тело бело, кровь-бруснику врагам не отдавай,
 Расти-крепни телом, зрей-ширься умом.
 Тебя сказ подгонит, сказка на крылах унесёт
 Вдоль широких болот, вдоль густых лесов,
 За Кряж, За Камень, на широкую Обь,
 Пельменей² в котле наварим, шанег из туеска растопим,
 На санках, на нартах³ прокатимся, на Вишеру вернёмся.
 Ляжем, крепко заснём, вещие сны увидим».

Наследником отца вырос Панпи. В трудах тело закалил, умения приумножил. Любым инструментом работает, любое дело в руках играет. На путиках, на лыжне сил накопил. Ходит с Пан-отцом, Пан-дедом, Вежаем, Унаем,⁴ братьями в дальние переходы, в долгие пути. Между Вишерой и Ылычем лыжню пробил. Трёхсаженные нарты таскает со старшими в одной упряжке. Соболя-куницу гоняет быстрее собаки. Стрелой с раздвоенным жалом лосю-семилетке в золотую печень попадает. Тупой стрелой в сплетении веток серебряную белку бьёт. Копьём с пылающим языком медвежий клык себе добыл. На поясе сзади своими руками добытый клык. За спиной Панпи — девять зим, девять лет.

Боги за спиной поскрипывают. Боги в левое ухо насвистывают. Боги в правое ухо нашёптывают. Узел затянулся. Почка смолистая набухла. Каждую ночь боги во сне приходят. Каждый день тенями мелькают. Молочные зубы у Панпи поменялись. Время пришло *Тени снов* открыть. Время пришло почке набухшей лопнуть.

Коми в *нави* летают. Коми *ортами* ходят. Пан-отец запрещает сыну босым на улицу выходить. Босыми ногами на землю ступишь, Земля подтолкнёт, Небо подтянет. Рано ещё летать Панпи. Нет ещё силы-умения из *нави* назад выходить.

Пан-дед запрещает Панпи на Месяц-Войпель пристально глядеть. Месяц осерчает, душу выпьет, жизненный пар обратно вытянет. С Месяцем беседовать умение нужно. С Месяцем меряться сила нужна. Войпель — Братьям-Волкам, лесным бродягам, воинам-добытчикам старший брат.

Не торопись, Панпи! Придёт и твоё время. Укрепляй икры. Остри клыки. Ум умножай.

¹ *Кисы* — от коми *кыс* 'кабус, «чулок» с ноги оленя или лося', ' меховая расшитая обувь до паха'.

² *Пельмень* — от коми *пельнянь* 'ухо-хлеб' или хлеб, похожий на ухо; замороженные пельмени составляли основу рациона артельных охотников.

³ *Нарта* — от коми *нарт*, *норт* 'длинные охотничьи санки', ширина полозьев в ширину лыжни, длина от двухметровых подростковых до семиметровых артельных.

⁴ *Унай* (коми) — старший дядя.

Перепутье. Панкар

Где впадает река Пыр в Вишеру, на круче Панкар стоит. С двух сторон реками городок ограждён. От леса глубокой заводью отрезан. Реки протоками соединены. На острове живёт народ Пана. Тыном могучие брёвна вкопаны. Бояться и некого особо, но всякий народ бывает. Кто с добром, кто за добром. Кто водой, кто тайгой.

Во врытой в землю избушке живёт Панпи. Лиственничные брёвна, подпёртые столбами, защищают род Пана от жгучих ветров, от жары и холода, от дождя и снега. До верхушки бревенчатой крыши, берестой высланной, рукой достаёшь. Застреха в землю упирается. Над очагом труба из бревна долблёного. Замшелые крыши с десяти шагов смотрятся боровыми холмиками. Десяток холмиков. Десяток избушек. В сторонке от них — хлева. Скотина летом в тайге. Приходит поест, или когда мошкара прижмёт. За тыном на склоне — банька.

Много человек живёт в Панкаре. Большой город Пана. Мало таких больших городов на земле. Разве что Югдин и Чердин побольше будут. Так старые говорят.

Редко сородичей вместе увидишь. Охотника, как волка, ноги кормят. Селенья народа Пана по всей земле раскиданы. На Везырве, впадающей в Емынву. На Волсе Сыктылской. Не сидится народу Пана на одном месте. Соболей, кунок, бобров меняет народ Вена-Роч. Приходят и с Камвы, везут в Казань. Иссякнет зверь в одном месте, переходит народ Пана на новое.

В очаге трещит огонь. Женщины суетятся у огня. Шьют, прядут, мнут шкуры, готовят. В уголке возятся младшие. Братья постарше — теснятся к старшим. Слушают стариковские беседы.

На закате скрылось Солнце. Упало в края Веси. Есть, говорят, народ такой, Весь. Головы сметанные, пуза мякинны. Заикаются, шепелявят. Смешно говорят. Будто Коми передразнивают. Так говорят старики. Показывают крестики кручёные, серебряные, из Веси принесённых драконов-птиц вытаскивают. В серебре из Веси дочери Пана ходят.

Уходили некоторые в Весь. В Веси потерялись. По-Коми разговаривают в Пыросе. По-Коми разговаривают и за Пыросом. Только не так, как народ Пана. В Весь уже превратились. Нельзя народу Коми в Весь уходить. Там, где Солнце садится, живут народы Чуд, Вена-Роч, Лоп-Шом. Там земля кончается.

Ходили некоторые в Печеру. Не все вернулись. За народом Печера живут Яраны и Ёгры. Ёгры из-за Камня приходят. Яраны от края Тайги до края Моря живут. Там земля в Полночное море заходит. У Печеры народу мало, их Яраны теснят. Ёгры и Яраны между собой не ладят, но иногда и сообща нападают. В долгих путях, в походе на Ылыч и сыну Пана довелось с ними встретиться.

На дальних путях

Сделал стойку Пан-дед, пробивавший налегке лыжню артели. Закинул за спину правое ухо шапки-долгоушки. Прислушался. Артель замерла. В зимнем лесу даже дыхания охотников не слышно. В свете багрово-закатного солнца вверх поднимаются только струйки пара цвета малины. Пан-дед кивнул. Вокруг него сгрудилась артель. «Ёгра лося гонит». «К ночи ближе к подошве бора лось

их приведёт». «На бору станем. Высоко, всё видно вокруг». «Нодью сделаем, пусть думают, что спим. Сами засядем».

В сумерках уже на бору развели *нодью*.¹ Заслон от ветра поставили, навес перед нодьёй. Собак накоротке привязали под вывороченные корни, отгородили гружёными нартами, чтобы не метались, под стрелы не попали. Возле костра перед заслоном пяток брёвен накрыли ветошью с *лазами*.² С двух шагов уж брёвна смотрелись дремлющими у огня людьми. За край огня шагнули и пропали все. Отец воткнул сына в снег под огромное корневище упавшей сосны, рядом аккуратно сложил его лыжи и *койбедь*,³ сверху положил лук, мешок с сушёным мясом. «Не бойся. Если случится что, встань на лыжи и бросайся вниз меж двух этих сосен. Кругом выйди на наш след. Беги, пока к людям не выберешься. В драку не влезай. Мал ещё». У Панпи сжалось возле пупка. Отец отпрыгнул и исчез в темноте. Откуда-то донеслось: «Не бойся. Не издавай ни звука. Буду рядом».

Долгий век тянулся для Панпи в ночной тьме. Под бором никого не слышно. К нодье кто-то из артели один раз подходил. Добавлял дров. После этого пламя уже опало. Панпи всматривался в темень, потом на нодью. Дремлющие возле нодьи *болваны* дышали, шевелились сонно. Иногда, казалось, протягивали руки-ноги к огню.

Сомлевшего в своей норе Панпи потянуло в сон. Голова стала сама валиться, клониться. Панпи набрал горстью снега, остудил лицо. Глаза приоткрылись. Рядом коротко гуднула струна *брунгана*.⁴ Будто какой-то музыкант проверял инструмент. Панпи таращился, напрягал слух. Откуда в тайге *брунган*? А невидимый *брунган* загудел почаше. Рябчики посвистывали после каждого взрыкивания *брунгана*. Гуп-гуп! туп-тап! — слышалось в темноте. Будто в *котах*⁵ кто-то приплясывал по глиняному полу. Свалился в огонь болван. Вспыхнул огонь, взмылся столбом, упёрся в небо. Месяц-Войпель осветил бор почти дневным светом. Волчьи тени метались там и сям между сосен. Охал, взвизгивал кто-то время от времени.

Пурхнулся к Панпи какой-то мохнатый *полтэс*.⁶ Два белка глаз блеснули в отдалённых бликах костра. Длинное лезвие ножа сверкнуло белым. От ужаса рука Панпи сама выхватила из козьяна ловкий топорик. Сам топорик рубанул по руке с длинным ножом. Ахнул белоглазый мохнатый дух. В ужасе Панпи бил и бил мохнатого духа. Попадал то лезвием, то плашмя, то обушком. Пока кто-то не схватил крепко за руку. «Хватит. Хватит. Стой, сынок. Кончилось всё». Панпи трясся. Никак не мог прийти в себя. Отец вынес его к нодье. Снегом

¹ *Нодья* (от коми *ноддя*) — костёр между двумя сушинами, положенными одна на другую. В шаге от нодьи параллельно сушинам кладётся бревно, заслоняющее от искр и сильного жара лежанки под навесом из жердей и елового лапника, открытым в сторону костра. Нодья горит всю ночь, тепло отражается навесом на лежанку.

² *Лаз* (коми) — кожаная, суконая или грубая холщовая охотничья безрукавка с пеглэй-козьян для топора на спине.

³ *Койбедь* (коми) — охотничья палка, длиной от полутора до двух метров с лопаточкой на одном конце и пикой — на другом.

⁴ *Брунган* (коми) — струнный щипково-смычковый музыкальный инструмент, издающий низкие звуки, сходные со звуками контрабаса.

⁵ *Коты* (коми) — кожаная обувь без голенища или с суконым голенищем до середины икры.

⁶ *Полтэс* (коми) — пугающий дух.

растирал лицо, уши. Сушил подолом рубахи. Похлопывал по спине. Читал-проговаривал что-то.

Уже при утреннем свете рассмотрели ночные следы. Чёрно-белокрылыми стрелами плотно утыканные тени-болваны по-прежнему сидели у ноды в разодранных кафтанах и лазах. Один в костре сторел со всей одеждой. Досталось болванам изрядно.

Зато в артели не убыло. Рукава, подолы порубаны, висят лоскутьями. Одежда в сукровице.

У самого старшего брата Панпи правая рука как пустой рукав свисает.

Второй сидит, вытянув подрубленную топором ногу вдоль нарты. Пан-дед тонкой льняной нитью зашивает его рану длиной с пядь. Сыплет на рану какую-то серую труху. У брата лоб как снег белый. По лицу стекают чёрные струйки пота. В зубах закушен сосновый сучец. Дед перетягивает ногу льняной тряпкой. «Пока хорошо. Потом поменяю». Переходит к брату с раненой рукой...

Без шапок, в белых оленьих шубах шесть чужаков валяются на бору. Снег плотно утоптан вокруг них. У всех смоляно-чёрные волосы сплетены в косы, перевиты медной проволокой, красными шнурками. Удивительным показалось это Панпи, даже трясушка прекратилась на время. У четверых из шеи, из подмышек торчат серопёрые стрелы. Одного двумя пиками под рёбра прижали к сосне как медведя.

От ночного убежища Панпи брат с дядей тащат к ноде седьмого в белой шубе. «Ночной дух» уже не смотрится таким большим. По стрелам, торчащим из спины, Панпи понял, что он рубил уже умирающего. Стошнило Панпи в ночную нору под корневищем. Трясло Панпи в лихорадке возле той норы, где недавно ещё сидел он, сомлевший и напуганный. Ночной страх в духа мохнатого жуткого превратил Ёгру-человека. А был ведь недавно ещё Человек. Горячая кровь в жилах его играла. Сердце с кулак в груди его бухало. А теперь мёрзлым трупом валяется. А если бы не валялся? Тогда бы Пан-дед, Пан-отец, Вежай, Унай, братья... сам Панпи!!! Так бы валялись. Девять трупов. Роду Пана девять ран. Девять кровавых ран...

Отец выдёргивает стрелу из спины мохнатого духа, из-под его ремня приподнимает большую мохнатую связку. Отделяя большим пальцем чёрные, русые, рыжие «пучки», считает. «Двенадцать головных шкур снял, двенадцать пучков своим *чукри* вырезал. Мог бы и добавить сегодня, если бы Войпель не помог нашему Пан-деду».

Так Панпи узнал, что Ёгры снимают у побеждённых кожу с головы ножом-*чукри*. Некоторые с ещё живых. Не на поясе висит *чукри*, а в левый рукав засунут. Как у осы жало спрятан, и как оса в атаке неожиданен.

У всех семерых в левых рукавах такие ножи нашлись. Узкие. Бруском изъеденные-сточенные. Как серпы в лезвии изогнутые. Много макушек ими срезано. Чем больше пучков волос на поясе набирается, тем сильнее, тем ловчее в бою Ёгра-человек. Тем внимательнее надо с таким быть. Увидел в поле — обойди на расстоянии полёта стрелы. Встретился в лесу — на длину пика не дай подойти. Заночевал рядом — подрёмывай одним глазом. Из одного котла поели — от

костра отбегай раньше него. Спиной не поворачивайся, а повернёшься, чтобы у тебя на спине сорок пар глаз было.

Панов сын, Панов воспитанник, когда чужаку руку подаёшь, другая рука чтобы пальцами поигрывала! Одна рука пусть на глазах мелькает, вторая за спиной играет. Правая рука ножны поглаживает, левая рука к *козьяну* примеривается. Кому распахнутую ладонь подай, а кому и сжатый кулак выставляй.

Путём теней

Посреди бора, в Коми шалаше сложили тела Ёгров. Под шалаш сложили крест-накрест, в семь слоёв длинные сушины. Лапник пихтовый на них настелили. Шкуры кинули на лапник. Семь бесстрашных воинов-Ёгра рядом уложили на мягкую постель. За пояса их обратно заткнули добытые в боях-сражениях головные кожи. Им перед своими богами надо будет о славе своей говорить. Сорок пучков всего получилось. Сорок душ на семерых отняли. Сорок взрослых мужчин, сорок кормильцев домой не вернулись.

И эти семеро не вернуться за Камень, на широкую Обь. Богатства ли искать выходили, или Имени? Не нашли богатства. И Имя-Славу не нашли. Свои Имена потеряли. Безымянными легли в чужую землю, под чужих богов. Некому будет тут поминать добрым именем. Некому будет величать дедовым именем, отцовым именем.

Одолел их острый волчий нюх Пан-деда. Оборол их острый волчий ум Пан-отца. Не ожидали Ёгры, что охотники не спят, что ждут их с натянутыми тетивами, двухаршинными стрелами. Не ожидали, что деревянные болваны все острые стрелы на себя возьмут без стога. Не ожидали, что в бою-сече *юх япальты*¹ Коми Панов *тенями* будут метаться, *оборотнями* глаза отводить. Не все успели понять, что с *тенями* Пана сражаются. Из *тени* кровь не течёт. У *тени* тело не болит. Поторопился старший Ёгра *Тэк ики*.² После погони за лосем не передохнул как следует. Не накормил своих богов досыта. Огня им не разводил, кровь в берестяной коробке, мясо в берестяной коробке недолго перед ними держал. Помощи наспех попросил. Спешил на пояс головные кожи добавить. Отвернулись от него недовольные боги.

Рядом с Ёграми, переломав, сложили оружие их. Забрали только из железа, из меди сделанные вещи. Ценятся они в тайге. Возле Камня ищут знающие люди железные камни. Очень умелые люди льют и куют из них нужные вещи. А кое-что и вовсе издалека приходится привозить.

В изголовье сложили одежду и еду для Ёгры. Над шалашом сделали ещё шалаш из сушин, на них опрокинули нарты охотничьи изломанные. Пусть на том свете охотятся, ни в чём не нуждаясь. На *этой стороне* оставшимся сыновьям-дочерям пусть помогают с *той стороны*.

Сварили от их же добычи лёгкие, печень, сердце, почки, язык, губы. Лучшую еду сложили в последний шалаш Ёгры. Пусть сытыми уйдут к своим богам.

¹ *Юх япальт* (ханты) — деревянный болван, изображение.

² *Тэк ики* (ханты) — хозяин реки Тега.

Пригласили богов Ёгры. Пригласили богов Коми. Запалили с четырёх сторон. Поднялся дым. Загудел столбом огонь.

На красную подвязку от кис подвесил топор Пан-дед. Сел напротив огня. Обратился к богам Ёгры, к богам Коми. Всех вспомнил, всех пригласил. Всех попросил души храбрых Вена-Ёгры добром принять, хорошо поить-кормить. В светлом месте, в тёплом месте. В лучшем углу. В лучшем доме. Не последними людьми были в народе своём, на земле своей.

Вокруг костра замелькали *сущие*. Вышли *орты*. Приблизились боги. Туманными тенями окружили костёр. Приблизились-присели к угощению. Уже не один Пан-дед рокотал-пел, все *тени* подхватили. Могучая песня приподняла народ Пана над землёй. Вошла в их кровь-тела мощь *ортов* Ёгра. Раскалил их сердца огонь сердец *ортов* Ёгры.

Огонь гудел столбом. Дым возносился столбом. По дымовой лестнице вверх отправились лучшие из рода Вена-Ёгры. До середины лестницы проводили их сыны Пана, повернулись обратно, чтобы спуститься на землю. Пан-дед увлёкся, дальше пошёл за богами, за *ортами*. Еле за рукав успели стащить его обратно. Летают необутые Коми. Летают на *дыме* Пана. Летают за крылатыми тучами-*тунныр*. Только Земля их удерживает. Только Тайга их хранит.

ПАНОВ СЫН говорил:

«Был у Ока Свет от Солнца, знанье-мудрость Вена-Ёгры,
Только в жёны взял чужую, кровь худого взял народа.
Огненную кровь смешал он, чёрной кровью испоганил,
Потерял рассудок Ёгры, Зло дремавшее проснулось.
И над Оком безрассудным, вдоволь Зло поизгалялось:
Изрубили силу Ока, кляп в уста железный вбили.
Ок тогда забыл и имя, и ушёл к сестрицам милым,
Что серебряные воды от Урала уносили.
Ок окреп при милых сёстрах, стал по-прежнему могучим,
Но за ним слетелись к Камню слуги Зла, чернее тучи.
Полыхающими бились Ок со Злом бичами долго,
Испоганили две речки, две сестры Сухими стали.
Ока силы вновь иссякли. На подмогу брату-Оку
С огненным бичом брат-Болбан подоспел. Вдвоём прижали,
До Оби Зло оттеснили, кровь чернильную пуская.
Вдоль Тимана и Урала до сих пор река стекает, что прозвали Чёрной хворью.
Долго Оку помогали брат и две сестры Обские,
Только к жизни не вернули, Ок растратил ум-рассудок,
Стал немым и ликом страшным.

Позже в Сказке поселился».

Путешествие в ту сторону

Вместе с добычей от Ёгры достался артели Большой нож. Из руки старого Ёгры вынули синеющую умирающим месяцем сталь. Панпи поставил рядом с собой. Почти с него этот нож. Рукоять с вершок. На темляке орлиная голова.

Небольшая гарда, чтобы руку прикрывать. С лёгким изгибом идёт тело Ножа. Лезвие от обушка отделяет бороздка. Пан-отец говорит: для стока крови. Да, не звериные шкурки снимать носил с собой Большой нож старый Ёгра.

Молодёжь на невиданное дивилась. Старшие уже видывали такое. Пан-дед, Вежай, Унай по очереди пробовали, махали, рубили Большим ножом. Удивительное оружие! Пан-отец взял Нож, как ребёнка. Пан-отцу больше всех по душе Нож пришёлся. Пан-отцу больше всех по руке пришёлся. Плечи у отца расширились. Глаза у отца загорелись. В его руках Большой нож ожил. Крутиться стал Пан-отец со скоростью юлы. Белыми кругами окружил себя Пан-отец, будто стрекозиными крыльями окрылился. В серый сгусток превратился Пан-отец. Большой нож с глаз пропал. Лишь как осиный рой жужжал-звенел Большой нож. Вокруг Пан-отца сам собой стал валиться-срезаться мелкий ельник. Упала сосна с руку толщиной, как невидимыми зубами перекушенная солома. Упала вторая. Гукнулась срезанным стволом об землю третья.

«Хватит! Тише, сынок! Не игрушка это!»

Стих Пан-отец. Погасли глаза искрами, в снег упавшими. Дышит глубоко. Вниз опустились руки. Усмирил дыхание Пан-отец. Прижал к телу стрекозиные крылья Большой нож.

«Пусть твоим будет, сынок, Большой нож. Душа его в твоих руках оживает».

Вложил Пан-отец Большой нож в ножны. Запеленал Пан-отец туго Большой нож в белое полотенце. Завернул Пан-отец Большой нож в вывернутую соболью шкуру. Уложил Пан-отец Большой нож в пятисаженную нарту. Укрыл Пан-отец Большой нож седой лосиной шкурой.

Спи, Нож Пана. Не вставай, не отзывайся без необходимости. Не проси невинной крови. Не требуй еды без нужды. В нужное время разбудят.

Ослабили сына Пана ночная битва и с чужаками встреча. Обессилел, с ног упал Панпи. Шесть дней и ночей внутренним огнём горел. Лежал, в меховое одеяло завернутый, на артельных нартах. Шесть дней и ночей насильно вливали в рот силу дающий отвар, жизнь подпирающий отвар.

Впервые девятилетний Панпи увидел человеческой крови пускание. Впервые почуял человеческой крови ржавый запах. Не человекоубийцей рождается человек. Не он даёт людям душу, не он жизнь чужую творит. Не ему дано человеческие души брать, от человеческого тела отделять. Конечно, не артель первую стрелу пустила. Их деревянные тени люди с чужой кровью первыми ужалили железными жалами. Если бы вместо деревянных теней народ Пана возле ног сидел, теперь они бы за столом с богами сидели, от братьев-сестёр, от земных родичей далеко-высоко. Ушли бы с земли для серебряных ушей неслышимыми, для золотых глаз невидимыми. *Ортами-духами* бы за грозowymi тучами летали. Теперь бы их трупы на чистом бору белели, синей золой на ветру провеивались.

Шесть дней и ночей со старыми *тенями* бледным *ортом* мелькала душа Панпи. Шесть дней и ночей белеющим трупом пролежало тело его на нартах. Тоненькой плёночкой отделены Смерть и Жизнь. Тоненькая плёночка отделяет жителей *этой стороны* и жителей *той стороны*.

Не поддавайся, Панпи, старым *теням*, не поддавайся на их зов-призыв. Ещё не оборвана подаренная тебе при рождении шерстяная нить. Не высохло ещё несущее тебя по реке Жизни русло.

Боги за спиной скрипят. Боги в правое ухо свистят. Боги в левое ухо шепчут. Узел перетянут. *Почка* набухла. Каждую ночь боги во сне приходят. Каждый день боги тенями мелькают. У Панпи молочные зубы сменились. Время приходит *тебе снов* раскрыть. Время подходит *узел* развязать.

Коми во сне летают. Коми *ортами* ходят. Пан-отец не велел Пан-сыну босым на улицу выходить. Пан-отец не велел Пан-сыну на земле босые следы оставлять. Босыми ногами на землю встанешь, Земля оттолкнёт, Небо подтянет. Рано ещё Панпи летать. Нет ещё силы, умения *из нави* выйти.

Путешествие из нави в явь

Подошла артель Пана к Вишере. *Тенета* Пан-города раскинулись. Артель Пана *тенета* опутали, потянули к теплом переполненным домам, к объятиям домашних, к баням, избавляющим от дорожной грязи.

Но нельзя болезнь в гнездо заносить. Нельзя чужих *ортов*, мести жаждущих, затаскивать на плечах Панпи. Подыскал Пан-дед красивый бор. Выкопал Пан-дед яму по пояс. Усадили с Пан-отцом ослабшего, увядшего Панпи в яму. От Панпи только половина осталась. Усох до облика *орта*. Кожа да кости. На лице кровиночки нет. Дыхание медным зеркалом не уловить.

Усадили Панпи со скрещёнными ногами. Усадили Панпи с прижатými к груди руками. Усадили Панпи, поместив голову между колен. Так он в чреве лежал девять лет назад. Так он слитком скрывался под материнской золотой печенью, под материнским жарким сердцем.

Накрыли Панпи большим глиняным Котлом Панов. Лежал Котёл Панов в тайнике у Пан-деда, недалеко от Пан-города. Ожидал Котёл Панов своего часа на чистом месте, на священном месте. Опрокинули глиняный Котёл над Панпи. Остро-закруглённым днищем к Небу, устьем широким к Земле. Проглотил большой Котёл кожу и кости Панпи, кровь и мясо Панпи устами глиняными. Обхватил и прижал большой Котёл Панпи к Земле-Матери, к Родительнице своей и Родительнице людей. Чтобы не полетела душа Панпи к Владыке Небесному, чтобы не бродил отделившийся *орт* его по телу Земли блуждающей *тенью*.

Приняла *Муса-Му* в тёплое песчаное чрево сына Пана как золотое зёрнышко. Взяла *Муса-Му* во влажное глиняное лоно своё сына Пана как узловатый корешок.

Развёл род Пана огонь с четырёх сторон Котла Панов. За спиной Панпи — костёр. Перед Панпи — костёр. По правую руку — костёр. По левую руку — костёр. В огне болезни сгорают. От огня силы прибывают. Села артель вокруг глиняного котла большим кругом. Для Панпи мощь-силу собирать, от блуждания его *орт* отзывать. Панпи под Котлом в целого человека превращать.

Шорохом, шёпотом шумным шурша, шухнулся Утренник.

Воем вопя, и визгом взывая, взвился воинственный Полуночник.

Сметающим свистом, неся снегоструи, снизился Вечерник.

Лился лениво, млечно-медлительный Полуденник.

Листья сорвали с деревьев, травы прибили к земле.

Реки взбугрили, сгребли у излучин песок.

Тьмой задушили и воду, и лес, и землю накрыли молчаньем.

Панпи прижало ко дну ямы, вдавило к стенкам, скомкало в плотный комок, свернуло в тугой свёрток. В центре пупка крик родился и умер. В сплетении солнечном вихрь родился и угас. Съёжился Панпи до величины альчика овечьего. Съёжился Панпи до величины пупка своего. Сжался, скрутился вокруг пупка, закружился вокруг узла затянутого. Ничтожен стал Панпи. Превратился в искорку малую. Искорка в центре пупка багровела, на чёрном сукне Вечной тьмы прорехой-звездой пробивалась.

Сам был искоркой Панпи. Увидел искорку издалека Панпи. Время смешалось, тьма затуманилась. Из тумана вышли *сущие, твари, тени, навьи, орты*. Одни искорку пытались загасить, втоптать в глубины земли. Другие махали крылами, в огонь полыхающий раздувая. Навалилась на Панпи *сила*. Заполнила кровь и тело. В каждую косточку, жилку, суставчик и волос входила, сочилась. Упала крылатой тьмой на малую искорку Панпи. Вспыхнула искорка. Взвыли *сущие и твари*. Шарахнулись *тени и навьи*. Ахнули *орты*. Тенькнув, оборвалась натянутая струна.

Узел распался.

Земли зарождение Панпи увидел. В извечной Тьме мигнула искорка. Из искры ниточкой вился дымок, ширился, затмевая, туманя пред-сущее. Туман вниз отошёл Океаном, вверх отделилось Небом с заплатами туч. В трещине света меж ними Молнии метнулись, и Солнце пробилось лучами. Шорох дождя и ручьёв трезвон добавились к рокоту грома. Земля рождалась и пучилась. Просели озёра и реки. Вздрыбились камни и холмы. Пробивались белые рощи, чёрные ельники, золотые боры, синие лиственники.

Искорка распахнулась в Золотой Свет, растёкшийся по Земле и Небу, загнала сумрак ночной в углы Мироздания.

Отшумело под глиняным котлом. Стих ветер в яме. Род Пана сидел беззвучно. Сипели в остатках костра одинокие, жидко дымящиеся, головёшки. Откинул Пан-дед с ямы Котёл Панов.

Ухнула яма Земли напряжённым дыханьем. Глубоко выдохнула Роженица-Земля. С лицом деревянным сидел на дне ямы Панпи. В лицо стегануло Солнце златотканым полотенцем. Расслабились скулы у Панпи. Румянцем лицо заиграло. Глаза распахнулись у Панпи.

Лопнула *почка*, выстрелив золотыми листочками.

Боги за спиной к добру шепчутся. Боги в левое ухо к несчастью свистят. Боги в правое ухо славословят. Узел распутан. Почка лопнула. Ночью во сне боги приходят. Днём теньями боги мелькают.

Коми в *нави* летают. Коми *ортами* ходят. Можно уже летать Панпи. Есть уже немного силы-умения. Может, уже из *нави* обратно выйти. Только Пан-отец не велит Панпи босым часто на улицу выходить. Босыми ногами на землю встанешь, Земля оттолкнёт, Небо притянет.

Летай, Панпи! Летай, но помни: от Земли поднимаешься, на Землю и вставать обратно надо. Твёрдыми ногами, на твёрдые ступни.

Пути Пана начало

Преображённым Панпи вернулся на землю, к роду своему. Со взрослыми на равных стал ходить в священный дом хранителей, кормить богов рода. Как равный кормил хранителей в священном сосновом бору. Речи взрослых слушал. В речи взрослых слово-другое вставлял. Взрослые слушали, дивились. Не языком младенца сюсюкал Панпи, не боталом болтал Панпи. Точны были слова его. Редки, метки и уместны.

В пору пришлось Пан-деда, Пан-отца обучение. В десять лет дали Панпи в священном бору огонь развести. Хранителям священный костёр разжечь, рыбьим жиром трижды в огонь прыснуть.

В двенадцать лет дали Панпи в священном бору овцу забить. Хранителям белую овцу подарить, три-девять кусков жира нутряного перед богами поставить.

В четырнадцать лет Панпи на грудь двуглавого волка Пан-дед повесил. Сказку сказал. Добрым словом напутствовал:

«Есть на твоём поясе клык медвежий. От худа охраняет. Силу-мощь придаёт. Медведь всякому злу навстречу идёт. Медведь никого, кроме человека, не боится. Медведя только человек на остриё пики берёт.

Пусть отныне на твоей груди медный волк поселится. Волк по лесу рыскает. У волка нюх острый. У волка зубы отточены. Волк худо издалека чует. От большого зла стороной идёт, на малое зло навстречу бросается. Волк на человека кидается не со зла, только по нужде великой. Медведь человека со страхом далеко обходит. Волк из уважения к человеку его дорогу не пересекает.

Перша и Лупша — два брата у Коми. Сильнее их никого нет. Умнее их никого нет. Брат-Перша с весны до осени *в яви* живёт. С осени до весны *в нави* бродит. Поэтому Перша знает *эту сторону* и знает *ту сторону*. Брат-Перша язык богов понимает, язык людей понимает. Только не разговаривает, чтобы никто словами не отвлекал, чтобы от жизни не уводил.

Брат-Лупша летом жир не копит. Брат-Лупша зимой не спит. Брат-Лупша зимой и летом как мы по лесу рыскает, от воды и от леса живёт. Брат-Лупша за оленем гоняется. Догонит — сыт. Не догонит — другого найдёт. Завалит, не завалит добычу, с каждым броском немного учится, с каждым броском умение множит, духом не падает. Учись у него умения множить. Учись у него духом не падать».

Вежай к словам Пан-деда добавил:

«Брат-Перша сам по себе живёт. Самка с самцом раз в год встречаются. Свадьба закончилась, и расходятся. Самка одна детёнышей рождает, одна детёнышей растит. На жизнь одинокую. Волк, как Коми, семьёй живёт, за род держится. И ты за род держись. Слабого подними. Печального развесели. В труде, в бою помоги. Добычей, имуществом поделись. От рода не отрывайся, и он тебя не бросит».

Пан-отец к словам Вежая добавил:

«Волк везде рыскает, везде собирает. Волка ноги кормят. И тебя ноги прокормят. Пусть у волка шея не вертится, он и сзади, и спереди чует, слева и справа видит. И ты кругом гляди, кругом слушай».

Пан-дед сказал:

«Время приходит ноги укреплять. Время приходит ум объединять. Время приходит силы соединять. Худое время приходит. Трудное время приходит. Каменной твёрдости время приходит. Ты по нашим следам много бегал. Ты дальше наших следов ходил. В нужное место тебе придётся слетать. Говорить умеешь. Худу не поддашься. Отец научил Нож Панов оживлять. Унай научил быстрые стрелы пускать. Вежай научил сквозь сито целым, невредимым проходить. С *волчьей тенью* тебя везде примут, везде накормят-напоят, везде найдёшь от дождя, от ветра укрытие. С Емынвы до Оби, с Печеры до Камы каждый тебя узнает, каждый прислушается. С Коми говори прямо, Манси и Печера сами откроются, с Ёгрой и Яранами окольным разговором к общему слову придёшь. С Заката сильный ветер идёт, буря чёрная. С Закатом осторожен будь. Как брат-Волк вдоль Закатной стороны ходи. Не попадайся в волчьи ямы».

Бог — над головой, враги — под ногами! Вверх смотри, да из-под ног тропу не теряй!

Путешествия

И ушёл Пан-дед в *иную* землю, на Землю *теней*. К богам, ортам. По Панскому дыму побрёл его *орт*-дух. Печально посмотрел напоследок на оставляемый род свой. Вздохнул тяжело, повернулся, и исчез: ни серебряными колечками ушей не услышать, ни золоторесничными глазами не увидеть. Только *сновидением-тенью* будет приходиться к своим.

По сказанному Пан-дедом и жизнь пошла. Слухи полетели о приходящих в Емындин и Пырос Вена-Рочах, о Коми, пропадающих в Веси. Селятся, говорили, скученно. Питаются от терзания Земли, а не дарами от Воды, от Леса. Рожь сеют не на пашенках с ладонь, а сжигают леса на версту. Лодки делают не такие, как на Вишере. Впятеро длинней. В высоту до груди. Из досок, набитых на кокорку. Ходят на парных вёслах и под большими холстинами. Холстинами ветер ловят как косяк рыбы сетью.

Панов народ стал чаще встречаться с Манси. Захаживать в Пан-город стали Манси. Панпи в дальние пути стал ходить. Где волчьим шагом, где утиным гребком пересекал Панпи угоры, тайгу, реки. Где на ногах не пройти, там крылья вороновы несли. Доходил до Чердина, до Пелым реки. Нити связывал, *тенета* сплетал. Волчья *тень* дорогу ему пробивала. Волчья *тень* все двери перед ним открывала. В каждой Коми избушке, в каждом Манси чуме кормили-поили, мягко стелили, добром отправляли.

Виделся Панпи с *хранителями*, говорил Панпи с *вестниками*. Креп в дальних дорогах Панпи. Плечи расширились в сажень, мудрости набрал до краёв. Познал Панпи человека, познал Панпи жизнь, познал Панпи землю и воду. Земля, оказывается, бескрайняя. Думаешь, край увидел. Думаешь, кончилась земля. Глядишь: опять какая-то земля раскинулась. Опять за краем люди есть.

На Севере за Яранами, в Северном Океане есть Ледяная земля. Там в ледяных чумах живут Юмыры. Крупнее лосей. В воде ныряют, костяными ножами *водяных* кончают, сырыми их едят. На ночь выходят на ледяные кручи, в ледяных чумах

ночевать. День там — всё лето. Ночь — всю зиму. Всю зиму спят, как медведи. И медведи белые им вместо собак.

На Закате, за Вена-Рочами, за Лоп-Шомами, в Закатном Океане Огненная земля есть. Там живут пылающими камнями питающиеся, огнём плюющиеся, дымом дышущие Гундыры. Девятиглавые, семирогие. Ни камню, ни железу не поддаются. Стрелой с заговоренным остриём из сосульки, копьём с серебряным жалом только можешь душу у них забрать.

На Восходе, за Ёгра, за Манси живут Манса-Тынгосы. Прошивают они лица, чтобы богов своих с собой носить. Петлистыми узорами украшают лица, чтобы стрела, копьё им не повредили, в полёте запутавшись. За Тынгосами, в Утреннем Океане Медная земля есть. Там Мутлаки живут. На собаках верхом по двое, по трое ездят.

На Юге, за Перымом, Булкар-Балкары живут. Их Манчу-Тотары теснят. Манчу-Тотары рождаются от пота диких коней. Так и вырастают, безногими, вросшими в конские спины. Если оторвать всадника от конской спины, и человек, и конь помирают. Южнее их, на Солнечной земле Южного Океана, Моры живут. С виду как обгорелые сосны. С одним глазом, величиной с очаг. Шкуры у них как кора.

В дальних путях чаще стали Панпи встречаться люди с серебряными и медными *тенями-перекрестьями*. В Емындинской и Пыросской стороне люди новых обычаев, Вена-Рочи и в Веси пропавшие Коми, крестики носят. Говорил с ними Панпи. Заблудившиеся люди. От жизни отошедшие люди. Жизнь забывшие люди. Богам молясь, сами мясной пищи не едят. С богами разговаривая, кровавую еду, жирную еду им не предлагают.

Говорят, что души человеческие, души звериные нельзя отбирать. Отбирают.

Говорят, чужого ничего брать нельзя. Не спрашивают. Оградами чужие охотничьи угодья огораживают, лес корчуют. Лесных зверей теснят, охотников оттесняют, из богатых мест выживают.

Говорят, нельзя людей хулить. Хулят и судят. Дескать, живёте плохо. В темноте живёте. Дескать, кровавую еду едите. Дескать, с кем хотите, с тем и спите. Дескать, дереву и камню молитесь.

А как кровавую еду не есть? От ягоды сил не прибавится. От пустого хлеба животы пучит. Кровавая еда и зверю, и людям, и богам по нутру. От мяса мясо прибавляется. С кровью сила переходит.

А как с нелюбимой спать? Кого любишь, ту и желаешь. Кого желаешь, с той и телом сливаешься, кровью, душой соединяешься, с ней и добром делишься, духом её возвышаешь. С нелюбимым человеком даже дети не рождаются.

Дереву, камню, воде, огню, дескать, поклоняетесь! Нет, не дереву и камням кланяются Коми. *Кылдысь инь* издалека видит дары, на деревья развешанные. На камни положенное *Ен-Чур* с высоты замечает. В воду брошенное к *Вакулю* приплывает.

Камень с деревом — от порчи, от глаза дурного *тени*. Из твёрдости камня — кости и тело человеческое. От живого дерева — трепет человеческой души. От гудящего огня — жар человеческого сердца. От воды быстротечной — кровь текучая. Как их не почитать? Как их святость не уважать?

Деревянным болванам, дескать, молитесь, в жизни блуждающие говорят! Нет, не болванам молятся Коми. Болваны — только земные тени богов. Ртами болванов боги человеческую еду едят. Ушами болванов боги человеческие просьбы слушают. Глазами болванов боги земную жизнь видят.

Видел Панпи нарисованных на досках богов заблудившихся людей. Видел Панпи деревянных болванов их. Не отозвались чужие боги на его обращение. Не отозвались чужие боги на его зов. Молча сгорели в бревенчатом доме. В яростно гудящем огне молчали, когда Панпи с отцом сожгли дом чужих богов, построенный чужаками на их родовом бору.

Медные, серебряные крестики брал в руки Панпи. Чуть обжигало правую ладонь. Прохладой веяло в левую. Из одной руки силу забирает, в другую перекладывает, совсем как силу собирающий *чо́ж*¹. Разные крестики попадались. Иные такие-сякие. Иные изукрашенные.

На иных сын их Бога, Сус, руки-крылья широко раскинув, летит. Сверху вниз смотрит: «Как там народ живёт, не запутался ли в жизни, не запутывает ли кто чужие жизни». Как сын *Ена*, *Войпель*, у Коми, как сын *Торума*², *Лувын хум*³, у Манси. Они, схватившись за хвосты облаков, летают. Они за суетой людской следят.

Может, не совсем ещё затерялись Коми среди Веси? Может, остались ещё у Вена-Роч старые боги?

Не запутайся, Панпи! Смотришь на распятие. Прибитый к нему тебе глаза отводит. Говоря Ену в уши, вслушивайся в мир Его!

Пути-параллели

Научил Пан-отец сына Нож Пана оживлять. Большой нож стал послушен Панпи. Научил Пан-дед внука *чо́ж* оживлять. *Чо́жи* расставил Панпи вокруг жилищ, вокруг селений Пана. Оберегут *чо́жи* народ Пана от огня-воды, от когтистого-клыкастого, от зло мыслящего. Вместо Пан-отца Пан-сын стал собирать богов и людей на священных борах, в священных домах. Стал Панпи Паном Малым.

Пан-отец говорит: время жениться подходит. Вежай говорит: пора хребтом обзавестись подходит. Дескать, даже воробей своим гнездом живёт. Обретёшь хребет-стержень, Малый Пан, из Пан-сына сам станешь Большим Паном, деду, отцу на замену. Корень родовой к тебе перешёл.

Искать стали для Малого Пана жену в ближних семьях. Искать стали для Малого Пана жену в ближних родах. Искать стали жену для Малого Пана в дальних семьях. Искать стали жену для Малого Пана в дальних родах. Предлагают Панпи одну, другую. Панпи головой мотает: «Эта не нужна, та не годится». И чего надо человеку? Какая ему по душе придётся? Панпи говорит: «Есть у меня одна, сердце иссушающая, душу согревающая. Её сосватаю. Её женой в дом введу».

¹ *Чо́ж* — просверленный круг из кости, камня или дерева; сил собиратель; тенет держатель.

² *Торум* (манси) — Небесный Отец, Небо, Погода.

³ *Лувын хум* (манси) — Всадник; седьмой сын Торума, наблюдающий за порядком среди людей.

В дальних странствиях золотой искоркой-звёздочкой запала в сердце Панпи девушка Манси. Третья дочь *Пельм-отыр ойки*¹. С беличьим проворством, с беличьим трудолюбием, с беличьей аккуратностью в гнезде родительском прибирающаяся. Оттого, знай, назвали её *Мань Лэннын*². Неделю как-то жил Панпи в чуме Пельм-отыра. Неделю как-то ел мясо и рыбу Пельм-отыра. Неделю беседовали глаза в глаза, уши в уши. Неделю друг друга разговаривали, друг друга открывали. Неделю друг другу загадки загадывали, друг у друга загадки отгадывали. Про нынешнее и про минувшее сказывали. Ближнее и дальнее обсуждали. Время становления Земли вспоминали. Нынешнюю смуту на Земле поминали. И смену крови народа, и угасание духа народа, и Мира скорую кончину.

Близка кончина Мира. Природа взывает-вопит. Тайга вздыхает-стонет. Боги в левое ухо шепчут. Боги в правое ухо бормочут.

ПАНОВ СЫН сказывал:

«Мой рассказ — кому сказка, кому сказ, кому явление.

Кто язык Коми знает, тот Знающий.

Кто жить хочет, тот слушает и прислушивается.

Каждое слово — нить. Какое слово услышишь, за ту нить берёшься. Нить приводит к двум братьям, один — Дно, другой — Холм. Сестра Дна — Горе. Сестра Холма — Гора.

Сползающий в Горе вниз живёт. В Горе впадать легко, Дно всегда открыто. На Дно упавшего Горе слезами умывает. Многие в Горе падают, их ко Дну приводят двое слуг Зло и Худо.

Кому Зло в сердце укоренилось, тот на всех злобствует, от людей отворачивается, того Дно поджидает. На Дне слёзы Горя, до самой смерти их хватит. Злой с людьми жить не может, Дно его хоронит.

Кому Худо в голову идёт, тот ничего не видит. Силы много, что с ней делать — не знает. Кровь закипает, руки сжимаются, из-под ног путь пропадает. Худой вниз не смотрит, на Дно падает, а там — Горе. Худо натужно живёт, сам дно творит, горем заливает. У Худа слёз нету, вместо слёз оно заполняет Дно соплями, слюнями — суморотью. Худого Смерть поджидает.

Смерть — посмертно *суций*, худых он бьёт-добивает. Худо человека убивает, Зло в Горе роняет, в труп превращает.

Сестра Холма — Гора. Жизни жаждущий не тащится, а летает, с холма на холм перепархивает. Сестра Холма к Горе приводит. Гора человека встречает, каждый шаг его узелком связывает. Если не удержишься, на Дно упадёшь. Каждый шаг — узел, на каждый шаг сила нужна. От узла к узлу Круча поднимается. Гора от Холма человека в Небо поднимает, к Небесному своду. У человека с высотой силы прибывают, если только не обозлится, если худым не станет.

Наверху человека поджидают Дух и Хранитель. Дух — жизни душу придаёт. Хранитель — жизнь охраняет. Много всяких людей, только до Них мало доходит. Кто сам поднялся, сам себя до человека довёл, тот уже не всякий. Тот уже *Сам*. Кто внизу живёт, его не видно, тот скрылся, в людях пропал. Он, конечно,

¹ *Пельм-отыр ойка* (манси) — князь-богатырь, хозяин реки Пельм.

² *Мань Лэннын* (манси) — маленькая белка, бельчонок.

«Я» себя называет, только многие себя так величают, даже овцы про себя «я-а-а» говорят.

Кто себя высоко поднял, тот издалека *торчит*, тот *Тора* хранит.

Малый Пан с Пелым-отыром, пусть и среди людей живут, пусть и на глазах, но высоко сидят. Отовсюду торчат, *Тора* хранят. Одного Ен-Чур видит, другого Торум видит.

Князь Пелыма, Пелым-отыр сидит на Пелым-реке. Пелымский князь ходит по Оби. Пелымский князь ходит по Каме. Пелымский князь ходит по Вычегде. Под ним четыреста копий. Под ним четыреста *матуров*.¹ Рядом с ним четыреста гребцов, четыреста лесных воронов, четыреста прибрежных чаек, четыреста всадников, четыреста лучников, четыреста жизни опор, четыреста товарищей-*юрт*², со сплетёнными в плети чёрными косами.

Вишерский князь Малый Пан сидит на Вишере-реке. Вишерский князь ходит по Емынве. Вишерский князь ходит по Вычегде. Вишерский князь ходит по Каме. Под ним сорок копий Пан-отца. Под ним сорок *багатыров*³ Пан-отца. Рядом с ним сорок гребцов, сорок лесных воронов, сорок прибрежных чаек, сорок всадников, сорок лучников, сорок жизни опор, сорок товарищей-*ёрт*⁴, со стриженными светло-русыми чёлками.

Пану Малому братья-Волки сказали: «Не станешь же чужую кровь в жёны брать!»

Панпи обронил: «Кровь иная, да родная. Наши *орты* друг друга видят».

Сходны были по крови парень с девушкой. Одним дыханием дышали парень с девушкой. Одной жизнью жили, пусть и вдали друг от друга. Во время сказывания, загадывания приметил Панпи Мань Лэннын. Из чума на улицу выскакивая, приметил Маленькая белочка сына Пана. Встретились взглядами. Запутались в глазах друг друга, как в ячейках сетей-тенет. Исчезли в недрах сердец друг у друга.

Вежай проник мудрым умом в мысли молодых. Вежай благословил пылающие сердца добрым словом. Вежай отправился с духовным сыном пару тому искать. Подарков взяли не много и не мало, а в самый раз. Не забыли девушку, не забыли отца-мать, не забыли братьев-сестёр, не забыли широкий род-корень их. Вровень с бортами лодки подарки сложили: медь и олово, золото и серебро, сталь и железо, котлы и побрякушки, оружие и безделушки. *Пелым-ойке* — Серебряную волчью шкуру, *Пелым экве*⁵ — Золотую лисью шкуру. Бегали ещё такие звери в благословенные времена в благословенной Парме.

Взметнулся в чум Пелым-ойки Вежай слепой метелью. Засвистал в чуме Пелым-ойки Вежай яростным вихрем. Ворвался в чум один, а будто сотня *ортов* в чуме зашумела, заорала. Ногами Вежай топает, руками Вежай машет, глазами Вежай

¹ *Матур* (манси) — богатырь.

² *Юрт* (манси) — товарищ.

³ *Багатыр* (коми) — богатырь.

⁴ *Ёрт* (коми) — товарищ.

⁵ *Пелым-эква* (манси) — женщина реки Пелым; здесь — Пелым-ойки.

страшает, диким голосом вопит. Булатным копьём Вежай размахивает, булатное остриё копья Пелым-ойке под сердце упирает:

«Дашь Бельчонка — возьмём! Не дашь Бельчонка — возьмём! Добром отдавай!!!»
Знает Вежай обычаи Коми, знает обычаи Манси.

Пелым-ойка булатное остриё от сердца отодвинул. Пелым-ойка сердитому свату широко улыбнулся: «Если сам не отдам, взять тяжело будет. Если сам не отдам, от моего трупа взять сможешь, из рук моего трупа отобрать сможешь. Чужих трупов мне не надо, и сам трупом стать не спешу. Мои дела на земле не завершены. Мой большой род в охране нуждается. Одну дочь отдам — людей у меня меньше не станет. Отданная дочь прирастёт народом Пана. К моему крылу второе крыло отрастёт. Берите. Только не обижайте. Холодом не остужайте. Голодом не морите. Пусть живёт, как у меня жила».

Вежай завёл Панпи в чум Пелым-ойки под могучие руки. Пелым-ойка усадил Панпи рядом с собой. Пелым-эква сама возле котла мяса с жёлтым жиром возится. Пелым-эква сама рыбу с белым жиром стругает. Пелым-эква Бельчонка работой в чуме не нагружает. Пелым-эква Бельчонка хозяйскими заботами не утруждает. Пелым-эква своими руками дочку рядом с Панпи усадила.

Три дня пробыли у Пелым-отыр ойки Вежай с духовным сыном. В Панкар вернулись большой свадьбой. В Панкар вернулись с родом Манси. В Панкар вернулись с молодой невесткой. Неделю ходили из дома в дом, из рода в род. Кормили домашних богов, кормили богов священных мест, кормили богов Священных домов, кормили богов Коми, кормили богов Манси. Желали молодым жизни в ладу. Желали молодым полное гнездо сыновей-дочерей. Сулили молодым долгого века и доброго счастья.

Стал Малый Пан жить со стержнем, с хребтом. Мань Лэннын стала опорой, матерью детей, хранительницей огня. «Волк оленей добывает, Белка огонь хранит». Бессемейный, конечно, — не порченый, только без продолжения род человеческий обрывается.

Живи, Паном вскормленный, с хребтом-стержнем семейным! Опору домашнюю как собственный хребет береги. Ен — над твоей головой, Жизнь — на плоту любви!

Путь Сотника

Текло время. Менялась жизнь. Ушёл и Пан-отец в иную землю. В землю теней. К богам, к ортам. По дыму Панов побрела его душа-орт. Печально оглянулся напоследок на остающийся род свой. Вздохнул тяжело, повернулся и исчез: ни серебряными колечками ушей не услышать, ни глазами золоторесничными не увидеть. Только, чтобы сном-тенью приходить к своим. Остался Малый Пан за Старшего Пана, вместо отца. Род Пана к нему перешёл.

По Пан-отцу и жизнь началась. В Емындине, в Пыросе Вена-Рочи и в Веси потерявшиеся Коми осели. Вместе поселились. Жили, Землю выворачивая, Лесводу разоряя. Рожь сеяли холмами. Лодки шили из набиваемых досок, не как

Коми. Только короче стали их лодки. Ходили на парных вёслах, без холстов для ловли ветра. Вместо поставленных на святилища рода Пана и сожжённых Панами церквей поднимали новые церкви. Новые боги селились в новых домах.

Стужей колючей веяло с Заката. Пытались стужу колючую смягчить Пан-отец с сыном. Пан-отец с Вена-Рочами и в Веси пропавшими Коми на медвежьей шкуре руку бил. Пан-отец с Вена-Рочами и в Веси пропавшими Коми на медвежьей шкуре священную воду пил. Расстелили на снегу медвежью полсть. Скрестили на медвежьей полсти Большой нож Рочей, Большой нож Панов. На Большие ножи постелили полотенце. Посадили на полотенце ковригу хлеба пшеничного. На ковригу положили *тень* Микел-бога и крест Сус-бога от Вена-Рочи и Вешь-Коми, *тень* Войпеля и *тень* Волка от рода Пана. Сели вокруг священных вещей. Говорили. Сговорились.

Емындинские не заходят с Емынвы на Вишеру, не поднимают своим богам церкви, не разоряют охотничьи края рода Пана. Пан-отец за это собирает от каждого родича с большим луком по одной кунице для Большого князя Вена-Роч. Пан-отец удерживает сородичей от набегов на Вена-Роч и Вешь-Коми, от разора городов и церквей. Из золотой чарки пили бьющую из земли ключевую воду. Обнесли золотой чаркой трижды. После глотка Вена-Рочи били себя по лбу, животу и плечам. Крест целовали. Паны десницей касались к священной груди: «Если слово своё перешагнём, пусть Войпель снегом занесёт, пусть медведь разорвёт, пусть сталь перерубит, пусть волк раздерёт, пусть хлеб в глотке застрянет!»

Вена-Роч сказал, что станут называть Пан-отца Сотником. Пан-отец буркнул в ухо Панпи: «Жгли церкви из мести за наши святилища. Нехорошо после уговора старым попрекать». Панпи улыбнулся отцу: «*Сотником*¹ не за то тебя назвали, что мы церкви жгли. Сотниками, знай, Паны у них называются».

Каждый язык — нить. За какую нить возьмёшься, та ниточка за собой и потянет. За нить Вена-Рочи взялся Панпи. Только Дно ли, Холм ли ждут впереди? Куда эта ниточка приведёт?

Путиами навѣ

От Пан-отца перешёл договор к Панпи. От Пан-отца перешло на Панпи чужое имя Сотник. Чаше стал приходиться Большой Пан на Емынву. Поставил новый город. Назвал новый город *Еросом*.² Чтобы тыном стоял между Емындином и землёй Пана. Ходил Пан от человека к человеку, от людей к людям. Спрашивал. Отвечал. Хранил. Открывал. Печально глядел на то, как убывает его народ, как прибывает народ, пропадавший в Веси. Ширятся городки-деревни Вена-Роч и Вешь-Коми. Удаляются от старых жилищ гнёзда Коми.

Попал Пан в *навѣ*. Увидел Пан ПАНОВЫМ СЫНОМ *навѣянное*:

¹ *Сотны* (коми) — жечь.

² *Ерос* (коми) — изгородь, ограда, перегородка.

«Во времена становления Земли охотился Тун, сын Солнца, у реки Воль. Земля была полна зверем, реки-озёра — рыбой. Месяц-Войпель долгими ночами следил за Туном: что за человек одиноко ходит по лесам, печалится, думает во времена становления Земли? В полночь великая тайна случилась между небом и землёй. Дочь Войпеля, Серебряная-Эзысь, стала женой Туна. Сыновьями-дочерьми они жизнь продолжили: сыновьями по имени Молния, Гром, Огонь, Мороз и тремя златовласыми дочерьми. Ширилось потомство Туна и Эзысь. Между Солнцем и Месяцем жизнь кипела. Сила сыновей, красота дочерей в Худых злобу великую породили. Когда девушки полоскали бельё у реки, подполз Худой с мутным взглядом, набросился коршуном, схватил самую младшую из Золотых и утащил. Солнце за тучи зашло, Земля горем переполнилась. Нахмурился Тун, собрал потомство своё.

Молния ярко сверкнула,
Гром яростно загремел,
Мороз из земли железо добыл,
Огонь железного волка отлил.
Золотую сестру отбили».

Проснулся Пан. Ошарашен Пан. Ошеломлён Пан. К чему бы этот сон?

Заснул Пан. Опять в *навь* попал, от которой нет избавления.

«Сидит вороном на опоре жизни, на Берёзе, Пан. Сверху Ен-Чур его видит. Берёза соком-слезами *Кылдысиль*¹ плачет. Пришёл Вена-Роч с нищенской сумой. На посох с золотой перекладной опирается. В руках его секира появилась. Стал махать, Берёзу рубить. Из ноги Кылдысиль кровь хлещет. Стонет Кылдысиль. С Коми словом к Вена-Рочу обращается. Не понимает её Вена-Роч. Не *знающий* он. Как *тварь*, языка не понимающая. Кылдысиль на подмогу подлетел ворон-Пан. Сорочья-воронья откуда-то налетело черным черно, как мошкары-гнуся. Заклевали ворона. Оттеснили ворона за горы, за реки. Прижали к Камню. На Вершину Камня уселся ворон-Пан. Слабые крылья сорочья-воронья не смогли их поднять до Вершины. Стрекоча-каркая обратно улетело сорочье-воронье. На Священную Берёзу сели гадля. Гадить стали на Священную Берёзу остатками обильной еды, остатками многих трупов. Кровавыми слезами Кылдысиль плачет. Кровавые слёзы с сорочьим-вороньим калом смешиваются, по ногам Кылдысиль стекают. Превратилась Кылдысиль в лесную голубицу. Села на Священную Берёзу. Обращается словом Коми к Вена-Роч, отговаривает от безумства. Не понимает Вена-Роч. Ликует в невежестве своём: «Вот скверна Пана стекает, а вот Святой дух на верхушке берёзы сидит!» Рубит Вена-Роч секирой изо всех сил. Застонала тяжело Священная Берёза. Рухнула. Полетела на Вершину Камня лесная голубица-Кылдысиль. Села с вороном-Паном рядом на Каменную Вершину. Слёзы у лесной голубицы текут вешними ручьями. Кончилась Жизнь на земле Коми. На похабное Дно Священную Берёзу уронили».

Проснулся Пан. Ошеломлён Пан. Удивляется Пан.

От *сна*, от *наваждения* и от *сплетни* избавиться невозможно! Рано ли, поздно ли, догонят эти три вещи.

¹ *Кылдысиль* (древнекоми) — творящая-Рожающая женщина.

Путями тайными

Уговор держал с Вена-Рочами Пан. Договаривался с Вена-Рочами Пан. Имя Сотника брал от Вена-Рочей Пан. Еросдин поднимал между Вена-Рочами и Коми, чтобы друг другу на угоды не заходить. Городок Ерос помогал держать слово, данное перед священными вещами. Надо за слово держаться. Надо данное слово держать.

Расселились новые люди в одну сторону. Расселились новые люди в другую сторону. Из Турью оттеснил Пан Вена-Рочей. Из Вёсю оттеснил Пан Вена-Рочей. Глядь: опять уже везде сидят чужаки. Из Югдина, из Виледи, из Суры, из Пинюги.

Уже новый чужак ловушки Пана проверяет. Надо нового чужака повидать. Надо с новым чужаком поговорить. Отправился на нового человека посмотреть Пан.

Вокруг Емындина народ кружит. В Емындин сотни жалящих стрел посылает. Сжѣг чужак их священное место. Спрятался чужак за высокую стену. За набитую землёй двойную стену. Гудят Коми здесь. Гудят Вена-Рочи и Вёсь-Коми там. Большой шум поднялся. Большая драка начинается. Новый чужак из-за высокой стены своё кричит. Коми из-под высокой стены своё кричат. Человек человека не слышит. Человек человека не понимает. Человек человека прокликает. Человек человека ругает.

Усмирил Пан большим именем своим расшумевшийся народ. Вошёл Пан большим именем своим за высокую стену. Надо нового человека посмотреть. Надо человека с новым словом послушать.

Новый чужак — Сёпан. Велит Пану народ из-под Емындина отвести. Велит Пану народ из-под Емындина усмирить. Скотиной безумной их называет. Слепыми щенками их обзывает.

Не Пан народ собрал. Не Пан народ привёл. Привёл-собрал их Сёпана тесный ум. Сёпана величание над народом. Нельзя от Земли отрываться, жизнь внизу останется!

Про выращивание хлеба Сёпан говорит. Про хлеб говорит. «В добрую землю посеешь — всходы пойдут. В твёрдую землю посеешь — хлеб не вырастет... Если колос выше других колосьев торчит, нужно серпом срезать. Чтобы нижние колосья тенью не накрывали... Хлеб — тело нашего Бога. Церковное вино — кровь Его... Не хлебом только человек насыщается... Отец небесный, хлеб нам дай...»

Долго говорили про хлеб, про жизнь. Не поддаётся новый человек Пану. Кровавую еду не велит есть. Богов не велит кормить. Удивляется Пан. Не слушает новый человек Пана. Своё бубнит-говорит. Своим разговором сыт. Своими словами упивается. Стеснён умом новый человек. Не дитя Тайги вольной.

О жизни между небом и землёй говорили Пан и Сёпан. Опять на хлеб разговор сворачивает. «Птички небесные не пахнут, хлеб не сеют, животы всегда полны... Нищие, голодные, убогие попадут к Богу. Хлебные брюха, красиво одевающиеся, золото собирающие, богатые — нет... На земле всё доброе от Бога. Былинка, колосок, звери-птицы, мошки-мушки...» Удивляется Пан. Не слушает новый человек Пана. Своё бубнит-говорит. Своим разговором сыт. Своими словами упивается. Стеснён умом новый человек. Дитю малому известное рассказывает, а так, будто великую тайну раскрывает.

Спросил Пан, почему чужой человек священные места Коми сжигает. Худыми словами бросается Сёпан, богов Коми хулит. Спросил Пан, чем боги чужие лучше богов Коми. Незнакомыми словами бросается Сёпан, хулит богов Коми, ни во что ставит вековечную жизнь Коми, землю их древнюю.

Понял из разговора Пан много. У Вена-Рочей есть Землю создавший бог. У Вена-Рочей есть сын бога *Сус*.¹ У Вена-Рочей есть жена бога, Жизнь Творящая. У Вена-Рочей есть бог *Сотана*.² Сжигает он виновных *на той стороне*. Много ещё есть богов у Вена-Рочей. Всех даже Сёпан не помнит. Если бы помнил, не записывал бы имена в такие толстые книги.

Не понимает Пан, почему, много богов называя, Сёпан об одном Боге говорит.

Не понимает Пан, чем боги Сёпана лучше.

Не понимает Пан, как, от чужой земли питаясь, можно плевать на чужих богов.

Три дня и ночи говорили Пан и Сёпан. Три дня и ночи сидели нос к носу. Иногда вроде и просветлеет ум Сёпана, только в словах теряется, опять мутнеет. Скажешь одно, отвечает другое. Спросишь прямо, отвечает уклончиво. Завяжешь разговор о здешнем, переводит на дальнее.

Не прийти с ним к слову общему. Не слышит речи Пана. Хоть и разговаривает как в Веси пропавшие, хоть и понимает слова его Пан, только речь *непогато*³ получается. Свысока говорит. Поучая, говорит. Невежливо говорит.

На четвёртое утро понял Пан, разговаривать не с кем. На четвёртое утро понял Пан, разговаривать не о чём. На четвёртое утро увидел Пан, разговора не получилось. Поднялся Пан с травы, бросил: «Не сошлись наши тропинки. Разминулись...»

С Юга-реки Вена-Рочи идут. На остриях копий новых богов несут. На лезвиях ножей добрую весть несут.

Пришёл к народу Пан. Рассказал о трёх днях и ночах, проведённых с Сёпаном. Сказал об идущих с Югина. Открыл свой *сон* народу Коми. И учил народ Коми: «Пришёл из Вена-Рочи Сёпан в чёрных одеяниях тёмный человек. Не трогайте его, убогого. Тронете, тысячи за ним придут. Конец придёт горсти Коми. Конец придёт Тайге. Пересохнут реки-воды. Падут под малорослые колосья леса и боры. Переполнятся глухариные токовища чужими церквями и городками.

Не трогайте убогого. Пусть несчастный и убогий ходит среди вас. Пусть говорит сам с собой. Пусть слушает и не слышит вас. Пусть смотрит и не видит вас.

Не трогайте несчастного, убогого, не дразните. Скройте за одни сутки все свои богатства. Закопайте украшения свои, хранителей своих и богов своих. Чтобы никто ничего не нашёл. Пусть на пустое место приходят новые люди. Пусть никто не ищет в чужом доме то, что оставил в доме своём».

Скрыли Коми за день и ночь все богатства от сёл-городов в стороне. Зарыли за день и ночь всё имущество до лучших дней. Оставили *ортов* хранить тайники. Тенями ходят вокруг тайников *орты*. До сих пор пугают, наводят жуть на путников праздных, таких-сяких, от жизни оторвавшихся, от корней отдалившихся.

¹ *Сус* (коми) — кедр.

² *Сотны* (коми) — жечь; *сотана* — сжигающий, обжигающий.

³ *Непогато* (сев. рус.) — против; возражая; грубо.

Ждут *орты* возвращения Пана. Ждут открытия тайников Панского рода. Не приходит Пан. Не торопится тайники Панский род открывать. Да и где их, самих потомков Пана, найдёшь? Где завершения их путей? Не в сказках ли одних и остались?

Пути неведомые

Десять лет Пан жил тихо. Из года в год переходил. Жизнь не мучил, людей не смущал. Охотился, добывал. С Коми жил. У Манси гостил. Доброй жизни не избегал.

Десять лет Сёпан с детьми возился. Писать-читать их учил. Богу Сусу молиться учил. Крестил под новым Богом. От предков оторвал. От Коми вырвал, к Вена-Рочам притянул. Как щепу от Коми ствола их отколол. Выходящего за порог смутить легче, чем Путника. Путник взятым направлением идёт. Выходящий за порог направление только ищет. Росток как изогнёшь, так и вырастет согнутым. Матёрое дерево уже не согнуть. У матёрого дерева направление выбрано, силы жизненные набраны.

И среди старших искал людей десять лет Сёпан. Десять лет Сёпан искал людей по душе. «Самым убогим достанутся Небеса. Самые слабые сядут одесную Бога». Нашёл самых убогих, оказавшихся за спиной Чересчура, Паном забытых. Жили убогие на склоне, под Холмом. Не вмешивались туда, не вмешивались сюда. По Холму не взбирались, за узел не хватались. Себя только «Я» называли, *самими* стать не спешили. Плыли по течению, как вешний сор, как оторванные кочки, куда прибуёт, там и хорошо. Таких-сяких ведь на земле хватает.

Сёпан десяток таких-сяких нашёл, к своему народу приблизил, в своём Боге крестил, сам им ноги омыл, сам им животы набил. Попрошайку нищенству учить не надо, Сёпан научил у Бога *просить*:

«Отец наш, чей дом высоко, да будет святым твоё Имя, на царство к нам пусть придёт со Славой великой, как в горнем доме, так и на земле. Чтобы чудо случилось, дай нам хлеба теперь. Прости нам долги наши, как и мы прощаем нашим должникам. Укрой нас от обмана Куля».

Такие-сякие себя блаженными почувствовали. Такие-сякие сами себя рядом с Богом усадили. Наперегонки бросились указывать тайные святилища, храмы, клады рода Пана. Много накопилось на святилищах золота-серебра. Перед богами в огромных деревянных чашах груды навалено. Каждый раз, богов угощая, одаривали их, за каждого родившегося им приносили.

Никто доселе святилищ не трогал. Никому дела не было до золота-серебра богов. В очень тяжёлые годы займы брали Паны, после долгих просьб. Голодающих накормить, стеснённых приободрить. В лихие времена оружие и коней купить. Как проходили трудные времена, долги возвращали вдвойне.

Сёпан на золото-серебро не жаден. Себе ничего не оставляет. И людям трогать запрещает. От поганых болванов, дескать, нам ничего не надо. Золотым тельцам мы, дескать, не поклоняемся. Таким-сяким в удивление, что на золото-серебро

Сёпан не падок. Таким-сяким диво, что Сёпан в огонь-золу, в воду-стремнину золото-серебро мечет.

Обнаглели такие-сякие. Опережать стали такие-сякие Сёпана. Прятать стали золото-серебро такие-сякие. Перепрячут в свои тайники, потом уже Сёпана зовут: «Вот, дескать, опять мы новое поганое место нашли». Радуются такие-сякие. Бог-Сус их не оставляет, Сёпан им ноги моет, Золотой телец в их загоне пасётся.

Злится Сёпан. Перестал оставлять на священных местах золото-серебро народ Пана. От сжигания болванов деревянных душа не утоляется.

Радуется Сёпан. Перестал перед погаными болванами золото-серебро класть народ Пана. Гаснет у народа Пана почтение к деревянным болванам.

Это ведь часто так, чтобы уверовать, вначале себя обманываешь.

Только от самообмана одни *пугала* рождаются, *твари* ликуют, *нежить* страшает. Своим богам надо верить, своим силам. Жить надо по душе, по сердцу. Тогда сам будешь жить и других не запутаешь. В чужой дом со своей печью не ходят. В чужое святилище со своими богами не приходят. С мясной, жирной пищи сухую корку просить не выходят.

Путей расхождение

Разозлился Пан за затуманенные детские головы. Разозлился Пан за отлучение детей от родной крови. Разозлился Пан за разграбление святилищ. Разозлился Пан за торговлю священными местами. Разозлился Пан на таких-сяких за торговлю именем предков. Разозлился и на ведущего таких-сяких ко Злу.

Пробовал с Сёпаном по-доброму поговорить. Сёпан говорит:

«Я сквозь огонь и воду прошёл за Бога-Суса. Ты за своих болванов пойдёшь ли?»

«Огонь священный зачем поганить. Время придёт, мой *орт* с его дымом уйдёт. Подводный путь — для *тунов* тоже путь. Только не годится человеку величаться, над священной водой, над священным огнём всуе изгаляться».

«Не смеешь ты в огонь-воду заходить. Боишься».

«Из ума ещё не выжил, чтобы огонь-воду так оскорблять. Пан-дед не велел мне по земле босиком ходить, чтобы на земле не наследить, а ты с огнём-водой меня столкнуть хочешь».

«Боишься. Слабы твои идолы. Не веришь ты им. Не помогают они».

«Как моим предкам боги помогали, так и мне помогут».

Насильно Пана в огонь шлёт Сёпан. Совсем разум потерял. Не слышит Пана Сёпан. Хоть и разговаривает, как в Веси пропавшие, хоть и слова понятны Пану, разговор — не равный. Свысока говорит. С поучением говорит. Без уважения к человеку говорит. Пустое говорит.

Видит Пан, разговаривать не с кем. Видит Пан, разговаривать не о чём. Видит Пан, разговора не получилось. Встал Пан с травы, бросил: «Не попали в одно русло. Разминулись...»

Поднялся Пан к устью Вишеры. Пошёл Пан к амбарчику, где боги хранятся. Вытащил из-под амбарчика пятисаженную нарту. Сорвал Пан с нарты лосиную

шкуру. Вынул Пан из вывернутой соболиной шкуры свёрток в белом полотенце. Развернул Пан белое полотенце и раздел отцовский Большой нож. Булат, вынутый из десницы сдирающего головную кожу Ёгры, из руки с пылающим сердцем Тэк ики. Убывающим месяцем синееющий булат.

С тех пор не часто видел дневной свет Большой нож. Не часто видел Большой нож утренние и вечерние сумерки. Не часто видел Большой нож ночную темноту. Сказано было тогда: «Спи, Большой нож. Не вставай, голос не подавай без нужды. Не проси невинной крови. Умерь аппетит. В нужное время разбудят».

Нож Панов вытаскивали, провожая Панов в *иные края*. Нож Панов вытаскивали, соединяя кровь Коми с кровью Манси. Нож Панов вытаскивали, договариваясь с Вена-Роч. Нож Панов вытаскивал Пан-отец, обучая Панпи. Напоследок сказал: «Пусть твоим будет, сынок, мной оживлённое. Нож Панов и в твоих руках теперь оживает». Снова пришлось его будить.

Пан поставил Нож рядом. До солнечного сплетения достал. Рукоять в ширину ладони. На темляке серебряная орлиная голова. С гарды — небольшая поперечинка, чтобы рука не оскальзывалась, чтобы от ударов берегла. Дугой идёт тело Ножа. Обушок с лезвием отделяют желобки, протянувшиеся по щёчкам. Желоба для стока крови человеческой.

Кликнул Пан рода своего мужчин. Шестьдесят девять человек с ножами-топорами, с копьями-луками явилось. Семидесятый — Пан. Разожгли добрый огонь из девяти сушин добрых. Забили белого жеребца для верхних богов. Забили муругую кобылу земным богам. Забили чёрного мерина нижним богам. Призвали богов, древних ортов. Призвали помощников, хранителей. Пели перед богами, молились. Кормили, помощи просили.

Пан со своим Ножом Панов перед амбарчиком сидел. Пан со своим Ножом Панов перед священным огнём сидел. Дрогнул Большой нож. Ожил Большой нож. Кровавую еду стал просить Большой нож. На Землю разрывающих разозлился Большой нож. На Тайгу разрушающих вскипел Большой нож. Из безымянного пальца кровью напоил народ Пана Нож Панов. Из безымянного пальца кровью накормил народ Пана Нож Панов. Соединилась кровь из семидесяти безымянных пальцев возле священного огня. Соединилась кровь из семидесяти безымянных пальцев возле священного амбара.

Пели перед ортами, перед богами, молились. Кормили, помощи просили. Трёх коней съели. Сыновьям, будущим лучникам, по домам разнести в тридевяти котлах оставили. Пусть каждый, кто нож-топор носит, отведает. Пусть каждый, кто нож-топор носит, присоединится.

На шест подняли белую шкуру жеребца. На жердь развесили муругую шкуру кобылы. В яме расстелили чёрную шкуру мерина. Крикнули девятикратно от пупка. Крикнули девятикратно из широкой груди. Откликнулись в ответ боги сверху. Откликнулись в ответ боги снизу. Откликнулись боги оттуда и отсюда. Эхо носило клич народа Пана, народа Ена и Войпеля тридевять раз. Звучало Эхо три дня и ночи от края Тайги до другого края, с бора на бор, с речки на речку перескакивая.

Бог — над головой, враги — под ногами!

По пути ножа Пана

Семьдесят товарищей отправились по Вычегде, отправились по Емынве. Надо Землю разрывающих приструнить. Тайгу топчущих усмирить. Святилища разоряющих пострадать. Богов выбрасывающих остановить. Семь больших лодок плывёт. Семь лодок-связей плывёт. Семьдесят стрел выпускающих, семьдесят копьём протыкающих.

Ниже по Вычегде, к устью Емынвы много зла накопилось. Ниже по Вычегде, к устью Емынвы много святилищ сгорело. Охает Земля-Мать. Стонет Тайга-бор. Из Еросдинского народа Пана большая часть в Вёсь превратилась. Из Еросдинского народа Пана большая часть к богам Вена-Рочей перекинулась. Вдоль Емынвы богов Коми не осталось. Вдоль Емынвы Коми совсем кончились. Молодые ростки из Емынвы в церкви Суса молятся, в церкви Суса по чёрным книгам поют. Молодые ростки из Емынвы босиком по разрытой Земле бегают.

Огнём палит Пан-айка сёла с новыми церквями. Стрелы летят как снежинки в метель. Стрелы летят как капельки в осенний ливень. Стрелы летят как градинки в летнюю бурю.

Прижмитесь к Земле, в Вёсь обращённые, если не оттолкнёт, не отторгнет поруганная Земля. Бегите в Тайгу, в Вёсь превращённые, если не оттолкнёт, не выгонит разрытая Тайга.

К Емындин-кару подступили. Высокой оградой огорожено. Землёй набитым тыном обнесено. Сёпан за оградой сидит. Сёпан своим богам молится. В городке пятьсот жителей. В городок не проникнуть. Сверху метелью стрелы сыплются. Сверху градом стрелы сыплются. Кружил неделю вокруг Емындина Пан волком, рассекающим стадо оленье. Стоял вторую неделю возле Емындина медведем, рассекающим косяк сёмужий. Растоптали братья-Волки лежащие пашни хлебные. Перегрызли братья-Волки бродящий домашний скот. Пожгли братья-Волки стоящие сёла-дервни.

Подспели на помощь Сёпану умелые воины Вена-Рочей, Большим Князём Вена-Рочей взращённые. Оттеснили Пана от Емындина к верховьям Емынвы. Потеряли Вена-Рочи, Вёсь-Коми сорок человек. Потерял Пан-айка двенадцать братьев-Волков, двенадцать лесных воронов, двенадцать прибрежных чаек. Убывает народ Коми на Земле предков своих. Убывает народ Коми в Доме своём.

Оставил Пан Еросдинкар Сёпану. Оставил Емындинские земли Пан Сёпану. На реку Ву бросился Пан. К Пинюге подался Пан с семьёй, с сородичами. Пусть растут братья-Волки в стороне от новых церквей. Пусть исцелятся братья-Волки в лесу, на воле.

Возле реки Ву, возле Пинеги есть всё, что душа желает. Возле реки Ву, возле Пинеги есть всё, что телу нужно. Пять лет копил, собирал силы Пан. Пять лет учил Волчат крутогорбого лося валить. Пять лет учил Волчат златорогого оленя выслеживать. Научились Волчата. Созрели Волчата. Зубы отрасли Волчата.

Три года назад грызлись между собой Вена-Рочи. Три года назад Емындин с Еренском в дым превращались. Натравил сородичей Пан на многолюдный город,

на Еренск. Напал с сородичами Пан на многолюдный город, на Еренск. Три года спустя после Новгородских Вена-Рочей Пан снова Еренск пожёг. По следам Новгородских Рочей Пан через три года по землям Сёпана сызнова весенним половодьем прокатился. У Матери Русского Бога, у Жены, родившей Суса, городок-церковь пожёг.¹ У Вена-Рочей, у Вель-Коми, у хранителей новых богов крови выпустил, как воды в полноводных ручьях.

Остались за спиной Пана сожжённые земли. Остались за спиной Пана сгоревшие городки.

Негоже оленьему стаду на угодыя волков заходить. У волка, попавшего в оленьё стадо, жор начинается. У волка, попавшего в оленьё стадо, кровь ускоряется.

Поднялся Пан к устью Вишеры. Поднялся Пан к корням родовым.

Со-Путники. Пан и Пелым-ойка пыгрись

Весть послал Пан роду Пелым-отыр ойки. Одной головы недостаточно здесь. Одного ума здесь мало. Одна рука — полруки. Одна нога — полноги. На одной ноге не побежишь. На одном крыле не полетишь.

Пелым-ойка по *иной* земле уже бродил. Пелым-ойка в землях *Куль отыра*² уже рыбу ловил, охотился.

Прибыл *Пелым-ойка пыгрись*³ вместо отца, Пелым-ойки. Прибыл старший брат Мань Лэннын вместо отца, Пелым-ойки. Пан навстречу вышел в собольей одежде. Пан навстречу стелил красным войлоком.

Разожгли добрый огонь из девяти сушин добрых. Забили лебедино-белого жеребца для верхних богов. Забили сорочье-пёструю кобылу земным богам. Забили вороново-чёрного мерина нижним богам. Призвали Коми богов, Манси богов, древних ортов. Призвали помощников-хранителей Коми и Манси. Пели перед Коми богами, Манси богами, молились. Кормили, помощи просили.

Пан со своим Большим ножом, Пелым-ойка пыгрись со своим Большим ножом перед священным амбарчиком сидели. Пан со своим Большим ножом, Пелым-ойка пыгрись со своим Большим ножом у священного огня сидели. Дрогнули Большие ножи. Ожили Большие ножи. Крови стали просить Большие ножи. На Землю разрывающих разозлились Большие ножи. На Тайгу разрушающих вскипели Большие ножи. Кровью из безымянного пальца накормил Большой нож Пан. Кровью из безымянного пальца напоил Большой нож Пелым-ойка пыгрись. Соединилась кровь из двух безымянных пальцев у священного костра. Соединилась кровь из двух безымянных пальцев у священного амбарчика.

Пели перед ортами, молились. Кормили, помощи просили. Трёх лошадей съели. Сыновьям, будущим держателям луков, домой отнести в девяти котлах оставили. Каждый нож-топор носящий пусть попробует. Каждый нож-топор носящий пусть присоединится.

¹ Монастырь Пречистой Богородицы.

² *Куль отыр* (манси) — Куль князь-богатырь; божество Нижней земли, брат небесного Торума.

³ *Пелым-ойка пыгрись* (манси) — Пелымского князя сын.

На шест подняли лебедино-белую шкуру жеребца. На жерди развесили сороцье-пёструю шкуру кобылы. В яме расстелили вороново-чёрную шкуру мерина. Крикнули девятикратно от пупка. Крикнули девятикратно из широкой груди. Откликнулись в ответ боги сверху. Откликнулись в ответ боги снизу. Откликнулись боги оттуда и отсюда. Эхо носило клич Панского народа богов, Пелым-отыройки рода богов тридевять раз. Звучало Эхо три дня и ночи от края Тайги до другого края, с бора на бор, с речки на речку. Звучало Эхо с Емынвы до Оби. Звучало Эхо с Вычегодской Вишеры до Камской Вишеры.

Небесный Бог — над головой! Враги земные — под ногами!

Пан-айка и Пелым-ойка, хоть и среди людей живут, у людей на глазах, высоко сидят. Отовсюду торчат, Тора хранят. Одного Ен-Чур видит, другого Торум видит.

Пелымский князь Пелым-ойка сидит на Пелым-реке. Пелымский князь ходит по Оби. Пелымский князь ходит по Каме. Пелымский князь ходит по Вычегде. Под ним семьсот копий. Под его рукой семьсот *матуров*. Рядом с ним семьсот гребцов, семьсот лесных воронов, семьсот прибрежных чаек, семьсот всадников, семьсот лучников, семьсот юртов, семьсот опор жизни со сплетёнными чёрными волосами.

Вишерский князь Пан сидит на Вишере-реке. Вишерский князь ходит по Емынве. Вишерский князь ходит по Вычегде. Вишерский князь ходит по Каме. Под ним Пан-отца семьдесят копий. Под его рукой семьдесят *багатыров*. Рядом с ним семьдесят гребцов, семьдесят лесных воронов, семьдесят прибрежных чаек, семьдесят всадников, семьдесят лучников, семьдесят *ёртов*, семьдесят опор жизни с жёлтыми волосами, в скобку постриженными.

Семьсот матуров, семьдесят багатыров отправились по Вычегде, поднялись по Емынве. Надо Землю разрывающих приструнить. Тайгу топчущих усмирить. Святилища разоряющих утратить. Богов швыряющих ограничить. Семьдесят семь больших лодок плывёт. Семьдесят семь лодок-связей плывёт. Семьсот семьдесят стрел выпускающих, семьсот семьдесят копьём протыкающих.

Ниже по Вычегде, к устью Емынвы много зла накопилось. Ниже по Вычегде, к устью Емынвы много святилищ сгорело. Охает Земля-Мать. Стонет Тайга-бор. Из Еросдинского народа Пана большая часть в Весь превратилась. Из Еросдинского народа Пана большая часть к богам Вена-Рочей перекинулась. Вдоль Емынвы Коми богов не осталось. Вдоль Емынвы Коми совсем кончились. Молодые ростки из Емынвы в церкви Суса молятся, в церкви Суса по чёрным книгам поют. Молодые ростки из Емынвы босиком по разрытой Земле бегают.

Огнём палят Пан-айка и Пелым-ойка сёла с новыми церквями. Стрел мечут как снежинок в метель. Стрел мечут как дождинок в осенний ливень. Стрел мечут как градинок в летнюю бурю.

Прижмитесь к Земле, в Весь обращённые, если обратно не оттолкнёт, не отторгнет поруганная Земля. Бегите в Тайгу, в Весь превращённые, если обратно не оттолкнёт, не выгонит разорённая Тайга.

К Емындин-кару подступили. Высокой оградой огорожено. Землёй набитым тыном обнесено. Сёпан за оградой сидит. Сёпан своим богам молится. В городке

больше тысячи жителей и гостей. В городок не проникнуть. Сверху метелью стрелы сыплются. Сверху градом камни сыплются. Днём не смогли город взять. Ночью не смогли в город проникнуть. Потеряли четырнадцать человек. Стояли неделю на бору Асыка. Метали саженные стрелы через стены, землёй набитые. Метали салом намазанные горящие стрелы за высокие стены. Город сжечь не удалось. Город гореть не хотел.

Разозлились лесные вороны, прибрежные чайки. Разозлились от Тайги живущие Волки. Перегрызли братья-Волки бродящий домашний скот, хозяевами в спешке брошенный. Пожгли братья-Волки лежащие вокруг Емындина пашни хлебные. Пожгли братья-Волки окрест стоящие сёла-деревни. Неделю летали бурей-ураганом вблизи и вдали. Неделю ждали, когда выйдут из Емындина бесстрашные матуры-багатыры на битву. Ни единый с ножом, с топором не вышел, ни единый в железной рубашке не вышел, ни единый со стальным копьём не вышел. Хорошо сиделось Емындинским в тёплых домах. Хорошо сиделось Емындинским за высоким земляным тыном. Ждали Емындинские от Большого Князя Вена-Роч большой помощи.

Проклял Пан Сёпана: «Что вспахал-посеял, то и пожнёшь-провеешь. Из чьих рук ешь-пьёшь, от тех рук и подыхать придётся. Четыре года тебе даю, чтобы человеком стать. Четыре года тебе даю за вину твою платить. Четыре года тебе даю в четыре конца Земли каяться. Четыре года тебе даю от четырёх концов Земли милости просить. От рук ныне кормящих смерть примешь. На моих руках крови твоей не будет. В четыре года жизнь твоя вместится. В четырёх углах затеряешься. В четыре стены упрёшься».

Донесли Пан-айке и Пелым-ойке: идёт с Югдина как деревьев в лесу Вена-Рочей Емындинским на помощь. Сели Пан-айка и Пелым-ойка в семьдесят семь лодок. Поднялись по Вычегде к Вишере.

Светлый сидит в своей лодке Пелым-ойка пыгрись. Пелым-ойка пыгрись славно повеселился. Сгибы рук размял. Сгибы ног выпрямил. Людей немного потерял. В лодке добра прибавилось. Прибудут скоро в Панкар. Отдохнут. Поедят-попьют. Богов покормят. Потом домой поедет на Пелым-реку. К жене, к сыновьям-дочерям. Опять живём! От Емындина до Пельима Вена-Рочам дорогу не протоптать.

Сумрачен сидит в своей лодке Пан-айка. Много крови пролито без нужды. Теперь уж не получится миром дело решить. Нож Панов отведал вкус крови. Нож Панов кровавую еду просить будет. Не получилось Емындин взять. Не получилось избавиться от Сёпана. Время вниз по течению движется. В бороде тёмного волоска не найдёшь. Как грудь чайки борода стала. Как зимний заяц борода стала. Мрак в жизни наступает. Впереди искры света не видно. Народ не прежний. Коми босыми ногами Землю топчут. Коми богу чужому молятся. Сёпан скоро помрёт. В одежде *орта* Пан его во сне видел. Но вместо него через два года новый придёт. Даже на языке Весь-Коми не будет новый разговаривать, где уж за нить Коми схватиться.

Прибыли на Вишеру. Мань Лэннын мужа с братом встречает. Мань Лэннын красный войлок под ноги им стелет. Мань Лэннын новый красный *саху*¹ надела. Время пригнуло к земле жену Пана, только в движениях она по-прежнему Маленький Бельчонок. Всё ещё быстрая. Всё ещё подвижная. Вокруг Мань Лэннын, вокруг Пана внуки-внучки как бисер перекатываются. Повеселел немного Пан. Погладил бороду цвета грудки чайки. Шлёпнул одного-другого из чирикающей мелюзги. Погладил одному-другому из мелюзги головы сметанные. Распорядился приготовить богам лучшую еду. Для пира на святилище — лучшую одежду.

Сегодня живы, а завтра, может, олень златорогий под окна прискачет!
Корни дерева сухи, ствол твёрд, зато росточки мягкие зеленеют.

Напутствие Пана

Собрал Пан свой добрый род у священного амбарчика. Собрал братьев-Волков у хранимого амбарчика. Собрал братьев-Манси у амбарчика с богами.

Разожгли добрый огонь из девяти сушин добрых. Забили белого жеребца для верхних богов. Забили сорочье-пёструю кобылу земным богам. Забили чёрного мерина нижним богам. Призвали Коми богов, Манси богов, древних ортов. Призвали помощников-хранителей Коми и Манси. Пели перед Коми богами, Манси богами, молились. Кормили, помощи просили.

Пан сказал: «Братья! Сёстры! Хранимые мои! Мы встали перед богами Коми. Мы позвали богов Манси. Мы собрались на священном месте. Здесь мои корни. Здесь мой хребет-стержень. Здесь моё сердце.

Тяжёлые времена настали для братьев-Волков. Тяжёлое время пришло для братьев-Волков. Напирают на нас с Заката. Широко расширяются Вена-Роч и Весь-Коми. Иная жизнь начинается. Новые боги рассаживаются за столы, нами приготовленные. Кому-то, может, подходит это. Мне не по нутру. Не по душе, не по сердцу новая жизнь с новыми богами. Волку нужен простор для жизни. Волку нужна горячая кровавая еда. Волку нужно место, где ноги можно разминать. Волку нужно место, где зубы можно точить.

Придёт время, из рек рыба пропадёт. Придёт время, из лесов звери исчезнут. Придёт время, озёра-реки высохнут. Придёт время, боры-леса упадут. Если останемся здесь, застанем жизни разрушение. Я уже стар по-новому выть. Только волчьим воем выть умею.

Иду за Камень.

Кто силы в себе чует для отпора чужому, пусть останется. Кто силы в себе чует сотни лет напор воды стоячей держать, пусть останется. Кто отгородиться сможет от новых *теней*, пусть останется. Кто не боится соблазнов новых богов, пусть останется. Я уже стар, чтобы от норы росомах отгонять. На них только рычать могу.

Иду за Камень.

¹ *Саху* (манси) — верхняя суконная одежда, халат.

Вокруг Вишеры *тенета* свои оставлю, чтобы оставшихся укрывали, пока сила в них сохранится. Вдоль Вычегды оставлю *теней* своих, пусть охраняют Лес-Воды, пока сил хватит. Между Емынвой и Печерой оставлю *ортов*, пусть хранят тайники мои, пока сам не вернусь. Я уже стар для того, чтобы самому везде стоять. Взглядом только жечь могу.

Иду за Камень.

Возьму с собой Большой нож свой. Вам он не нужен. Из амбарчиков возьму богов своих. Если мне не помогут, вам они не нужны. Возьму с собой добрую жену свою, жизни своей опору. Возьму с собой двенадцать остриёв. Первых защитников-хранителей, последних защитников-хранителей Коми человека. Первую надежду, последнюю надежду Коми человека.

Иду за Камень.

Кто со мной пойдёт, не прогоню. Кто здесь останется, не прокляну. У каждого свой путь, у каждого свой разум.

Иду за Камень.

Коми в *нави* летают. Коми *ортами* ходят. Не проклиняйте, не хулите друг друга. Язык Коми не забывайте. Нить Коми из рук не выпускайте. В Яму не падайте. Ввысь стремитесь. Собирайте. Наберётся Гора. На Горе вырастет Вершина. На Вершине вас Ен-Чур увидит. Он каждую Вершину видит.

Не бойтесь, сыны Пана, не расслабляйтесь, ростки Пана!

Небесный Бог — над головой! Враги земные — под ногами! Живите, не бойтесь!

Я иду за Камень».

Помолились. На шест подняли белую шкуру. На жердь растянули пятнистую шкуру. Закопали чёрную шкуру.

Крикнули девятикратно от пупка. Крикнули девятикратно из широкой груди.

Откликнулись в ответ боги сверху. Откликнулись в ответ боги снизу. Откликнулись боги в ответ оттуда и отсюда.

Звучало Эхо три дня и ночи от края Тайги до другого края, с бора на бор, с речки на речку перескакивая.

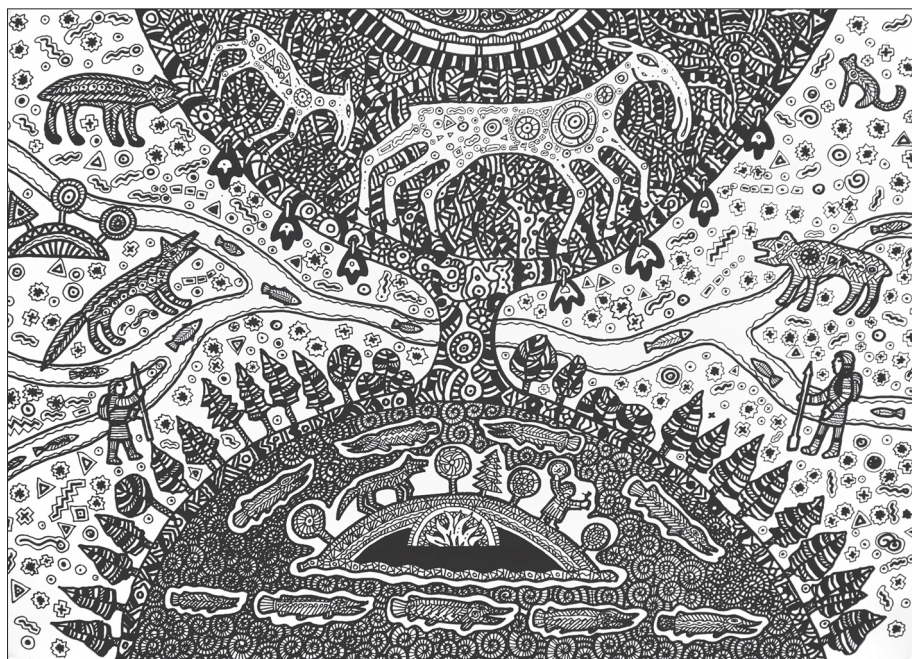
Звучало Эхо с Емынвы до Оби. Звучало Эхо с Вычегодской Вишеры до Камской Вишеры.

Эхо ввысь поднимается. Возвышаться — не значит задираться. Кто возвышается, его только видно издалека. Возвышенный сам высится, Чура хранит. И возвышенного Ен-Чур хранит.

Эхо далеко разносится. Разнестись — не значит разорваться. Разнестись — не значит раздробиться. Разнестись — не значит развалиться. Большой человек *тенета* сплетает и *тенета* хранит, *тенетами* сородичей соединяет.

Под раскаты Эха с глаз людских исчез Пан. Растаял в сумраке тихо. С женой-семейством, с хребтом-опорой, с именем-славой. Коми неслышно ходят. Коми Землю не топчут. Коми траву не сминают. Коми следов не оставляют.

Зырянские штудии

Павел Лимеров

Лимеров Павел Фёдорович, ведущий научный сотрудник сектора фольклора ИЯЛИ КНЦ УрО РАН. Автор более 120 научных работ, в том числе учебного пособия «Коми несказочная проза» (1998); монографий «Мифология загробного мира» (1998), «Образ св. Стефана Пермского в письменной традиции и в фольклоре народа коми» (2008), сборника фольклорных текстов «Му пуксьём – Сотворение мира» (2005).

Мифология в жизни одной хантыйской семьи

В сентябре 1991 года группа этнографов ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН в составе О. В. Котова, И. В. Ильиной, П. Ф. Лимерова и В. Э. Шарапова принимала участие в совместной с археологами Екатеринбурга экспедиции в Нефтеюганский район Тюменской области.¹ Целью экспедиции было описание археологических и этнографических памятников восточных хантов, в частности, хантов, проживающих в бассейне р. Салым. Из Нефтеюганска в обследуемый район экспедиционный отряд перебросили на вертолёте 6 сентября, при этом часть отряда осталась в п. Салым, в то время как другая часть, в состав которой входили я, Ирина Ильина и екатеринбургские коллеги – этнограф А. Сюзюмов, археологи Г. П. Визгалов² и Г. Х. Самигулов³, высадились в п. Пунси. Посёлок оказался небольшим, всего в три небольших бревенчатых избы, окружённые амбарами и другими хозяйственными постройками. После того, как вертолёт улетел, ханты отвели нас в соседнее с их посёлком поселение, выстроенное в советские времена московскими биологами. Здесь было несколько домиков, по типу аналогичных хантыйским, и хозяйственные помещения. Ханты нас ждали, и один из домиков был прибран, на нарах вдоль стены разостланы олени шкуры, а возле дома был устроен очаг, и над костром, закипая, висел закопчённый чайник. От самого вертолёта нас сопровождала хантыйская девочка лет двенадцати, Наташа Ярсомова, она сразу согласилась стать нашим гидом, и на протяжении двух недель не отходила от нас, показывая

¹ Некоторые материалы этой экспедиции были использованы автором данной работы при подготовке статьи: Ильина И. В., Котов О. В., Лимеров П. Ф., Шарапов В. Э. Материалы по традиционному мировоззрению салымских хантов // Российский этнограф. 1993. С. 218–256.

² Георгий Петрович Визгалов – сегодня директор НПО «Северная археология» (г. Нефтеюганск).

³ Гаяз Хамитович Самигулов – сегодня доцент кафедры «Древняя история и этнология Евразии» Южноуральского государственного университета (г. Челябинск).

Семья Аристарха Каюкова: Аристарх, Люба, Наташа, Юля.
Фото П. Ф. Лимерова.

и объясняя нам устройство жизни посёлка. Попив чаю, решили сходить в посёлок хантов, познакомиться с жителями. Наташа привела нас к своему дому и познакомила со своей мамой, Любовью Антоновной Ярсомовой, и отчимом – Аристархом Николаевичем Каюковым, их дом оказался первым по дороге в посёлок. Наташа была дочерью Любы от первого брака и носила фамилию отца, впрочем, и сама Люба носила фамилию бывшего мужа, в то

время как родившаяся уже в Пунси девочка, дочь Аристарха, стала Каюковой. Аристарх Каюков – человек невысокого роста, широкоплечий, с густыми чёрными волосами, одет был просто: брюки, рубашка, поверх которой какая-то куртка. Но женщины одевались иначе, и это сразу бросилось в глаза: на Наташе был надет красный халат *сак*, украшенный орнаментом по подолу, на Любви Антоновне – синий *сак*, ноги женщин были обуты в кожаную обувь типа мокасин, которую ханты на русский манер называли *нырики*, от слова *ниир*. На вопрос о хантыйской одежде, Аристарх ответил, что она, конечно же, у него есть, но ему удобней ходить в «русской». Впрочем, в «русской» одежде ходили все мужчины посёлка, тогда как все женщины одевались традиционно. Подошёл ещё один мужчина, сухощавый, чуть выше Аристарха, представился как Александр Дмитриевич Каюков, его двоюродный брат. Александр, которому шёл тогда 52 год, был самым старшим из жителей посёлка, и считался самым авторитетным среди них – как старший рода Каюковых, живущих на р. Салым.

Как выяснилось позже, отец Александра, Дмитрий Михайлович Каюков (1884–1963), был родом из п. Каюково на р. Большой Юган, но в конце 30-х гг. переселился к озеру Пунси в устье р. Тепыж-ега. С ним были его жена Ирина Ивановна, урождённая Османова, и сын Ефрем (1933–81). Старший сын Николай (1923–60) и дочь Ульяна (1926 г.р.) остались в п. Каюково. Здесь, в Пунси, родились Агафья (1937) и Александр (1940). По традиции, хозяйство отца унаследовал младший сын, Александр, дочери Дмитрия Агафья и Ульяна вышли замуж за Кантеровых и живут на р. Пим. Николай никогда не приезжал в Пунси, всю жизнь прожив в п. Каюково. Ефрем в нач. 60-х гг. женился на Рыскиной Елене Михайловне из п. Рыскины и остался там, построив дом. Через некоторое время он построил дом и в п. Пунси. Семья Ефрема преимущественно жила в п. Пунси, периодически приезжая в п. Рыскины. В 1981 г. Ефрем умер и к концу 80-х гг. было решено окончательно переехать в Рыскины, но Юрий, младший сын Ефрема, поссорился с родственниками и сейчас живёт в Пунси. Также по причине ссоры с родственниками в Пунси в нач. 80-х гг. переехал из п. Каюково сын Николая Дмитриевича – Аристарх (1954 г.р.) с женой Л. А. Ярсомовой.

Современные поселения хантов в Салымском крае расположены на возвышенных местах, своеобразных островках среди болот, называемых здесь по-русски *грива*, а по-хантыйски *йо́ме*, неподалёку от рек – Салыма с притоками, и больших озёр: Куимтор, Култымтор и Пунси. На картах эти поселения обозначаются по имени и фамилии главы семьи, проживающей здесь: Избы Лазаря, или просто по фамилии: Рыскины, Мултановы и т.п. Посёлок Пунси назван так по озеру, возле которого он расположен, здесь проживают представители семьи Каюковых, выходцы с р. Юган. Посёлок выстроен на небольшом островке-*йо́ме* среди бескрайнего болота, ближайший большой населённый пункт – п. Салым находится от него на расстоянии 80 километров, но добраться до него, при полном отсутствии дорог, можно только зимой – на оленях, летом же, при большом везении, можно долететь на вертолёте. Популярность этого вида транспорта среди жителей разрозненных хантыйских посёлков была настолько велика, что дети, особенно мальчики, рисовали не автомобили, подобно своим городским сверстникам, а именно вертолёты. Вертолёт, сделанный из дерева руками отца, считался лучшей игрушкой хантыйских мальчиков, и пара таких вот деревянных вертолётов лежала возле дома Аристарха, видимо, они предназначались для его сына. Электричества в посёлке не было, как нам объяснили, ещё в 1980-е гг. вертолётом в посёлок был доставлен дизель с генератором, но почему-то в нерабочем состоянии. Сами ханты починить его не могли, а дизелист, в связи с начавшейся перестройкой, так и не прилетел, поэтому бесхозный дизель стоял на окраине посёлка безмолвным памятником советской экономики. Оторванность от «большой земли» служила известной консервации традиционного уклада жизни, ханты в Пунси в начале 90-х гг. XX века жили примерно так же, как и столетиями назад их предки: занимались охотой, рыбной ловлей, собирали и заготавливали впрок грибы, ягоды. Из электрических приборов на весь посёлок был только один магнитофон, работавший от батареек, но и тот уже давно молчал. Пушнину, рыбу и дикоросы принимали тогда заготконторы, представители которых прилетали на вертолёте примерно в конце октября. Но случалось, что зимой на большой машине «Урал» в посёлки, подобные Пунси, приезжали нефтяники, спаивали хантов водкой, а затем выносили из лабазов всю добычу: пушнину, медвежьи, лосиные и оленьи шкуры, грузили всё в кузов «Урала» и уезжали.

Посёлок Пунси, как мы сразу его назвали «стойбище», состоит из трёх жилых домов, принадлежавших родственникам. Вокруг домов расположены подсобные постройки: летние кухни, вешала, копильни для рыбы, хлебные печи *нянь кэр*, места для собак *амп пугут*, лабазы *топас*. Избы хантов небольшие, сруб редко достигает 15 венцов, обычно

Выпечка хлеба Варварой Васильевной Каюковой в традиционной хантыйской хлебной печи (*нянь-кер*). Стойбище Лазаря Каюкова (оз. Култымтор), июнь 1992 г. Фото О. В. Котова.

Хантыйская семья возле дома. Фото В. Э. Шарапова.

хранится домашняя утварь, на стене, противоположной входу, в левом углу может висеть икона *икона-торум*. Дом отапливается печью-буржуйкой, хотя в прежние годы в доме устанавливался очаг – *чувал тёвал*, труба которого выходила наружу над крышей дома. Рядом с домом находится летняя кухня и хлебная печь. Летняя кухня представляет собой навес под двускатной крышей над очагом – глинобитной печью с вставленным в неё котлом *калташихой*, в котором готовится пища для семьи и для собак. Рядом с кухней стоят составленные пирамидой сухие брёвна – это дрова для печи. Рядом с кухней располагаются столы для приёма пищи. Хлебная печь *нянь вартэ кэр* находится чуть поодаль от летней кухни, это глинобитное цилиндрической формы сооружение на невысоком срубе. меховая одежда, шкуры, мука, зерно, запасы убитой дичи и другое имущество хранится в лабазах *топас*, которые строятся несколько в стороне от дома. В стороне от жилых и хозяйственных построек обустроено место для собак *амп пугут* (букв. собачий посёлок). Это вкопанные по периметру кольца, к которым привязаны собаки. В центре круга – очаг для дымокура. Вот типичный хантыйский посёлок в Нефтеюганском районе Тюменской области, какие в конце XX века ещё были жилыми.

Первый наш разговор с Аристархом Каюковым начался с темы родства, как-то случайно затронутой его приёмной дочерью, Наташей Ярсомовой, упомянувшей, что её фамилия – Ярсомова, относится к роду глухаря *лук сироп*,

ставится сруб в 9–11 венцов, на который укрепляется двускатная крыша. Сеней, как правило, нет, перед входом небольшой порог, в южной части сруба вырезаются 2–3 окна, размером 70х90 см. Пол обычно земляной, выстилается соломой, вдоль противоположной входу стены располагаются нары, поверх которых укладываются постели: матрасы, набитые травой, оленьи шкуры. Вдоль стен над нарами вешаются полки, на которых

Семья Аристарха Каюкова: справа Аристарх, Наташа, Любовь; крайняя слева И. Ильина. Фото П. Ф. Лимерова.

в то время как все Каюковы входят в род медведя *пуни сирон*. Заинтересовавшись, я попросил Аристарха рассказать поподробнее о своём роде медведя и о родовых отношениях хантов. Как оказалось, родоначальником *пуни сир* является не просто медведь, а *бог-тунх* реки Большой Юган – *Ягун Ики*, имевший облик медведя, пояс которого и завязки на ныриках, традиционной кожаной обуви хантов (типа мокасин) – змеи. Его род, *пуни сир*, самый большой на Югане. Основные фамилии *пуни сир* это Каюковы, Мултановы и Рыскины, менее значимые – Кельмины, Куплондеевы, Курломкины.

Принадлежность к *Пуни сир* накладывала определённый отпечаток на институт брачных отношений юганских хантов. Запрещалось брать жену или выходить замуж за представителя фамилии, относящейся к медвежьему роду, нарушителя

Хантыйские женщины. Фото В. Э. Шарипова.

должен был наказать *Ягун Ики*, как сказал Аристарх: «Медведь накажет». Брачные отношения хантов в прежние годы строились как отношения между тремя видами родов *сир*: птицы, зверя и рыбы. По рекам Пиму, Тромъегану, Агану и Югану жили в основном представители родов Бобра (*мэх сирон*), Лося (*нõх сирон*) и Медведя (*пуни сирон*), но были и роды Соболя и Глухаря (*лук сирон*). Роды рыбы в основном дислоцировались по Оби, прабабушка Аристарха, родом с

верхней Оби, принадлежала к *сы сирон* – роду налима, но сам он не помнил частых контактов с этими родами. *Пуни сирон ях* – люди рода медведя могли брать жён из родов зверя и рыбы, но не брали из родов птиц, в свою очередь род птицы мог взять жену среди представителей рода медведя. Идеальным с этой точки зрения выглядел брак Любови Антоновны Кельминой из *пуни сир* и Александра Васильевича Ярсомова – *лук сирон* (род глухаря). Родители Александра женились также в соответствии с нормами экзогамии: Василий Ярсомов – глухарь и Прасковья Усанова – медведь, в то же время родители Любови Кельминой женились уже с нарушением: Антон Кельмин – медведь и Ульяна Купландеева – медведь. После смерти мужа, Александра Ярсомова, Любовь Антоновна вышла замуж за Аристарха Николаевича Каюкова, одного с ней *пуни сир*. Впрочем, нет худа без добра: женщинам-чужеродкам предписывалось закрывать платком лицо от мужчин (кроме мужа), чтобы не нанести им вреда, но это не касалось Любови Антоновны, поскольку род медведя был ей своим. Поэтому она, в отличие от других женщин посёлка, ходила с открытым лицом.

От Аристарха мы впервые узнали и об отношениях между людьми и миром *тунхов*, богов, незримо управлявших мирозданием, в котором жили ханты. Для того, чтобы получить отклик *тунхов*, ханты совершали два вида жертвоприношений: *йир* – кровавое и *порэ* – бескровное. Кровавое жертвоприношение совершалось в специальных для этого местах – *йир карэ*, где в качестве жертвы убивали оленя, а в особых случаях коня. При этом на священное дерево вывешивают приклад – отрез ткани определённого цвета: *тунхи* принадлежат

Охотничий амбарчик. Фото П. Ф. Лимерова.

разным уровням мироздания и каждому из них соответствует свой цвет. *Порэ* – это своего рода застолье, на которое приглашаются *тунхи* и духи. Аристарх сказал, что он совершает *порэ* почти сразу после того, как выйдет в лес – садится где-нибудь, достаёт еду и зовёт: «Ягун Ики¹, приходи со своими духами-медведями». Кроме того, в лесу много и других духов, которых ханты называют *йипых*, их также следует покормить, чтобы

не навредили. От некоторых *тунхов* ханты ожидают особого к ним отношения, речь идёт о тунхах-покровителях, которых выбирают каждому человеку сразу после его рождения. Тунхом-покровителем могут быть Ягун Ики, Кон Ики, Казым Ими и др. Если ребёнок не мог долго родиться, его определяли к какому-либо тунху, чтобы тот помог при родах. В день рождения, который обязательно отмечают, тунху-покровителю непременно делают *порэ*, к его дереву кидают медные монеты и вешают приклад. Прежде покровителя выбирал шаман, непосредственно обращавшийся к Кон Ики, небесному царю,² однако в начале 1990-х этот обычай уже почти не соблюдался. После рождения ребёнка ему дарят оленёнка, которого посвящают тунху-покровителю, чтобы тот хранил ребёнка. По истечении 10 лет оленя забивают, совершают *йир* этому тунху. У каждого человека есть и своё дерево *йыыри юх* в священном месте. Обычно его также выбирают родители, но может выбрать и сам человек, в этом случае он ходит между деревьями, прислушиваясь, пока одно из деревьев ему не «откликнется». Священные места следует обходить по солнцу, но если человек желает зла людям, которым принадлежит это священное место, то обходит его против солнца. Если хант окажется на священном месте другого рода, которым владеют другие тунхи, то он, чтобы пройти, бросает мелкие деньги в качестве откупа.

Помимо «русского» имени каждый хант имеет и своё, хантыйское, имя. Так, Аристарх по-хантыйски назывался именем *Листарка*, в котором всё же угадывалось искажённое на хантыйский лад первое имя, Александр Дмитриевич носил имя *Ай пах* – младший сын, а Наташа Ярсомова – *Итькылли* – лялька. Видимо, наличие двух имён было напрямую связано с двумя обрядами – обрезания пуповины и христианского крещения, которые проводились сразу после рождения ребёнка. Стать *пуклянки* – обрезавшей пуповину, могла только женщина из другого рода, точно такой же посторонней ребёнку должна была быть и крёстная – *пирнянки* (ср. коми ижемское *пернянь*). На второй день после рождения ребёнка совершают *пуклын порэ* – бескровное жертвоприношение по случаю отрезания пуповины, во

¹ Термин *ики*, который ханты употребляют, обозначая своих тунхов, переводится как «мужчина», «муж». Юганского тунха *Ягун Ики* Аристарх назвал *Пухут Ики* – Деревенский Мужик (пухут – посёлок, деревня). Тем не менее, значение этого термина всё-таки более сакрально, он применяется только по отношению к божествам.

² Кон – царь, ср. коми: кан – царь, возм. от тюрк. хан.

Куженьки. Фото П. Ф. Лимерова.

время которого ребёнку дают имя и определяют тунха-покровителя, как сказал Аристарх – ангела-хранителя. Пока растёт ребёнок, *пуклянки* и *пирнянки* помогают семье ребёнка, делают ему подарки, когда же ребёнок вырастает, то он уже сам начинает помогать им.

В конце разговора я спросил у Аристарха, что ему известно о коми. Оказалось, что такого слова он и не слышал никогда. Тогда я спросил о *зырянах*. Аристарх замаялся, было видно, что он что-то знает, но не хочет говорить, боясь нас обидеть. Я настаивал, и Аристарх сказал, что по-хантыйски зыряне – *сыран ях*, сам он их не видел, но слышал, что это маленькие чёрные люди с чёрными оленями.

На следующий день, 7 сентября, мы, в основном, познакомились с посёлком хантов, их бытом, одеждой, фотографировали дома, лабазы – *топас*, хлебную печь – *нянь кэр* и *чувалы* – печи для обогрева жилища, различные предметы быта. Всё было интересно, поскольку сильно отличалось от традиционной культуры коми, известной нам. Некоторые обычаи были сходны с коми, описанными в этнографической литературе, но имели неожиданные нюансы. Как и у коми, у хантов запрещалось выбрасывать волосы и ногти, но ханты мужчины сжигали свои остриженные волосы в огне очага – *чувале*, тогда как жене-чужеродке сжигать волосы в родовом очаге мужчины запрещалось. Женщины хранили свои волосы в крышке берестяной шкатулки для рукоделий, в специальном треугольном вырезе во внутренней стороне крышки, а когда волос становилось много, уносили волосы за пределы посёлка и сжигали их на костре. Ногти, состриженные с ноги, ханты кладут в обувь, ногти, состриженные с руки утром, – кладут за пазуху, а состриженные днём – выбрасывают. Вечером стричь ногти нельзя, как сказал Аристарх – медведь не разрешает. Наташа добавила, что вечером также и нельзя баловаться – медведь не разрешает. Кроме того, детям нельзя выходить после захода солнца на улицу – в это время в лесу появляются духи *йипых*, которые могут унести разум *йитс-куутс* (душа, соответствующая разуму) ребёнка. Разговор зашёл о духах воды, называемых *вэс*. К моему удивлению, оказалось, что *вэс* ассоциируется у хантов с мамонтом, рогатым водяным зверем-духом. Аристарх сказал, что если щука живёт очень долго, то у неё могут вырасти рога, и она становится *вэс*. Лоси, медведи после долгой жизни уходят в воду и превращаются в *вэс*: «Однажды два ханта преследовали лося. Был он так велик, что когда бежал по лесу, то деревья валил грудью, а позади него оставалась просека. Охотники всё же убили его, он был так стар, что из ноздрей уже росла берёза, а

мясо было таким жёстким, что есть его было невозможно. Вот такой лось, если бы его не убили, стал бы вэс». Другой случай: «Собака отвязалась, подошла к реке, скулит, ест землю на берегу. То подойдёт к воде, то снова отбежит. Хозяин увидел это и пристрелил, а то ушла бы в воду и стала вэс». Примечательно, что детская игрушка, изготовленная из клюва водоплавающей птицы с продетой сквозь ноздри косточкой, называется детьми и *вэтти* – олень, и *вэс* (Наташа Ярсомова).

После обеда ко мне подошёл вернувшийся из «стойбища» хантов Алексей Сюзюмов и сказал, что ханты собираются на охоту на медведя и могут взять нас с собой. Я согласился, впрочем, не сразу поверив, очень уж экзотичным показалось это предложение. Алексей, заручившись моей поддержкой, тут же ушёл в «стойбище» и вскоре вернулся, неся с собой два ружья, выданных нам хантами. Вечером, когда мы сидели возле костра и пили чай, подошли Александр с

Аристархом и подсели к костру. Я спросил о предстоящей охоте, не очень-то и веря в завтрашний поход. Однако дело оказалось вполне серьёзным. Медведь близко подходил к посёлку, и ханты, чтобы обезопасить женщин, решили его убить. Аристарх поставил на него петлю, и предполагалось, что медведь в неё попадёт. Мы не имели понятия, что медведя можно поймать в петлю, но это оказалось именно

Г. Визгалов и Н. Ярсомова.

так: для этого использовался тонкий металлический трос, который натирали салом и в виде петли подвешивали на дерево на уровне головы медведя. От медвежьей тропы тоже салом натирали след к петле. Мне не очень верилось, что медведь «купится» на такую уловку, но, подумал, что хантам виднее. Мы пили чай из большого чайника, висевшего над костром, кроме этого чайника над огнём висел чугунный котёл, в котором грелась вода для разных хозяйственных нужд. В какой-то момент крышка, плотно закрывавшая котёл, вдруг слетела с него, и закипевшая вода вылилась в огонь. Тут же закипела вода в чайнике, и он сорвался с крючка, на котором висел. Котёл и чайник убрали от огня, но Александр Каюков прокомментировал: «Видимо, медведь в петлю попал, бьётся». На мой вопрос, почему он так подумал, Александр ответил: «Огонь говорит». Огонь – Най, женщина, «дама», как попытался объяснить Аристарх женскую и вместе с тем божественную сущность огня. Поэтому огню известно всё, нужно только уметь понимать его (вернее – её) знаки. К примеру, если огонь в очаге сухо потрескивает, то это сообщение о том, что скоро приедут гости. Это, конечно, мелочи, но есть люди, которые могут понимать сообщения огня во сне, – Аристарх кивнул на Александра.

Утром, 8 сентября, мы с Алексеем Сюзюмовым оделись потеплее, натянули бродни – сапоги с высокими голенищами – идти предстояло по болоту, повесили на плечи ружья, кроме того, я взял два фотоаппарата и стали ждать хантов. Вскоре пришли Александр, Аристарх и Юра, их племянник, учившийся в 10 классе

в Сургуте, но прогуливавший уроки, видимо, из-за нас. Александр сказал: «Сон мне приснился. Сестра наша, совсем молодая, застрелилась и упала на левый бок». В горячке сборов я не обратил внимания на странный сон Александра. Ханты вырубili нам по длинному шесту, чтобы идти по болоту, и дали по *хынтику*, заплечному кузову из бересты. Нашу процессию повёл Аристарх, за ним шёл

Юра, а следом и мы с Алексеем. Александр на охоту не пошёл, остался дома, сославшись на какие-то дела. Шли по болоту, след в след, опираясь на длинные шесты, сделанные нам хантами. Идти было нелегко: вода хлопала под ногами, а ноги постоянно увязали в мох, поэтому, пройдя километра полтора, ханты решили дать нам отдохнуть. Мы с облегчением опустились на мох, выбрав место посуше, а Аристарх спросил меня: «Понял, о чём сказал Александр?» Я честно признался, что не понял, и Аристарх стал комментировать сон: «Сестрёнка – это медведица, мы с ней из одного *сир*, родственники. Нам нельзя говорить, что мы можем её застрелить, Ягун Ики обидится, поэтому Александр сказал, что она сама застрелилась. На левый бок упадёт, можешь потом специально проверить». Потом добавил, что обычно говорят, будто медведя убило «зырянское ружьё», чтобы отвести от себя угрозу медвежьей мести. Я спросил, почему именно Александр видит такие сны, и Аристарх ответил, что он у них считается шаманом. Может, не очень сильный, но шаман, знает много. Прежде были сильные шаманы, у *йыс ях*, предков, сейчас таких шаманов нет. «Поминаете предков?» – спросил я. «Конечно, каждый раз, когда садимся есть, – Аристарх помолчал и добавил: Есть ещё *ары ях*, тоже предки, но их мы не поминаем». «А чем *ары ях* отличаются от *йыс ях*?» – «*Ары ях* жили очень давно, это песенные люди, о них поют песни». Я понял, что *ары ях* – это самые первые герои, богатыри, родившиеся от хантыйских богов, и попросил рассказать о ком-нибудь из них. Аристарх рассказал о сыне верховного бога Санке, которого звали Тоонъя. Вместе со своим братом Тоонъя воевал с русскими, не пуская их на Юган. Не раз он с ними сражался, и всегда выходил победителем. Однажды возле речки Урия он сделал засаду на русских и стрелял из лука, убивая одной стрелой троих солдат, вооружённых пищалями. Всех перебил, отрезал головы русским и перегородил головами Урию. Получился мост из голов, но осталось место для одной головы, а русских больше не было. Тогда Тоонъя убил свою собаку, отрезал ей голову и положил её вместо человеческой. Санке разгневался, потому что собака – священное животное, и проклял Тоонъя. С тех пор Тоонъя стал уязвимым, вернее, уязвимой стала его пятка. Когда узнали об этом русские, то подстерегли его и убили, выстрелив в пятку.

Дальше шли уже без передышек, всего пройдя километров семь, и медведя увидели издалека, он действительно бился в петле, пытаясь от неё освободиться.

Ханты и Алексей подняли ружья и выстрелили. Медведь упал сразу, после первого залпа, мы подошли к убитому зверю, и Аристарх с Юрой поклонились ему семь раз. После этого Аристарх произнёс: «Здравствуй, младший братишка-сестрёнка!» – и они обошли медведя по ходу солнца. Говорил он по-хантыйски, а потом переводил на русский, специально для нас с Алексеем. Поклонились и мы с Алексеем – как-то вдруг поняли, что это нужно сделать. Я спросил Аристарха, почему он сказал «братишка-сестрёнка», и он ответил, что к убитому медведю так обращаются, пока не определят его пол. Он осмотрел зверя и сказал, что это медведица, молодая, может, двухгодовалая, и обратил моё внимание на то, как она лежит: медведица лежала на левом боку. «Видишь?» – спросил Аристарх, – мне нечего было сказать.

Юра принёс четыре веточки кедра, и Аристарх положил их на грудь медведицы. «Это застёжки её *сака*», – объяснил он мне и сказал, обращаясь к зверю: «Если тебе жарко, мы тебе расстегнём завязки на халате», – и он ловко разрезал шкуру медведицы от левой стороны рта до паха – вместе с кедровыми веточками. Позже он сказал, что четыре веточки это четыре души медведицы, у медведя – пять душ, так что праздник для медведицы длится четыре дня, а для медведя – пять. Впрочем, у людей так же – у мужчины пять душ, а у женщины – четыре. Аристарх быстро снял шкуру медведицы, без шкуры тело медведицы действительно было похоже на женское.

Свежевал медведицу Аристарх, Юра помогал ему, как мог, мы с Алексеем только наблюдали, и ещё я старался зафиксировать весь процесс на фотокамеру. Сняв шкуру, Аристарх стал расчленять туловище: сначала отрезал левые лапы, поочередно – сначала нижние, потом верхние; вспорол брюшину и вытащил внутренности: кишки, желудок, почки, вырезал печень, стараясь не повредить желчный пузырь. Отделив его, он перевязал отверстие, чтобы не пролить желчь, которую, как он объяснил, используют в качестве лекарственного средства. Высушенный медвежий желчный пузырь, как он объяснил, тогда стоил 300 рублей. Затем он расчленил грудную полость, и, вынув сердце, разрезал его на четыре части – чтобы вылить кровь. Постепенно отсекая грудную клетку, отделил голову: голова осталась вместе со шкурой и лапами, в таком виде её и принесли в посёлок. Мясо медведицы сложили в берестяные кузовки-хынтики, часть туши, которую мы не смогли взять, спрятали, а место разделки туши забросали сосновыми ветками: «чтобы злые духи его не осквернили».

Обратно шли не торопясь, да и медвежье мясо в хынтиках за плечами не позволяло идти слишком быстро. Тропа шла вдоль озера Пунси, и Аристарх сказал, что по озеру можно было бы доплыть почти до самого посёлка, его *облас* – долблённая из осины лодка была спрятана в кустах неподалёку, но всем, конечно, в ней не поместиться. Ханты используют, в основном, два типа лодок: лёгкая осиновая лодка называется *облас*, *обласок*, по-хантыйски *ай рыт*, а сделанная из досок – *сыран рыт* «зырянская лодка». На мой вопрос, почему зырянская, Аристарх ответил, что лодку сильно смолят, так что она вся чёрная от смолы, а *сыран ях* «зыряне» – чёрные люди, поэтому чёрная лодка называется *сыран рыт*. Разговор зашёл об охоте, и Аристарх стал рассуждать о том, почему ханты лучшие охотники, чем русские – *руть ях*. По его мнению, ханты – «дальнозоркие», потому что у них узкие глаза, *руть ях* же – «близорукие», потому что в их широкие глаза попадает слишком много света. Это мешает хорошо видеть, ведь когда прицеливаешься

или вглядываешься вдаль – прищуриваешься, чтобы лишний свет не слепил глаза.

К посёлку подошли во второй половине дня. Где-то за километр до посёлка ханты стали стрелять в воздух из своих ружей, стреляли и мы. Аристарх пояснил, что стрелять надо, чтобы так возвестить людям в посёлке о приходе дорогого *гостя* – родственника-медведя. На мой вопрос, а в каких случаях ещё стреляют, Аристарх ответил, что на Югане ханты, отправляясь на рыбную ловлю, трижды поворачивают *облас* по солнцу и трижды стреляют из ружей, также стреляют, когда проходят или проплывают мимо святылиц. Раньше ружей не было, пускали стрелы.

Ханты и участники нашей экспедиции встречали нас на окраине посёлка. Кто-то из хантов принёс два *сагуна* – сделанных из бересты подноса. В один *сагун* сложили принесённую нами медвежатину, а в другой сложили голову со шкурой, положив голову на лапы – в известную по этнографической литературе и в работах по пермскому звериному стилю «позу жертвенного медведя». Затем все ханты поочерёдно подходили к медвежьей голове, целовали её в лоб и обходили по ходу солнца. То же самое предложили проделать и всем нам, мы как бы тоже считались жителями посёлка, и тоже должны были принять *гостя*. В тот же день, ближе к вечеру, было решено провести праздник, однако, праздник неполный, а просто застолье в честь медведя, с чтением молитв. Как мне объяснил Александр Дмитриевич, на полный медвежий праздник созывают всех родственников *пуни сир* с ближних и дальних поселений, но тогда пришлось бы ждать их приезда несколько дней, а мясо могло испортиться.

Когда медведя приносят в поселение, то в дом его заносят не через двери, а через окно. Делают домик из дранки, и в него кладут медвежью голову, предварительно надев на неё женские украшения: бусы, бисер и т.п. После этого в дом заходит кто-нибудь из охотников и спрашивает: «Зачем собрались столько человек?» Ему отвечают: «У нас самый святой зверь!» «А какой у нас зверь?» – «Он любит песни!» Тот, кто зашёл, начинает петь. Песни исполняются на струнном инструменте, который называется *наркас юх* – хантыйский вариант гуслей. Обычно праздник отмечается в течение 4–5 дней и ночей, в зависимости от пола медведя, при этом непрерывно исполняется 300–400, а то и более песен. В последний день праздника в дом заходит человек, изображающий журавля, и поёт, что медведь не должен обижаться на то, что дни его закончились, снимает бусы сначала с правой лапы, потом с головы, затем с левой лапы. После этого журавль разбирает домик: сначала правую, потом левую сторону. После журавля к медвежьей голове проходит персонаж, изображающий ворона. Он старается пробить клювом голову, а ханты её защищают, бьют ворона, прогоняют его. Затем входит *пухти йипых* – филин и одновременно злой дух. Этот персонаж надевает наизнанку меховую куртку, набивает чем-нибудь живот, между ног подвешивает палку. Персонаж, изображающий охотника, стреляет в живот *йипыха* стрелой, потом они борются, и охотник побеждает. Семь самых сильных человек надевают маски уток *лекольт* (уткашироконоска) и, входя к медведю, начинают всех задирать. Этих персонажей также надо обязательно победить. *Лекольт*, как и *йипых*, у хантов считается и злым духом, так что утку этой породы употреблять в пищу запрещено. Надо добавить также, что женщинам нельзя принимать участие в карнавале, однако

мужчины, принимающие участие в медвежьем празднике, входят поклониться медвежьей голове, переодеваясь в женскую одежду. Считается, что медведи не трогают женщин. Как потом прокомментировала Варвара Каюкова из соседнего посёлка Пунси-2: «Мужики сами медведя боятся, вот они и переодеваются женщинами, чтобы медведь подумал, будто его бабы убили».

К 18.00 стол для медведя был приготовлен, и нас позвали к нему. Варёная голова зверя лежала во главе стола. Конечно, не было маскарада, не исполнялись священные песни, однако, обстановка в целом была очень серьёзной. Александр прочёл длинную молитву, обращаясь к голове, затем все сели за стол, женщины сели за отдельный стол. Исключение сделали только для И. Ильиной, ей позволили сидеть вместе с мужчинами. Мясо медведя варят несолёным, нельзя его и подсаливать, поскольку считается, что соль может оскорбить медведя. Мы ели медвежатину, макая её в растопленный медвежий жир, разлитый в отдельные миски. По отношению к медвежьему мясу у хантов *пуни сир* существует ряд этикетных установок. Так, варёное мясо нельзя резать на мелкие куски ножом, но его также и запрещается рвать зубами, в противном случае выпадут зубы. Мясо берут куском и отрезают ножом только возле самого рта. Такой способ поедания мяса требует определённой сноровки, поэтому мы старались обойтись без ножа. Голову, сердце, лёгкие, печень едят мужчины, женщины едят левую лапу. Нельзя давать медвежье мясо собаке – медведь ей отомстит. Запрещается пить медвежью кровь, хотя лосиную и оленью в праздничные дни выставляют в отдельной посуде, как деликатес. Различные части тела медведя табуированы, в разговоре о медведе употребляются именно эти эвфемизмы, а не общеупотребительные слова. Самого медведя называют *мемэли*, *нинели-монгерли* – ходящий в развалку сестрёнка-братишка. Задние лапы – *конт эт* «ножки лабаза»; рот – *соип* «невод»; когти – *суут* «топор, которым выделывают облас»; голова – *кыплок* «котёл»; глаза – *косыпт* «звёзды»; язык – *потип* «что-то на краю»; нос – *пиннык* «сторожевая нитка на самостреле»; сердце – *певх* «сосновая шишка»; почки – *поор* «кедровые шишки»; печень – *потшэк* «предмет, который не скользит»; лёгкое – *канэх* «зыбкое место, болото»; кишки – *сорт мокэт* «щурята»; уши – *мумлеп* «плавные раскачивающиеся движения».

Медведь в представлениях хантов амбивалентен, он равно относится и к мифологическому «верху» и к «низу». С одной стороны, медведь спущен с неба, то есть он небесный, зверь Санке; с другой стороны, в подчинении медведя находятся черви и змеи, которых он рассылает творить болезни, и это сближает его с хтоническим миром, змея на салымском диалекте называется *ай пуне* – маленький медведь. Согласно мифу, хантыйскую землю сначала заселили *менквы*, потом люди, потом Бог начал спускать медведя. Медведь увидел внизу людей и подумал: «О, люди на земле, я их съем!» Бог услышал это и задержал медведя на полпути. Висит медведь между небом и землёй, начал гнить. Из него полезли черви и змеи, упали на землю и превратились в медведей. По словам Александра Каюкова, их родовой тунх, как они его называют – *вотчинник*, Ягун Ики – сын верховного бога Санке, имеет облик медведя, его пояс и завязки на обуви (ныриках) – змеи. Животные Ягун Ики – медведь, змея, червь, сам Ягун Ики может принимать и облик совы. Зубная боль – червь Ягун Ики точит зуб. Если болит зуб, нужно совершить *порэ* – бескровное жертвоприношение Ягун Ики. По словам одного из

Александр Каюков делает духа-помощника.
Фото П. Ф. Лимерова.

наших последующих информантов Е. Р. Кельмина (*пупи сир*), на их родовом святилище на р. Угутке стояло дерево, где на счищенном от коры месте была изображена змея. Принадлежность к *пупи сир* определяет отношение человека к этим видам животных. Считается, что за нарушение запретов может наказать медведь или змея. Женщине, вышедшей замуж в *пупи сир*, отныне запрещалось убивать змей. Змеи и медведи не любят красный цвет, поэтому женщины *пупи сир*, отправляясь в лес, меняют *сак* красного цвета на *сак* любой другой расцветки.

За трапезой ханты вели соответствующие обстановке разговоры. Александр рассказывал, что кроме Ягун Ики у Санке был и другой сын, которого звали Кон Ики, тунх-царь. Оба брата были одинаково сильными и поэтому постоянно друг с другом враждовали: никто из них не хотел уступить другому. Тогда Санке убавил силы Ягун Ики. Когда Кон Ики летит по воздуху на своём белом коне, то грохочет гром, и ханты ему молятся. Но Ягун Ики тоже сильный *тунх* и тоже может летать. Он летает в виде падающего метеора, и ханты кланяются, видя его полёт. Когда грохочет гроза, ханты говорят, что это Кон Ики летит в гости к своему брату на Юган. До сравнительно недавнего времени почти любой летящий объект связывали с полётом Кон Ики. Аристарх рассказал курьёзный случай, который произошёл в п. Каюково в середине 1960-х гг. Старуха-ханты, впервые увидев низко летящий самолёт Ан-2, бежала по посёлку Каюково, крича: «Кон Ики! Я своими двумя глазами видела Кон Ики! Он летит к нам по небу, раскинув руки!» По окончании трапезы ханты велели нам вытащить по клыку из медвежьей пасти: пусть клык будет для нас памятью. Я спросил, носят ли они сами медвежьи клыки, но Аристарх сказал, что мужчины-ханты из *пупи сир* клыки не носят, это считается хвастовством, и обижает медведя. Охраняет же человека не клык, а дух-помощник.

На следующий день, 9 сентября, прямо с утра я отправился к Александру Каюкову. Прежде всего, мне хотелось поговорить с ним о его шаманских снах, а также порасспросить о хантыйских богах-тунхах. Александр будто ждал меня, мы сели за стол возле его избы, благо сентябрьская погода была на удивление тёплой. Прасковья, жена Александра, принесла нам по кружке чая, и мы проговорили несколько часов подряд, до самого обеда. Вещие сны он стал видеть после того, как ему исполнилось сорок лет. Как-то раз ему приснилось, что к нему приехали люди и просто так дали две бутылки водки. Утром он проверял морды и обнаружил в одной из них две норки. С тех пор он видит вещие сны регулярно. Как правило, такому сну предшествует некий материальный знак: он слышит, как звенит в ухе, и отмечает, что если звенит в правом ухе, то о тебе вспоминают предки; если в левом, то – посторонние духи. Наиболее значимым он считает

потрескивание огня в очаге – таким образом тоже обращаются предки. Разговор как-то сам собой перешёл на более сакральные темы, Александр оказался сведущим в традиционной религии хантов, и я стал расспрашивать его о хантыйском космосе, о том, как представляют мироздание именно юганские ханты.

Юганские ханты, а Александр, несмотря на то, что жил на Салыме, всё-таки оставался выходцем с Югана, представляют мироздание в виде семичастной космической структуры, где три сферы нижнего мира дублируются тремя сферами верхнего мира, а между ними находится сфера срединного мира. Сферы обозначаются особым термином *таптлэв*, который Александр перевёл как «уровень», «слой», «планета». Верхний мир называется *нум-таптлэв* (*нум* – верх, небо, восток), нижний мир *ыит-таптлэв* (*ыит* – низ, север). Верхний и нижний миры, в свою очередь, так же считаются семичастными – термин *таптлэв* ещё имеет значение «семь слоёв». Получалось, что всего космических «слоёв» должно быть 15, но такой цифры Александр просто не знал, каждый раз заявляя, что таптлэв всего семь. Я, по неопытности, пытался ему объяснить, что если вверху семь *таптлэв*, внизу тоже семь *таптлэв*, плюс один *таптлэв* среднего мира, то в сумме они дают пятнадцать, но он неуклонно говорил, что всего *таптлэв* – семь. Тогда я догадался спросить, почему именно семь, на что он ответил, что семь – это «всё», и я понял, что семь – это число целостности и является максимальным в ряду сакральных чисел. Александр, видя, что я начинаю усваивать его сакральную арифметику, добавил, что есть ещё выражение *кат-таптэн* «два по семь», что означает бесконечность. Соответственно, число божеств каждого из *таптлэв* тоже оказалось равным числу семь.

Верхний *таптлэв* представляет собой мир, отмеченный красным цветом: здесь красные горы, на склонах которых растут красные сосны и красная трава. Хозяевами этого мира являются Тарэм Санке и его жена Тарэм¹ Санке Анке (Анке Пугос). По замечанию Александра, есть люди, которые верят, что Тарэм Санке живёт «выше Верхнего мира» – за пределами семи слоёв. Считается, что это божество нельзя беспокоить всуе и, более того, в молитвах, призывающих богов на *порэ* (бескровное жертвоприношение), его имя не упоминается. Имя Тарэм Санке упоминается лишь в крайних случаях, когда обращение к другим богам не помогает людям. При жертвоприношениях Тарэм Санке от той или иной семьи или отдельного человека на сосну вывешивают приклад – шкуру оленя с рогами и красный материал. При угрозе несчастья (болезнь, смерть, война) не одному человеку, а большой группе людей жертвоприношение Тарэм Санке совершается совместно несколькими семьями – «всем миром», в ходе которого все мужчины должны принять участие в изготовлении семиметрового, семиполого красного сака с семью завязками. Такой сак вешают на высокую сосну, на стволе которой предварительно вырезают семь ликов Тарэм Санке².

Вторым по значимости божеством Верхнего мира является Санке (Сорни Санке «Золотой Санке») – сын Тарэм Санке. Санке представляется в виде старика в

¹ Слово «тарэм» в значении «сильный, крепкий» является эпитетом высшего божества и не совпадает со значением слова «торум», которое переводится как «небо, погода» и, иногда, употребляется для наименования христианского бога. В фольклорных текстах юганских хантов словом «торум» обозначается сказочная страна, где живут герои сказок.

² Есть основание полагать, что в представлениях юганских хантов семиликый Тарэм Санке является олицетворением мироздания в целом.

шубе и шапке из шкур белого соболя. К нему обращаются как при любой нужде (болезни, неудачи и проч.), так и во время совершения обрядовых церемоний. Для Санке приносят в жертву оленя, шкуру и рога которого вешают на берёзу, шкура обвязывается отрезом белой материи. При бескровном жертвоприношении *порэ* в обязательной молитве (приглашение богов на трапезу) имя Санке упоминается в первую очередь. Местом обитания Санке считается видимое небо. Он же является богом-отцом некоторых божеств срединного мира – хозяев определённых родовых территорий. В отличие от Всевышнего Тарэм Санке, Санке занимает более активную позицию и играет роль «творца» мира.

В нижнем мире эквивалентом Тарэм Санке выступает Мых Тарэм (Мых Кон) – царь подземных богов. Так же как и к Тарэм Санке, к Мых Тарэм обращаются только в исключительных случаях, когда молитвы, обращённые к другим богам, не помогают. Для образа Мых Тарэм, как и для других божеств нижнего мира, характерна остроголовость и символика чёрного цвета (приклад из материи чёрного цвета, чёрная шкура жертвенного оленя и т.д.). Санке в нижнем мире дублирует Кынь Ики – повелитель духов болезней. Причину болезни ханты видят в том, будто человека «покойник схватил». То есть духи болезней нередко отождествляются с душами умерших. Во время болезни человека злым духам и Кынь Ики устраивают *порэ*, просят их отпустить душу больного. Для Кынь Ики закладывают в землю приклад – материал чёрного цвета.

Верхний мир со средним связывает Кон Ики, бог-медиатор, один из сыновей Санки. Кон Ики исполняет волю небесного бога. Ханты говорят, что пока горит кусочек бересты, он может облететь всю землю на своём белом коне. Считается, что посещение Кон Ики сулит людям удачу и счастье. Идея милосердия сближает Кон Ики с Николаем Угодником, иногда они даже отождествляются. В домах хантов мы часто видели иконы Николая Чудотворца, при полном отсутствии других икон. В целом же ханты ничего не знали о христианских святынях, и говорить о религиозном синкретизме по отношению к выходцам с Югана, видимо, имеет мало смысла. Кон Ики является героем известного мифа об охоте на шестиногого лося, в то же время, в роли космического охотника может выступать отдельный персонаж, Монь Ко, очевидно, ипостась Кон Ики: «Прежде у лося было шесть ног. Лось хвастался, что его никто не догонит, однако за ним погнался Монь Ко, догнал его и отрубил две ноги. С тех пор лось стал добычей охотников, а на небе появился Млечный путь – след лыж Монь ко». Святилища Кон Ики находятся на севере от Пима и Тромъегана. На Югане в отдельном *топасе* (амбаре на деревянных стойках) хранится его соболиная шуба. Хранителями здесь являются Ярсомовы.

Между небом и землёй, кроме Кон Ики, помещается и Вое Орт Ики, его брат. Вое Орт Ики представляется божеством в виде лося, он даёт рождение лосям и другим зверям, с ним, как и с Кон Ики, связывают идею милосердия. Однако, в повседневной религиозной практике Вое Орт Ики ближе к Ягун Ики, его изображение находится в святилище последнего.

Медиатором между нижним и средним миром является Атэм Пухут Ики (букв. Плохого места муж), с именем которого связываются представления о смерти. В противоположность Кон Ики, посредничество Атэм Пухут Ики несёт человеку смерть, несчастье. Считается, что Атэм Пухут Ики уносит души умерших в иной мир, символом которого является кладбище *атэм пухут* (букв. плохое

место) или *йим пухут* (букв. святое место). Таким образом, кладбище, хозяином которого является Атэм Пухут Ики, это непосредственное воплощение нижнего мира. Как и остальным богам нижнего мира (кроме Тёрс Най), Атэм Пухут Ики посвящают приклад из чёрного материала и устраивают *порэ* в случае болезни человека. Атэм Пухут Ики не имеет родственных связей в нижнем мире. Он считается сыном Юганского тунха – Ягун Ики. Изображается Атэм Пухут Ики остроголовым, как, впрочем, и остальные нижние боги, но с божеством смерти связывают миф о том, что за непослушание Ягун Ики часто наказывал его, таская за волосы. От этого голова Атэм Пухут Ики стала острой.

Среднее положение между верхним и нижним мирами занимает и Мых Анке – Мать Земли. Это обеспечивает её образу известную амбивалентность. Мых Анке является дочерью Мых Кона, но её не считают представителем нижнего мира, напротив, с Мых Анке связываются идеи покровительства и милосердия, как и с богами верха. Для Мых Анке предусмотрено кровавое жертвоприношение, но шкура животного (оленя) закапывается в землю, причём наружу оставляется кончик носа. К примеру, по завершению строительства дома, для Мых Анке закапывают шкуру оленя в левом углу под нарами. Прикладом является материя чёрного цвета, которая тоже закапывается в землю. Для Мых Анке на Югане устраивали праздник, на котором приклад длиной в 7 м и чёрный сак кидали в Юган, а затем 7 раз поворачивались по солнцу.

Боги среднего мира, *тунхи*, являются покровителями различных территорий, отсюда распространённое в среде хантов название «вотчинник», т.е. хозяин вотчины. Некоторые из *тунхов* считаются сыновьями Санки, это Ас Ики, Ягун Ики, Вое Орт Ики. Последний не имеет своей территории, но изображение его находится на Югане в святилище Ягун Ики. Для большинства вотчинников родство с верхними богами не актуализируется, по рассказам они являются героями-богатырями, обладающими сверхъестественными свойствами. И те, и другие тунхи считаются родоначальниками хантыйских родов, в которые входят одна или несколько фамилий. Все вотчинники кроме человеческого облика имеют и зооморфную ипостась. Для своего сир (рода) тунх является объектом культа, но и представители других родов относятся к нему с должным почтением и, оказавшись на чужой территории, делают *порэ* вотчиннику. Среди тунхов существует определённая иерархия, т.е. *тунх* более высокого положения должен почитаться на более обширной территории. Таким *тунхом*, несомненно, является Ас Ики «Обский бог», дающий удачу в рыбной ловле, следующими по рангу должны идти *тунхи* рек, впадающих в Обь (Юган, Салым), а дальше – рек, впадающих в притоки. На практике же Ас Ики хотя и почитается на большой территории, однако, всегда находится в полуподчинённом положении у местного вотчинника. На Югане бытует миф о том, как поссорились Ас Ики с Ягун Ики. Ас Ики сказал, что не будет больше посылать рыбу на Юган и ждёт, когда Ягун Ики придёт спросить у него прощения. Долго ждал, а Ягун Ики всё не идёт. Тогда он сам отправился на Юган, видит, а юганские мелкую рыбу, вроде ерша, из реки ковшами черпают. Это Ягун Ики её сотворил, чтобы люди с голоду не померли. Однако небесные боги считаются неизмеримо сильнее *тунхов-вотчинников*, конфронтация между ними, даже между единоутробными братьями, к примеру, как Ягун Ики и Кон Ики, становится немислимой, хотя изначально оба брата считались равными по силе.

Санке убавил силы Ягун Ики и «забросил» его на Юган. Мифом как бы подчёркивается верховная власть небесных богов и обозначается граница сферы влияния юганского *тунха*. Тем не менее, сфера влияния тунхов не ограничивается только определёнными территориями, поскольку культ того или иного тунха явление скорее социальное, чем географическое. Юганские ханты, с 30-х годов живущие на Салыме, т.е. в сфере влияния салымских *тунхов*, считают, что они находятся под покровительством Ягун Ики и совершают все религиозные действия, связанные с его культом: ездят на Юган на ежегодные жертвоприношения, избираются хранителями священного лабаза Ягун Ики и т.п.

Ягун Ики считается родоначальником *пуни сир* «рода Медведя», самого большого на Югане. Зооморфные ипостаси Ягун Ики – медведь, змеи и сова. Подразумевается, что духами-помощниками Ягун Ики являются медведи и змеи. А сам Ягун Ики может появляться в облике совы. В молитве-приглашении на порэ *тунха* призывают такими словами: «Ягун Ики, приходи со своими духами-медведями». Духов-змей стараются не приглашать, осознавая их хтоничность: они считаются причиной некоторых болезней. В некоторых мифах Ягун Ики выступает в роли трикстера. «Как-то бабушка потеряла маленького Ягун Ики. Долго его искала, повсюду, а найти никак не может. А он в это время ловил щук и ел их икру. Поймает щуку, залезет под обласок (лодка-долблёнка) и икру ест. Бабушка увидела, из-под обласка нога торчит, вытащила. У него лицо всё в икре, заплакала бабушка. Думала уже, что Ягун Ики погиб». Повзрослев, Ягун Ики воровал женщин с Оби, даже целые озёра и камни. В частности, этими камнями он перекрыл Большой Юган, образовав перекаты и пороги. Камни у него кончились возле того места, где сейчас расположен п. Каюково, здесь он и стал жить. Такова мифологическая версия основания п. Каюково, которое и в настоящее время называют *Тунх Пухут*, поселение *тунха*.

У Ягун Ики, по преданию, было четыре жены. Первую жену он привёз с Казыма, где украл 300 оленей и набрал камней, чтобы устроить перекаты на реке Б. Юган – преграду для чужих лодок. Ещё двух жён он взял с правого берега Оби – дочерей Ас Ики. Но Санке запретил Ягун Ики брать жён с правого берега Оби, т.к. сам род медведя происходит оттуда.¹ Четвёртую – основную жену Ягун Ики нашёл на Югане. Звали её Эгут Ими. Но, согласно преданию, жизнь с ней у тунха не ладилась. Эта женщина родила ему сына, ставшего впоследствии божеством смерти – Атэм Пухут Ики.

Ягун Ики является покровителем п. Каюково, здесь же находится и деревянное изображение (идол) *тунха*. Изображение было сделано в самом п. Каюково из лиственницы, которую специально привезли из священной рощи близ п. Чагрово. Вырезал тунха мастер не из пупи сир, его выбирали жители посёлка большинством голосов, или же выбирал шаман. Существует представление, что если мастер, вырезавший *тунха*, умрёт, то идол следует поменять. В целом же, деревянных *тунхов* меняют каждые семь лет. Старого *тунха*, в таком случае, увозят в Чагрово и кладут на то место, откуда был взят материал. Ягун Ики изображают высотой в человеческий рост, ноги его должны быть укороченными, а сак белого цвета примерно на метр с небольшим длиннее ног. Делается это потому, что Ягун Ики представляется сидящим, прислонившись к стене. Рядом с ним сидит Вои Орт

¹ У юганских хантов до сих пор существует запрет брать жён с правого берега Юганской Оби.

Ики, его брат. Положение *тунхов* объясняется следующим мифом: «Однажды два брата, Ягун Ики и Вои Орт Ики, сидели дома и, сняв головы, искали в них вшей. К ним незаметно подкрался их третий брат – Кон Ики и крикнул. От неожиданности Вои Орт Ики неправильно надел себе голову, а Ягун Ики меньше испугался и только прислонился к стене». Кроме обоих братьев в лабазе находятся идолы жён Ягун Ики, а также Ас Ики со своей женой Ас Ими – *тунхи* Оби, обеспечивающие Юган рыбой. В качестве телохранителя здесь поставлен Вонт тунх, лесной дух. В его подчинении, согласно мифу, находятся 7 медведей и 100 воинов. Чуть впереди Ягун Ики располагается его казначей, Емтор Ики Ими пах (букв. лесного озера отца матери сын). Возле казначея стоит деревянный поднос, куда прихожане складывают деньги.

За лабазом и идолами *тунхов* следит *тунх корт* – хранитель, выбираемый раз в три года из семьи Каюковых. По словам Александра, выбор *тунх-корта* обеспечивает сам Ягун Ики. Избранный человек внезапно чувствует приступы какой-то болезни, некоторое время мучается и вдруг осознаёт, что Ягун Ики желает его хранителем. В деле выбора большое значение уделяется снам, виденного во сне в роли хранителя человека избирают, при случае, настоящим хранителем. В течение последующих трёх лет *тунх корту* должна сопутствовать удача, в противном случае его переизбирают. Когда Александр Каюков был хранителем, то, по его словам, за один только сезон он убил 25 соболей. Но на второй год у него умер сын, и его переизбрали. В обязанности *тунх корта* входит следить за состоянием лабаза, тунхов. Раз в месяц хранитель меняет на них одежду, при этом старая складывается в специальный мешок. По мере наполнения подноса Емтор Ики, деньги перекладываются в кожаный мешочек. Время от времени *тунх корт* делает *порэ* для Ягун Ики и его «свиты», а раз в год, как только скопится достаточное количество денег, устраивает кровавое жертвоприношение – *йир*, на который стараются приехать не только представители пупи сир, но и других родов. *Йир* проводят в особом месте при слиянии Малого и Большого Югана. *Тунх корт* сам привозит идол Ягун Ики из Каюково, а также собранную в течение года одежду. Женская одежда сжигается здесь же, мужскую одежду раздают. Полученная таким образом одежда считается чистой и не должна использоваться при работах. Существует обычай вообще «для очищения» приносить в священный лабаз шкуры животных и, угостив тунхов, оставлять их на некоторое время, по истечении которого шкуры становятся «прочней». По существующей традиции, при вкушении жертвенной пищи мужчины совершают трапезу внутри лабаза, тогда как женщины – снаружи, перед лабазом, сидя прямо на земле.

В ходе совершения жертвоприношений у священного лабаза тунх корт вырезает маленькие изображения змей (из белой жести) и медведей (из дерева) – духов Ягун Ики. Эти фигурки называются *ковоих*. Раздаются они всем присутствующим на жертвоприношении: женщинам – изображения змей, мужчинам – медведей, при этом соблюдается строгий запрет: фигурки медведей женщинам нельзя брать в руки.

В ведении хранителя находится и священная кедровая роща, в которой находится лабаз с тунхами. В этой кедровой роще после рождения ребёнка родители определяют ему его дерево, *йыри юх*, из которого впоследствии *тунх корт* сделает духа-помощника. Если по каким-либо причинам дерево не было определено

родителями, человек может выбрать его сам или поручает хранителю. Хранитель вырезает из этого дерева чурку размером в 20–25 см, стараясь не повредить сердцевину дерева. Дерево и дух-помощник отныне будут связаны невидимой нитью – погибнет дерево, погибнет и дух. В месте выреза кладут медные монеты, кланяются 3–7 раз, а уходя, поворачиваются по солнцу. *Тунх корт* вырезает изображение, тщательно выделяя каждую деталь: уши, чтобы дух мог слышать, глаза, нос, рот. Существует определённый канон в изображении таких духов, свой у каждого вотчинника. В юганский канон входит продолговатое лицо, укороченные ноги, напоминающие медвежьи лапы. Половые признаки духа определяются его одеждой; дух мужского пола облачается в белый сак, повязанный белым поясом, на голову надевается меховая шапочка; духа женского пола одевают в пёстрый сак, на голову – пёстрый же – платок. Соответственно полу определяется и количество завязок на одежде – у мужского духа – 5, у женского – 4. Завершается изготовление духа его оживлением. *Тунх корт* передаёт онгон заказчику, который должен дунуть в рот духа и сказать: «Дыхание тебе пустил, ты уже живой, ты мой сын (дочь), будешь помогать». Пол духа определяется в зависимости от пола заказчика. Изготовленные духи считаются сыновьями или дочерьми Ягун Ики (Ягун Ики пах (эви). После оживления заказчик делает *порэ* духу, кормит его и даёт ему имя. Имя выбирается обычное хантыйское: Айот, Айпах, Итькылли и др. С этого момента дух-помощник будет всюду сопровождать человека. Считается, что этот дух способен оказывать любую помощь человеку в его делах, лишь бы ему время от времени делали *порэ*. Если же дух не справляется со своими обязанностями, т.е. человека постигла какая-либо неудача, он волен заказать себе другого духа-помощника.

На три года *тунх корт* неразрывно связан с лабазом Ягун Ики. Даже в период зимней охоты, когда юганские ханты отправляются на 1–1,5 месяца на зимние угодья, хранитель в специальной нарте везёт идол Ягун Ики, а его поклажу распределяют по своим нартам остальные охотники.

У каждого юганского рода (сир) есть свой покровитель-тунх, но он может находиться на определённом расстоянии от отдельных семей (сир), поэтому некоторые семьи содержат почитаемые реликвии, связанные с деятельностью того или иного тунха. Так, недалеко от п. Рыскины живёт семья, которая хранит копьё Ягун Ики. Копьё не везут в Каюково, оно должно находиться там, где его потерял когда-то тунх. Ярсомовы в отдельном лабазе держат соболиную шубу (сак) Кюн Ики. Эту шубу почитают как самого бога и иногда называют *Сак Ики*. Османовы в верховьях Малого Югана содержат лабаз Эут Ики. Возле тунха лежит камень, формой похожий на медведя. Считается, что поднявшему этот камень будет помогать медведь Эут Ики.

Кроме Ягун Ики, юганские ханты поклоняются и другим тунхам, более или менее значимым с их точки зрения. Помимо описанных выше отношений с тунхом Оби, они отдают дань уважения и салымскому тунху Соттэм тэ Ики. Есть ряд женских божеств, территориально отдалённых и связанных с другими родами, но также почитаемых. В первую очередь это касается Казым Ими, покровительницы оленей и соболей. Святилище Казым Ими находится на Казыме, однако, она была популярна среди юганских и салымских хантов, которые сравнивают (но не отождествляют) её со знаменитой Сорни анке (ср. коми – Зарни ань). Изображение

И. Ильина в священной кедровой роще.
Фото П. Ф. Лимерова.

Казым Ими было металлическим, возможно, серебряным. Сам священный лабаз находился в глухом урмане. Рассказывают, что однажды на святилище наткнулась экспедиция. *Руть ики* (русские мужчины) не разграбили лабаз, только сфотографировали Казым Ими и ушли. После этого вернулся тунх корт, увидел следы пребывания экспедиции и перенёс онгон в другое место. Когда приехала новая экспедиция из Москвы, они обнаружили вместо Казым Ими только её старый сак. А *тунх корт* вскоре умер, и теперь никто не знает, где находится Казым Ими.

На М. Югане находится святилище сестёр-богинь Ай нинкен и Пуйси инминь. Как правило, сюда приходят женщины с детьми в случае какой-либо болезни, приносят в качестве приклада одежду, платки и т.п. Не возбраняется приходить сюда и мужчинам. Пришедшие устраиваются перед лабазом, делают *порэ*. Внутри лабаза входиться нельзя, на *тунхов* можно только смотреть с улицы через окошко. Сами

изображения сестёр деревянные, но на лицах маски из какого-то металла. Существует поверье, что если помотришь на сестёр и увидишь их лица красными, то предстоит долгая жизнь, если белыми – короткая. Когда приходят к Ай нинкен, то её хранительница дарит пришедшим подарки: мужчине белый платок, женщине платье или платок, а девочке, впервые пришедшей сюда, дарят игольницу и берестяную шкатулку для женских рукоделий.

Во второй половине дня мы с Ириной Ильиной предложили Александру вырезать нам духов-помощников. Неожиданно для нас Александр согласился. Для изображения духа годилось не всякое дерево, мы должны были идти в кедровую рощу и найти «своё дерево», *йыри юх*. Кедровая роща находилась в нескольких километрах от посёлка, неподалёку от жертвенного места, где росли посвящённые различным *тунхам* деревья. Нас сопровождали туда Аристарх с Юрой, показали они священную берёзу, на которую вывешивают приклад для Санке и Кон Ики, а также священную сосну. На берёзе, стоявшей возле жертвенного кострища, висели олени рога, на мой вопрос Аристарх ответил, что таким образом на небо

Древние боги: жертвоприношение. Место для жертвоприношений. Приклад для Санке на сосне. Фото П. Ф. Лимерова.

отправляется душа оленя, и ни в коем случае нельзя вешать на берёзу что-то, принадлежащее живому оленю, – упряжь и т.п., олень может умереть. На сосне висел приклад: оленья шкура, перевязанная красным отрезом материи, – это для Анке Пугос, верхней женщины, объяснил Аристарх. Я спросил его, как выбирается священное дерево, и он ответил, что главное условие – чтобы были сучья, приклад легче поднимать. Наверное, он пошутил, но, как говорится, в каждой шутке есть доля шутки. Когда мы пришли в кедровую рощу, Аристарх сказал, что своё дерево выбирают по наитию, оно будто бы само должно сказать о себе. Мы долго ходили по роще, стараясь услышать голос дерева, и, наконец, «нашли» себе «свои деревья». Юра вырубил из каждого кедра по небольшой чурке, и на место вырубамы положили мелкие медные монеты. Чурки принесли Александру, и он тут же принялся за работу. Как правило, духов-помощников делают соответственно полу заказчика: мужчине – сына-помощника, женщине – дочь. Но мы решили, что Ирина возьмёт себе духа-сына, а я духа-дочь. Александр сказал, что можно и так, какого-то особого нарушения обычая здесь нет. Главное, чтобы дух был вырезан правильно, чтобы не были нарушены пропорции, чтобы были вырезаны уши, глаза и рот – в противном случае, дух не сможет помогать. Когда сам Александр был *тунх кортом* Ягун Ики, то ему не раз приходилось вырезать духов для разных заказчиков. Однажды ему пожаловался какой-то хант, мол, его дух-помощник, вырезанный Александром год назад, ему помогает мало. Александр осмотрел духа и обнаружил, что у того нет ушных отверстий. Дух не мог помочь ханту, потому что не слышал его просьб. Александр быстро исправил свою ошибку, вырезал уши, и хант остался доволен. Пока Александр вырезал духов, Наташа Ярсомова сшила для них халаты – саки. Надев халаты, Александр показал нам, как нужно «дать дыхание» духу, как нужно «кормить» духа, и ещё сказал, что теперь мы связаны с этой землёй, и будем по ней тосковать.

Утро 10 сентября началось с того, что мы с Алексеем Сюзюмовым навестили Юру, представителя третьей ветви Каюковых в Пунси. Юра – сын Ефрема Дмитриевича Каюкова, брата Александра. Кроме него, в семье две сестры: Раиса и Ольга, а также брат Дмитрий. Юра самый младший в семье, учится в 10 классе и живёт в интернате в Угуте. У Ефрема Каюкова, кроме дома в Пунси, был ещё дом в п. Рыскины, на Югане, так что семья привыкла жить на два дома – то в Рыскиных, то здесь. После смерти Ефрема Дмитриевича в 1981 году семья всё больше проживает в Рыскиных, но, по словам Юрия, мать планировала переехать в Пунси. Ровесниками Юрия в Пунси были дети Александра – Станислав, Анатолий и Татьяна, уже закончившие школу. Станислав учился в Сургуте в каком-то институте, а Анатолий и Татьяна жили с родителями в Пунси. Вместе с родителями они занимались охотой, рыбной ловлей и сбором грибов и ягод. План по заготовке давал Госпромхоз в Угуте, в среднем получалось по два центнера клюквы на семью, грибов – сколько возможно, рыбу, в основном щуку, сорогу, язя, сдавали по три-четыре центнера с семьи. Охотятся на пушного зверя, зимой ловят белку и соболя, осенью – ондатру, норку, выдру. За зиму в прежние годы хант-охотник добывал 20–25 соболей, но в последние годы, по словам хантов, соболю ушёл, так что за зиму ловят по 7–8 штук.

После обеда Александр и Аристарх повели нас на кладбище. На языке хантов кладбище называется *йим пугут* «святой посёлок», другое название – *атэм пугут*

«плохой посёлок» подчёркивает опасность, которая может отсюда исходить. Кладбище Пунси расположено в километре от посёлка, здесь несколько могил, похоронены только ближайшие родственники Каюковых. На подходе к кладбищу Александр дал нам по кусочку бересты и по кедровой ветке и пояснил, что впервые пришедший на кладбище человек должен положить на могилы старшего умершего кедровую ветку. Рядом с могилами располагалось кострище, возле могил были сложены дрова, здесь же лежала береста для растопки. Аристарх взял нашу бересту и бересту с кладбища и, соединив их вместе, разжёг костёр: «На том свете холодно, покойникам нужно согреться». Вид захоронений, на наш взгляд, был не совсем обычным: на могилах были установлены срубы в четыре бревна и покрыты берестой. Возле сруба стояли небольшие, сантиметров 50 в высоту кресты *пирна* (ср. коми *перна*). Позади могил лежали нарты с перебитыми копыльями, а также остатки оленьих шкур. Я обратил внимание на могилу, возле которой вместо креста на деревянном стояке было прикреплено вырезанное из дерева изображение птицы. Александр сказал, что это детская могила, умершим до года детям крест не ставят, вместо креста им ставят изображение кукушки, «чтобы она, кукуя, баюкала ребёнка».

Умершего хоронят на второй день после смерти, родственников из других посёлков на похороны приглашают только в том случае, если самим справиться с похоронами трудно. В день смерти человека в очаге-чувале разводят огонь для покойного, этот огонь поддерживается максимально долгое время. Гроб ханты изготавливают из струганных досок. Перед положением в гроб покойника обмывают и обряжают в зимнюю одежду, причём ту самую, которую носил он сам при жизни, и никогда не надевают на умершего новое платье. В гроб покойнику кладут посуду и предметы первой необходимости: миску, чашку, ложку, табак, немного денег. Вещи покойного, его одежду раздают участникам похорон. Во время выноса гроба с умершим из дома от его головы протягивают нитку, которую по мере выноса тела один из ближайших родственников (наследник) наматывает на палец. Считается, что с нитью жизненная сила покойника переходит к мужчине его рода. По дороге на кладбище 1–2 раза останавливаются передохнуть, в этом случае гроб ставят на заблаговременно приготовленные чурочки, а под гроб кладут топор. Могилу взрослому человеку выкапывают глубиной в человеческий рост, для ребёнка – до одного метра, потому что в глубокой могиле «ему будет тяжело». Гроб в могилу опускают на двух верёвках, при этом повторяется обряд с ниткой: снова от головы покойника протягивается нить, которую по мере опускания гроба наматывает на палец ближайший родственник умершего. Установив гроб в могиле, его закрывают берестой, а затем забрасывают землёй. Захоронение закрывают срубной гробницей, в которой со стороны головы вырезается небольшое прямоугольное отверстие, ориентированное на запад: «дверь для души умершего». Сверху сруб покрывают берестой, которую придавливают жердями вдоль могилы. В день похорон больше никаких действий не производят, просто возвращаются домой, «закрыв» тропу, по которой несли умершего на кладбище: перегораживают тропу жердью. По литературе известно, что ханты держали умершего в доме до 4 дней – женщину и до 5 дней – мужчину, в соответствии с количеством душ. На Пунси, очевидно, этот обычай несколько видоизменился. Александр сказал, что они справляют поминки на 4 день – женщинам и на 5 день – мужчинам. Поминки

всегда отмечают во второй половине дня, под вечер. Покойника «будят», постукивая осторожно обухом топора по могильному сруб, после чего по очереди подходят к могиле и приветствуют покойного поклоном. Возле могилы разводят костёр: частично из «дров покойного», частично приносят с собой. К могиле приносят нарты, которые могут пригодиться умершему на том свете, их оставляют здесь, сломав копылья. Здесь же совершают жертвоприношение *йур*: приносят в жертву двух оленей – для умершего мужчины, если женщина, то одного. Оленя при этом удушают с помощью верёвки. Шкура оленя с чёрным прикладом закапывается позади могильного сруба, на поверхности остаётся лишь кончик носа оленя. Олени также будут нужны умершему в иной жизни. Мясо варится на поминальном костре, затем его раскладывают вместе с остальной едой рядом со срубом. Во время еды принято общаться с умершим, поить его водкой. Водку наливают ему, опрокидывая рюмку через тыльную сторону ладони. Всё, что остаётся от поминальной трапезы, оставляется здесь же, на могиле – для покойного. Последующие поминки, по словам Александра, они совершают, когда удобнее, без определённого времени. Умершим детям перестают справлять поминки через два года – «в обратной жизни время летит быстро», если на могилу падает дерево, то это считается знаком того, что поминки справлять больше не нужно.

11 сентября мы по плану должны были сходить в летний посёлок, в котором ханты держали своих оленей. Проводить нас вызвался средний сын Александра – Анатолий. Хантыйское имя Анатолия – *Йорко*. Толя весной пришёл из армии, служил где-то в Средней Азии. Он был полон решимости как-то разнообразить лесную жизнь, и впервые разработал участок под огород. Огород, по нашим меркам, был небольшим, но Анатолий им очень гордился. Он посадил картошку, и собирался, в дальнейшем, расширить своё хозяйство. Сборы были недолгими, и наша маленькая экспедиция в составе Анатолия, Наташи Ярсомовой, Ирины Ильиной и меня вскоре отправилась в летний посёлок – как мы его сразу назвали «оленье стойбище». Летний посёлок находился в пяти километрах от Пунси, и путь к нему снова лежал через болото. Надо сказать, что к переходам через болота да и к виду болот мы уже стали привыкать, что касается хантов, то для них, кажется, ничего другого и не было нужно. По мнению Аристарха Каюкова, подкреплённому, видимо, мифологическим знанием, вся жизнь на земле началась на болотах. Как-то он даже сказал мне: «Все реки текут из болот, получается, что болота выше, чем горы. Так что в конце света людей, живущих на болотах, только и не затопит».

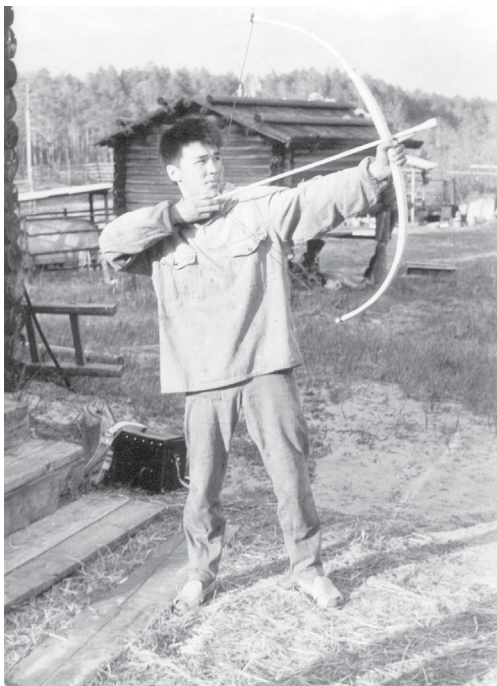
Первая наша остановка была возле речки *Тепыт ега*, неподалёку от летнего посёлка. Речка оказалась неширокой, и была перегорожена так называемым запором – вбитыми в дно реки кольями. Рядом с запором лежала морда – *гимга* (ср. коми *гымга*), рыболовная снасть Анатолия. В отличие от коми *гымги*, хантыйская *гимга* шире и длиннее, я помог Анатолию установить *гимгу* в отверстие запора, и вскоре мы двинулись дальше и шли уже без остановок до самого летнего посёлка. В посёлке было две небольших избы для временного проживания, и большие загоны для оленей и домики для них. На Пунси оленей немного, всего порядка двадцати голов, Александр сказал по этому поводу, что им больше и не нужно, тем более что для каких-то зимних переездов они всё чаще использовали «Бураны». На «оленьем стойбище» ханты живут с конца мая до начала июля. Это нужно для того, чтобы в это время следить за оленями – менять песок в

оленьих домиках, окуривать оленей дымом: именно в этот период особо много комаров, мошкары и оводов. В летнем посёлке ханты обычно занимаются хозяйственными делами: изготавливают морды, мастерят свои берестяные вещи: хынтики, сагуны, куженьки, берестяные шкатулки, плетут верёвки.

Мы долго ходили по посёлку, фотографировали, а ближе к вечеру мы с Анатолием сходили проверить гимгу. Это был настоящий сюрприз: когда мы вытащили гимгу из воды, в ней оказалось полно довольно приличного размера щук, я насчитал их больше семидесяти. Анатолий взял две покрупнее – на ужин, а остальных поместил в ящик, сколоченный из жердей, – *подсадку*. Эту *подсадку* он опустил обратно в воду и объяснил мне, что рыба будет жить в подсадке чуть ли не до ноября месяца, пока не прилетит вертолёт. Потом они сдадут её прямо в вертолёт свежую. Надо сказать, что на следующий день, когда мы возвращались в зимний посёлок, Анатолий проверил *подсадку* и обнаружил, что вся рыба каким-то образом вышла. Это его, однако, не огорчило: «Всё равно попадёт рано или поздно в мою *гимгу*». Ловят рыбу и зимой, в декабре, причём, ловят много. Дело в том, что дно озёр, которых здесь очень много, сплошь покрыто водорослями, так что чистой воды остаётся только 1–1,5 метра от поверхности. Зимой это пространство промерзает почти полностью, рыбе нечем дышать, не хватает кислорода, и она стремится выйти из озера в более глубокие, чем озеро, речки. В это время ханты чистят лёд, определяют, где наибольшее скопление рыбы, и рубят здесь прорубь. Рыба стремится к воздуху, и остаётся только зачерпывать её с помощью саков.

Таким образом, можно ловить рыбу тоннами.

Днём в свалке мусора я нашёл обломок довольно большого лука, судя по размерам обломка, сам лук должен был бы быть до двух с половиной, трёх метров. Анатолий сказал, что это обломок самострела, и, по его словам, ещё сравнительно недавно, в 1960-е годы, такие самострелы стояли на тропах к священным местам хантов, на охране лабазов с тунхами, и только после того, как под стрелы попали какие-то геологи, ханты стали снимать свои ловушки. По словам Анатолия, теперь разве что только лабаз Сорни Анке ещё так охраняется. Возможно, это уже современная хантыйская мифология, но ведь как знать, сибирская тайга так велика... Относительно луков, оказалось, что ханты и сейчас нередко используют их в охоте, особенно на белку. Для такой охоты делают специальную стрелу с тупым наконечником и, в отличие от ружья, такая стрела не портит шкурки зверя.

Традиционный охотничий лук хантов и стрела с тупым наконечником для охоты на пушных зверей. Сделал лук и стреляет Анатолий Александрович Каюков (ст. Пунси).

Чтобы не быть голословным, Анатолий пошёл в лес и вскоре возвратился с вырезанной заготовкой для лука. Он пояснил, что хороший лук склеивают из разных пород дерева, а простой, так сказать, «демонстрационный» лук можно сделать и из сосны. Лук он смастерил в течение часа и показал нам, как надо из него стрелять. Это было впечатляюще, мы и представить себе не могли, что лук ещё используется как оружие охотника. Сам я только подержал лук в руке, но почему-то не рискнул натянуть тетиву и пустить стрелу.

Ближе к вечеру Ирина Ильина и Наташа возвратились в Пунси, а мы с Анатолием остались в летнем посёлке. Две оставленные на ужин щуки запекли на костре. Это блюдо по-хантыйски называется *питшек*. Анатолий разрезал рыбу на довольно большие куски и проткнул каждый из них веткой между шкурой и мякотью, немного посолил и поставил к углям. Запечённая таким образом щука оказалась необычайно вкусной. После ужина мы долго сидели возле костра, и разговор как бы сам собой коснулся свойств огня. Оказалось, что Анатолий, несмотря на молодость, знал немало. Огонь говорит, и знающие люди понимают его слова, как, к примеру, отец Анатолия, Александр Каюков. Огонь по-хантыйски *най*. Это одновременно огонь и женщина – *Най Анке*, поэтому обращаться с ней (с ним) нужно бережно. Чувал – очаг в доме всегда должен быть в хорошем состоянии, за ним надо ухаживать, вовремя ремонтировать. Огонь нельзя кормить объедками, мусором, он должен быть чистым, тем более нельзя бить огонь, ругать его. Если соблюдать эти условия, он будет помогать человеку, в противном случае – огонь может строго наказать. Анатолий рассказал случай о двух подругах: «Женщина пришла к соседке в гости. Хозяйка её хорошо встретила, сидят, разговаривают, в чувале огонь потрескивает. Хозяйка прислушалась к огню, слышит, что к её огню тоже пришёл в гости огонь соседки. И эти два огня тоже между собой разговаривают. Вот соседский огонь спрашивает: «Как твоя хозяйка к тебе относится?» А тот отвечает: «Да не жалуясь, хорошо. Вечером аккуратно укрывает песочком, утром разгребает, дровами подкармливает». «А ко мне плохо относится, – соседский говорит, – объедки, кости в лицо кидает, не следит совсем. Плохие мысли у меня уже появились». «Твоя хозяйка попросила у моей две вещи – прялку и косу, ты их, пожалуйста, сохрани». Хозяйка ничего подруге не сказала, а утром оказалось, что у той сгорел дом. Хозяйка подошла к пепелищу и обнаружила свои вещи, они были целыми и невредимыми, хотя дом сгорел дотла».

Для того, чтобы Най Анке хорошо относилась к людям и хранила дом, ей посвящена особая обрядность в строительном ритуале. После окончания строительства для Най Анке совершают *порэ* бескровное жертвоприношение: читают особые молитвы огню, затем в новом чувале разводят огонь и сжигают в нём куклу, одетую в красный сак. На следующий день совершают кровавое жертвоприношение – *йир*. На жертвенное место *йир карэ* приводят оленя, окуривают его дымом чаги или пихтовой коры. Читают молитвы: отдельно всем богам, отдельно огню Най. После этого забивают оленя. При свеживании мясо делят на то, что надо варить, и то, что следует оставить сырым. В этот день варят голову, сердце, лёгкие, печень, почки, кусочки рёбер и позвоночник, остальное на другой день раздаётся всем участникам *йир*. Варёное мясо кладут отдельно всем богам и отдельно огню, и снова читают молитву, в которой приглашают богов на

трапезу. После молитвы мясо заносят в новый дом и начинают трапезу. Окончив трапезу, снова читают молитвы всем богам и огню, а затем бросают в чувал (очаг) медные деньги. Шкуру оленя посвящают Мых Анке и закапывают её в землю в левом углу под нарами или за домом, в том месте, «где нельзя ходить женщинам».

Если люди не соблюдают установленные обычаем предписания, то может последовать наказание Най Анке, которое бывает очень строгим. «Семья хантов охотилась в урмане зимой. Жили в шалаше, здесь же жена родила ребёнка – девочку. Когда однажды женщина сидела возле костра, вылетел уголёк и попал в ребёнка. Хозяин разозлился, стал рубить огонь топором. Огонь потух, и сколько потом его ни разжигали, огонь не разгорался. Тогда ханты подумали, что это место плохое и решили его сменить. Так они переезжали с места на место трижды, но нигде не смогли развести огонь. Тогда они вернулись на прежнее место и встретили там женщину, у которой был окровавлен бок. «Что с тобой случилось?» – спросил её охотник. Она ответила: «Ты ведь сам изрубил меня топором, когда я хотела поцеловать ребёнка. Я прощу вас, если вы отдадите мне своего ребёнка. А не отдадите – замёрзнете». Хантам ничего не оставалось делать, они одели ребёнка во всё новое и поставили люльку с девочкой на огонь. Девочка, улыбаясь, сгорела».

12 сентября рано утром около 6 часов Анатолий вышел из избы, взяв с собой ружьё. Через пару минут я услышал выстрел, но не придал этому ровно никакого значения – мало ли зачем он стреляет. Примерно через час мне удалось, наконец, проснуться и я вышел из дома. Анатолий сидел возле костра с висевшим над ним котлом, в котором что-то варилось. «Глухарь», – сказал Анатолий. Птица сидела на коньке нашей избы, и он подстрелил её сразу, как только вышел из дома. Позавтракав супом из глухаря, мы вышли в путь и вскоре вернулись в Пунси.

Между тем, в посёлке уже шла подготовка к другому походу – на следующий день было решено сходить в соседний Посёлок Лазаря или Пунси-2, где жили родственники Каюковых из Пунси. Посёлок находился в 14 километрах от Пунси, поэтому, кроме меня и И. Ильиной, вызвался идти только Георгий Визгалов, археолог из Тобольска. Как всегда, сопровождал нас Юра, отлынивавший от занятий в школе. Налегке выйти не удалось, потому что утром ханты принесли нам гостинец для родственников – *хынтики* с медвежатинной. Так что утром 13 сентября мы надели за спины на манер школьных ранцев *хынтики* и отправились в путь. Как ни странно, движение по болоту уже не казалось утомительным, эти 14 километров мы прошли легко, и вышли к старому нежилому дому вблизи озера Култым тор. Немного отдохнув, мы разделились на этнографов и археологов: мы, этнографы, направились к основному посёлку, а археолог Георгий с помощником Юрой решили обойти посёлок, чтобы осмотреть и, если надо, зафиксировать археологические памятники. Посёлок Лазаря Каюкова состоял из двух домов с пристройками, как потом выяснилось, это были избы братьев – Лазаря и Ивана. Изба Ивана оказалась нежилой, поскольку её хозяин давно переехал в верховья р. Тепыт еги, возле дома Лазаря мы обнаружили его хозяйку, Варвару Васильевну Каюкову. Самого хозяина в посёлке не оказалось, но Варвара Васильевна оказалась не только гостеприимной хозяйкой, но и достаточно знающим информатором. Усадьба Лазаря Каюкова состояла из жилого дома, вокруг которого располагались кухня с очагом-чувалом, 3 лабаза, гараж для «Бурана», печь для выпечки хлеба – *нянь кэр*, за которой находилось место для собак – *амп пугут*. Посёлок был

основан Николаем Давыдовичем Каюковым в середине 1940-х гг., переехавшим сюда с Югана. Первоначально Николай собирался поселиться в Пунси, однако уже живший здесь Дмитрий Каюков, двоюродный брат Николая, не разрешил строиться, и Николай обосновался в 14 километрах от Пунси возле озера *Култым тор* – Рыбное озеро. Сыновья Николая, Лазарь (1938 г.р.) и Иван (1928 г.р.), после смерти родителей некоторое время жили на старом месте, но через год после свадьбы Лазаря в 1958 г. построили общий дом в нескольких километрах от прежнего. После рождения сына Лазаря, Владимира, в 1962 г. братья построили отдельный дом для Лазаря, а Иван Каюков в конце 60-х гг. переселился в верховья р. Тепыт-еги. В семье Лазаря пятеро детей, но на месте оказался только самый младший, Сергей (1979 г.р.), другие дети – Владимир и Алевтина были уже взрослыми и жили со своими семьями в п. Салым, а 15-летний Аристарх находился в том самом интернате в Угуте, в который так не хотел возвращаться сопровождавший нас Юра.

Когда мы передали Варваре хынтики с медвежатиной, то она огорчилась: «Не по-человечески это, надо было медведю полный праздник устроить, всех родственников собрать». Я заметил, что сентябрь тёплый, мясо могло испортиться – пока ведь все соберутся, но не смог её убедить. Узнав, что один из нас пошёл искать места археологических памятников, она сразу сказала, что он ничего не найдёт. Я выразил сомнение, поскольку Георгий Визгалов знал своё дело, что называется, туго. Но Варвара ответила, что ханты не селятся вблизи таких мест. То, что искал Георгий, Варвара сразу определила как могилы *ары ях* – древних людей из песен, но заметила, что поблизости таких могил нет. Ханты опасаются таких мест, потому что возле них *маячки маячат*. Так впервые была произнесена эта странная фраза – *маячки маячат*, вроде бы и по-русски сказанная, но обозначающая явление из хантыйского потустороннего мира. Нельзя ночевать в заброшенных домах, так как в них живут *маячки*. Нельзя строить новые дома на месте заброшенных, *маячки* будут появляться и в новом доме. Если даже маячек и не будет видно, и взрослые будут здоровы, то их дети, рождённые в этом доме, будут страдать лунатизмом, «*луначками* станут». Лазарь и Иван жили с отцом в доме, возле развалин которого мы отдыхали по пути в посёлок, но после смерти отца выстроили новый дом, потому что нельзя жить в доме родителей, если они умерли: «*маячки маячат*». Я понял, что *маячками* Варвара называет то, что мы называем словом «призрак», но это не совсем верно, скорее, это души умерших, которые находятся какое-то время между небом и землёй.

Мы задержались в Пунси-2 до утра следующего дня, сделали снимки для отчёта и отправились обратно. Пожалуй, наибольшее впечатление в этом посёлке на меня произвёл мальчик, сын Лазаря, Сергей. Ему было тогда 12 лет, но на вид ему можно было дать только лет семь-восемь. Немного в стороне от дома он сделал себе место для игр, причём, оно занимало довольно большое пространство. Здесь были целые стада «олений с нартами» из оленьих бабок, какие-то торчащие из песка ветки, в недоступном нашему пониманию порядке расположенные на игровом пространстве, куклы из птичьих клювов, изображающие, видимо, людей, и многое другое, что сейчас уже и не вспомнить. Когда мы подошли к мальчику, он играл, и не обратил на нас никакого внимания. Он был настолько погружён в процесс игры, что отвечал на наши вопросы нехотя, даже с трудом, ему, очевидно,

Сергей Каюков на своём месте для игр Пунси-2.
Фото П. Ф. Лимерова.

не особо хотелось с кем бы то ни было общаться. Мне показалось, что он немного не в себе, и, сделав снимок, я уже почти отвернулся от него, когда он взглянул на меня: с детского лица на меня посмотрели мудрые глаза старика. Не помню, что говорила Варвара по поводу своего младшего сына, но на следующий день мне сказал Александр, что Сергей, если не умрёт раньше времени, будет большим шаманом. Как сложилась судьба этого мальчика, я не знаю.

14 сентября. Я застал Александра сидящим на скамье возле своего дома. Как раз тогда я и спросил его о Сергее, а затем разговор как-то коснулся темы хантыйских шаманов. По его мнению, хороших шаманов сейчас у хантов нет, во всяком случае, он о них не слышал. Хороший шаман, прежде чем начать шаманить, съедает до семи мухоморов, и чем сильнее шаман, тем больше мухоморов он может съесть. Сейчас таких нет. Бывает, что кто-то хвастает, будто он шаман, а съест один мухомор, и его начинает всего трясти, пена изо рта идёт. Себя

Александр шаманом не считал, хотя Аристарх упорно так его называл. Я спросил его о *маячках*, и он сказал, что это и есть *йипых*, просто ханты называют его *маячки* для русских, чтобы им было понятнее. Это очень опасные духи, они могут украсть душу человека, и тогда он умрёт. Из всех лесных духов *йипых* имеют самую обширную зону действия, включающую и человеческие поселения. Способ перемещения *маячек-йипых* – вихрь, который воспринимается как некоторое множество духов. Обереги от вихря традиционные – нож, топор, которые следует кинуть в середину вихря, хотя Александр сказал, что однажды, увидев крутящийся вихрь, он колотил его простой палкой, пока тот не исчез. *Йипых* может проникнуть в поселение во второй половине дня, поэтому с наступлением сумерек детям запрещают выходить на улицу, даже внутри помещения не разрешают проводить шумные игры – как выразилась по этому поводу Наташа Ярсомова – «баловаться». Запрещается оставлять новорождённого ребёнка одного – *йипых* может похитить его душу, соответствующую разуму – *йитс кутс*. Про умственно неполноценного человека говорят, что он потерял *йитс кутс*.

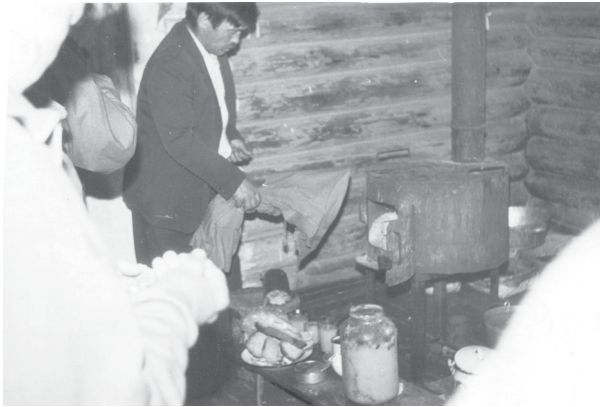
Конечно, Александр с большей охотой рассказывал о богах, нежели о злых духах, поэтому разговор перешёл на более интересные для него религиозные практики. Мы говорили о *тунхах*, вернее, уточняли то, о чём уже раньше рассказывал Александр. Так, практика жертвоприношений каждому *тунху* была принципиально разной, поскольку все они были, если можно так выразиться, «приписаны» к разным сферам – *таптлэв*. Если Тарм Санке и Анке Пугос

живут в «красном» мире, то и приклад им в виде шкуры оленя, повязанной красной лентой, вешается на «красное» дерево – сосну. Санке, Кон Ики, Вое Орт Ики живут в «белом», т.е. в светлом мире, соответственно, для них жертвенный приклад в виде оленьей шкуры вместе с копытами, повязанный белой материей, вывешивается на «белое» дерево – берёзу. Белым считается и Ас Ики – *тунх* Оби, он живёт в городе за устьем Оби, «в белых льдах и сугробах». Считается, что Ас Ики даёт удачу в рыбных промыслах, поэтому он, вместе со своей женой Ас Ими, входит в число наиболее почитаемых *тунхов*. Жертву ему приносят в устье Югана весной, при большой воде, когда обская вода заходит в Юган: на берегу забивают оленя, а его шкуру с прикладом из белой материи пускают в воду. Есть ещё одна богиня, особо почитаемая юганскими хантами, – это Тёрс Най (Тёрс Най Анке), морская богиня, точнее – богиня морского огня. По силе Тёрс Най признаётся равной богу Санке и в молитвах её имя упоминается сразу после небесного бога. Тем не менее, жертвоприношения Тёрс Най делают чрезвычайно редко – один раз в 25–30 лет, при этом на *йир* собирается большое количество юганских хантов. Жертвоприношение проводят в устье Большого Югана, при этом огонь требуется добыть вручную: в берёзовой чурке делают отверстие, куда кладут берёзовый трут, вставляют острую палочку и крутят её с помощью ремешка. Полученный таким образом огонь считается чистым, «живым». Специально готовят плот, на который устанавливается крестообразный берёзовый остов, высотой с человеческий рост. На него надевают красный сак, а на «голову» повязывают красный платок: получается кукла, изображающая женщину в красной одежде. После забоя оленей шкуры их привязывают к плоту, а мясо варят на «живом огне». Сотворив молитву Тёрс Най и другим богам, приступают к трапезе. По окончании, на плоту разводят костёр, поджигают куклу и шестами сталкивают плот на середину реки. Плот и кукла должны сгореть, а шкуры, соответственно, потонуть. В противном случае считается, что Тёрс Най отнеслась к жертве неблагоприятно. Тёрс Най считается богиней нижнего мира, «подземный» и «подводный» в данном случае признаются равнозначными, так что Тёрс Най – это богиня подземного огня, однако, её цвет, как и у Анке Пугос, – красный, в отличие от цвета других нижних божеств. Приклады чёрного цвета приносят Мых Анке, Мых Кону и Атэм Пухут Ики.

Разговор коснулся и семейных обрядов, меня интересовало, главным образом, как во время свадебного обряда регулируются отношения между представителями разных родов, за которыми, так или иначе, стоят разные боги. Сам свадебный обряд хантов не так ярок и даже более прост, по сравнению с русским или коми, хотя и имеет некоторые сходные элементы. Свататься приезжали отец и мать жениха. Заходили в дом девушки и начинали выкладывать на стол еду, ставили бутылку водки. Мать начинала говорить: «Вашему Богу помолиться пришли». Если родители невесты и сама невеста были настроенные благосклонно к сватовству, то на семейном жертвенном месте *йир карэ* совершали совместное *йир*, кровавое жертвоприношение, если же родители невесты были намерены ответить отказом, то мать невесты говорила: «Богу помолиться пришли, так помолимся, если же свататься, то ничего не выйдет». За невесту платили калым – синее или красное сукно. Справляли свадьбу в доме невесты, затем молодые уезжали в дом мужа. Договаривались, что приедут в дом её родителей через год. Зять привозит подарки, обычно это шубы тестю и теще, со стороны молодой жены тоже

отдаривались шубами. Когда молодой человек начинал самостоятельную жизнь и решал, женившись, отделиться от семьи родителей, он должен был сначала принести в жертву Санке оленя, затем он совершал жертвоприношение Ягун Ики, затем жертвовал оленя Кон Ики, после этого – своему *тунху-хранителю*, затем родовому *тунху* жены, и её *тунху-хранителю*. Лишь после этого он волен был построить свой собственный дом и жить своей семьёй.

Вечером этого же дня Аристарх пригласил нас на обряд посвящения ребёнка огню семейного очага. Дочери Аристарха было уже полгода, обряды *пуклын порэ*

Обряд посвящения ребёнка огню родового очага. Александр Каюков сжигает в печи куклу. Фото П. Ф. Лимерова.

и *крещения* были уже проведены, но по каким-то причинам не был проведён этот обряд. Для его проведения ханты выстояли брагу, хотя, видимо, была нужна водка, но её в силу горбачёвских алкогольных запретов у них не было. Обряд должен проводиться возле чувала, наличие которого предполагает открытый огонь, однако, в доме Аристарха вместо чувала стояла обычная чугунная печь-буржуйка, так что обряд проводился возле неё. Ханты встали полукругом к печке, в центре стоял Александр, слева от

него Аристарх, державший на руках ребёнка, рядом с ним его жена – Люба. Дверцу печки открыли, и Александр плеснул в огонь брагу. После этого он стал читать молитвы на хантыйском языке, Аристарх сел на корточки и поднёс ребёнка к самому огню. Александр ещё несколько раз прерывал чтение молитв и плескал брагу в огонь, затем он бросил в огонь куклу, сделанную из скреплённых в виде креста берёзовых прутьев и одетую в красный сак. После этой символической жертвы огонь, покровительствующий этому дому и всем, кто в нём живёт, становится своим и для ребёнка.

15 сентября после завтрака я зашёл в дом Аристарха. Мы попили чай, и разговор зашёл о вещах, вроде бы уже нам известных. Однако мне хотелось уточнить некоторые детали, поэтому я продолжил тему жертвоприношений, начатую накануне в беседе с Александром. Я спросил, какие из жертвоприношений являются наиболее значимыми. Аристарх ответил, что, конечно, это *йир* для Санке и Мых Анке. К примеру, когда умирает близкий родственник или кто-то из родителей, то он уносит с собой удачу из этого дома. Чтобы удача осталась, возле могилы совершают *йир*, после которого шкуру оленя с прикладом из чёрной материи закапывают возле могилы – так, чтобы снаружи оставался кончик носа, а белый приклад для Санке вешают на берёзу. К Санке и Мых Анке можно обращаться хоть каждый день, им молятся, делают *порэ*. Но есть Тарэм Санке, всевышний бог, который старше Санки, и подземный бог Мых Тарэм – отец Мых Анке, которых просто так «вспоминать» даже запрещено. К ним обращаются в последнюю очередь, если, к примеру, человек заболел, а другие боги помочь не могут. В этом

Древние боги. Тюменская область.

случае совершают *йир* для Тарэм Санке и вешают красный приклад на сосну, а шкуру закапывают в землю под елью – для Мых Тарэма. Очень значимым считается *йир* для Тёрс Най Анке, но он проводится редко, один раз в 25 лет.

Для разных духов делают *порэ*, чтобы они не навредили. Я спросил: *йипных* – это злые или добрые духи? Аристарх сказал, что они не злые и не добрые, это души умерших, живущие между небом и землёй. Нельзя ночевать в заброшенном доме – «*йипных* поймает». На охоте им всегда делают *порэ*, приглашают пить чай. Души умерших, даже родственников, встреченные в лесу, также представляют опасность, если вести себя с ними неправильно. Аристарх рассказал случай, который произошёл с его дядей в п. Каюково. «Он пошёл охотиться в урман на третий день после смерти матери. За три дня 300 белок убил. Возвращается домой, а навстречу ему идёт мать и за собой тащит гроб. Он её увидел и бежать. Она бежит следом и кричит: «Сын, не ходи!» А он всё равно убежал. Домой прибежал, всё это рассказал и умер. – Если бы не убежал, – добавил Аристарх, – может, и сейчас бы жил».

Кроме *йипных* в лесу обитают *вунт корях* лесные духи. Они приносят удачу в охоте, но если их не покормишь – навредят. Поэтому когда первый раз идёшь в лес, то обязательно нужно сделать *порэ* «всем лесным духам, живущим на земле и в воде». У каждого бога реки есть свои духи: у Ягун Ики, бога Югана – духи-медведи, у Салымского бога – Соттэм Ики – свои. Всех надо пригласить на *порэ* и угостить, иначе удачи в охоте не будет.

Охотничья удача зависит и от божеств леса и воды – Вонт тунха (Лесного тунха) и Йинк ики (Водяного бога). На Салыме принято перед рыбной ловлей «ставить стол» Йинк ики, при этом кусочки пищи бросают в воду. Изображение Вонт тунха находится в священном лабазе Ягун Ики, надо добавить,

что изображения Вонт тунха ставят, видимо, в священных лабазах и других *тунхов* – как бог леса, он ответственен за охрану участка леса, в котором находится

священный лабаз. Былички о предоставлении Вонт тунхом охотничьей удачи охотнику широко распространены в фольклоре, и Аристарх рассказал одну из них: «Охотник пошёл в лес и убил соболя. А этот соболю был собакой Вонт тунха. Охотник слышит, как Вонт тунх идёт в его сторону и зовёт свою собаку: «Нюхс, Нюхс!» (*нюхс* – хант. соболю). Охотник не растерялся и привязал себя к дереву, а шкурку соболя привязал к нырику (обувь хантов). Вонт тунх подошёл и говорит: «Вот кто убил мою собаку!» Схватил охотника за волосы, стал тянуть изо всех сил, а не может ни оторвать от дерева, ни повалить. «Ну, – говорит, – и люди сильными бывают. Пойдём в дом». Зашли в дом Вонт тунха, развели костёр и стали его палками друг на друга толкать. У Вонт тунха палка сломалась, и охотник прямо на него костёр сдвинул, еле-еле тот успел перепрыгнуть. Вот так охотник победил, а Вонт тунх дал ему охотничью удачу». Для Вонт тунха и Вонт ими, его жены, и их лесных духов также устраивали специальное *порэ*, хотя могли пригласить их и вообще на любую трапезу. Для Вонт тунха и Вонт ими вешали на кедр пёструю ткань или платок.

Почитают ханты и *Вонт ики*, ветер, и его сына *Вонт пах*, который передвигается в виде смерча. Те же юганские рыбаки, когда выходят на промысел, кричат сыну ветра, чтобы он прошёл стороной.

Я спросил, почему на могилах детей ставят изображение кукушки, и Аристарх рассказал мне такую историю: «Раньше кукушка была человеком. Когда-то жили мать и двое её сыновей. Мать просила их ей помочь в домашних работах, но они всегда отказывались. Тогда она сказала, что станет птицей. Дети не поверили матери, а она на разделочной доске вырезала из бересты крылья, хвост и полетела. Дети побежали за ней, но никак не могут догнать. Устанут, сядут отдохнуть, а кукушка тоже садится на дерево и кукует. Дети истёрли ноги в кровь, испачкали кровью кусты, поэтому сегодня багульник красный». Кукушек ханты не убивают, как, впрочем, и некоторых других птиц. Запрещается употреблять в пищу 4 вида уток: *лекольт*, *кичак*, *сат ланки* и *лули*, со всеми четырьмя видами связаны определённые мифологические представления. Запрещается убивать орлов, так как его перья используют для своих стрел Ягун Ики; перья глухаря нельзя использовать для подушек, подушки набивают только утиными перьями. С другой стороны, хвост глухаря вешают на стену в качестве оберега. Никогда ханты не выбрасывают кости убитых животных как мусор, они всегда складывают их в определённое место за территорией посёлка, черепа медведя кладут на крышу лабаза – как оберег.

Это была последняя моя беседа с членом семьи Каюковых из *пупи сир* – рода медведя. На следующий день, 16 сентября, прилетела на вертолёте группа наших коллег, работавших в посёлках на р. Ваглике, и начались хлопоты по подготовке к отъезду. Мы должны были лететь в п. Лемпино, где проживали переселенцы из хантыйских посёлков по р. Салым.

1992 г. Посёлок Пунси

Нефтеюганский район Тюменской области

Василий Ванюшев

Ванюшев Василий Михайлович родился 10 февраля 1936 года в дер. Кусо-Кокся Кизнерского района Удмуртской АССР. Закончил Можгинское педагогическое училище, затем — факультет журналистики Московского государственного университета, аспирантуру в Академии общественных наук при ЦК КПСС.

В 1995 году защитил докторскую диссертацию «Творческое наследие Г. Е. Верещагина в контексте национальных литератур Урало-Поволжья».

В настоящее время работает главным научным сотрудником Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН, заведует кафедрой удмуртской литературы и литератур народов России в Удмуртском государственном университете.

Удмуртский героический эпос «Дорвыжы» и «Биармия» Каллистрата Жакова: общее и особенное

В русле сравнительного литературоведения в статье сопоставляются два авторских, литературных эпоса — удмуртский «Дорвыжы» и коми «Биармия», созданных писателями и учёными М. Худяковым и К. Жаковым на основе сюжетов и образов национального фольклора. Выявляются как общие черты, восходящие к общепермским временам, так и различия, обусловленные неодинаковыми условиями жизни территориально разделённых родственных народов, а также своеобразием творческого потенциала авторов. «Дорвыжы» строится на стремительном сюжетном повествовании, тогда как «Биармия» насыщена лирикой.

Ключевые слова: сотворение мира, Бог — человек — природа; пермский звериный стиль; культ колдовства, песни, знаний; пространство и время; богатыри как руководители воршудно-родовых объединений; освоение и защита территорий проживания; сюжетность и лиризм как стилевые доминанты произведений.

The article deals with comparative analysis of two epics written on the materials of ethnic folklore motives and imagery – Udmurt *Dorvizhy* compiled by M. Khudyakov and *Biarmiya* by K. Zhakov. The epics have both similarities which trace back to the Proto-Permic epoch and differences caused by historical and cultural conditions in which the two related peoples separated territorially live as well as creative potential of the authors. *Dorvizhy* is built on the dynamic development of the plot, while *Biarmiya* is characterized with lyricism.

* Работа создана в рамках интеграционного проекта Президиума Уральского отделения РАН «Литературные стратегии и индивидуально-художественные практики пермских литератур в общероссийском социокультурном контексте XIX – первой трети XX вв.»

Keywords: creation of the world, God – man – nature; Perm animal style; sorcery, song and knowledge culture; space and time; *bogatyrs* (warriors of supernatural character) as heads of clans and tribes; developing lands and defending them; plot and lyricism as stylistic dominants of literature works.

За основу сопоставления двух произведений нами взят текст «Биармии» К. Ф. Жакова (1866–1926), выпущенный в Сыктывкаре в 1993 году в оригинале (на русском языке) и в переводе на коми язык Михаилом Елькиным, в качестве составителя, автора предисловия и комментариев в книге выступает известный коми фольклорист, профессор А. К. Микушев¹. Текст на удмуртском языке, взятый нами за основу сравнения, — это рукописное сочинение М. Г. Худякова (1894–1936) «Из народного эпоса вотяков. Песни, сказания» на русском языке, обнаруженное в 1970 году в архивных фондах Ленинграда Ф. К. Ермаковым, расшифрованное с чернового варианта и реконструированное Д. А. Яшиным и автором данных строк и выпущенное в Ижевске в 2008 году под названием «Дорвыжы» в оригинале и в вольном переводе на удмуртский язык Воръявай Василя (В. М. Ванюшева)².

Общее между этими двумя историко-культурными памятниками коми и удмуртов берёт начало в генезисе родственных народов, каждый из которых в составе финно-пермской общности в VIII веке н. э. обрёл свои особые этнические черты. «Конечно, — пишет А. К. Микушев в своей другой работе, — тот факт, что формирование эпоса пермян происходило, по-видимому, спустя длительное время (не менее пяти-шести столетий) после их разъединения, наложил отпечаток на судьбы эпоса, обусловил специфические черты жанрового состава и образной системы»³. Однако он выявляет и довольно устойчивые общие истоки формирования эпических традиций этих народов. К ним относится, прежде всего, древнее искусство пермского звериного стиля, временные рамки которого обозначаются концом первого тысячелетия до н.э. и XV веком н.э., синхронным по времени ломоватовской археологической культурой Верхнего Прикамья. «В основе его, — продолжает учёный, — центрального сложного зооморфного и зоантропоморфного образа (человеко-лосе-птицы), как и основе образной структуры поздних форм эпоса, лежали тотемические представления древних о всеобщей родственной связи человека с окружающим миром». И там же: «...для коми и удмуртского эпоса столь же неприменны и обязательны мотивы чудесного происхождения человека от медведя, покровительства человеку со стороны тотема — медведя, лося, горноста, чудесных превращений человека в различных животных, идеи преемственной связи трёх миров (небесного, земного и подземного)»⁴.

Касаясь жанрового состава эпоса родственных народов, Анатолий Константинович в качестве характерных выделяет коми-зырянские героические песни,

¹ Жаков К. Ф. Биармия: коми литературный эпос / К. Жаков; сост., предисл., комментарии А. К. Микушева; перевод на коми М. А. Елькина.— Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1993.— 313 с.— На рус., коми яз.

² Худяков М. Г. Дорвыжы: удмуртский героический эпос / Михаил Худяков; редакция и комментарии В. М. Ванюшева и Д. А. Яшина; сост., предисловие, перевод на удм. яз. В. М. Ванюшева.— Ижевск: Удмуртия, 2008.— 140 с.— На удм., рус. яз.

³ Микушев А. К. Коми народный эпос (историко-культурные контакты): учебное пособие по спецкурсу / А. К. Микушев; Сыктывкарский университет.— Сыктывкар, 1989.— С. 4.

⁴ Там же.— С. 4–5.

коми-пермяцкие прозаические сказания о чуди, чудских богатырях и удмуртские легенды о родоначальниках-батырах¹.

«Дорвыжы», как и «Биармия» К. Жакова, представляет собой авторский вариант национального эпоса. Сюжетной основой их является переосмысленный писателями ряд событий, коренящихся на характерных мотивах народного эпоса, в первом из них — главным образом, героического характера, записанных из уст сказателей фольклористами и этнографами и опубликованных в разных изданиях в конце XIX — начале XX века². Главными героями «Дорвыжы» являются именно родоначальники-батыры северных и срединных удмуртов — Донды, Идна, Бурсин Можга, его брат Селта и Докья — женщина-предводительница воршудно-родового объединения, названного её именем. Первичным субъектом речи является некий повествователь, излагающий содержание эпических песен, в старые времена исполнявшихся под игру на крезе, услышанные от столетнего Ожмега из деревни Большая Докья. Сюжетный ход, состоящий из десяти глав-песен, общим объёмом в три тысячи стихов, в хронологическом порядке излагает мифологические и персонифицированные исторические события в фольклорном понимании, включающие в себя картины созидания жизни на земле тремя главными божествами удмуртов — Инмаром, Кылдысином и Куазем, золотой век, беспечную жизнь под опекой богов, затем наказание богами людей за их непристойные деяния. В ответ на настойчивые просьбы о пощаде и обильные жертвоприношения Кылдысин дарит людям крезь, под звуки которого они будут вспоминать богов и устраивать свою жизнь сами. Великим даром Кылдысина удмуртам явилась своеобразная азбука — пусы (пиктографическое письмо), с помощью которых стало возможно не только хранить в памяти и передавать от поколения к поколению порядок жертвоприношений, молитвы-куриськоны, значительные события из жизни народа, но и накапливать, умножать эти знания, а через это связывать себя с грядущими временами и иными пространствами. Так сложилась считая из бересты Священная книга удмуртов.

В народных сказаниях сохранились два варианта исхода истории Священной книги. В одном из них, несомненно метафоризированном, говорится о том, что боги, наказывая людей, послали к ним большую белую корову, которая съела великий дар Кылдысина. Большая белая корова — это, конечно, всёпожирающий огонь. Второй вариант более историзован: когда в родные места удмуртов пришли жестокие иноверцы и стали громить их молельни, Вэсясь, хранитель Книги, сжёг её, чтобы не усугублять противостояния с иноверцами-пришельцами и не дать возможности им глумиться над святынею³. Писатель использует вариант второй, придавая ему в конце произведения кульминационное значение. Кылдысин, говорится в нём, очень рассердился на удмуртов за то, что они добровольно сдались

¹ Микушев А. К. Коми народный эпос (историко-культурные контакты): учебное пособие по спецкурсу / А. К. Микушев; Сыктывкарский университет. — Сыктывкар, 1989. — С. 5.

² См.: Ванюшев В. М. Об удмуртском героическом эпосе. Предисловие составителя / В. М. Ванюшев // Худяков М. Г. Дорвыжы: удмуртский героический эпос // Михаил Худяков; редакция и комментарии В. М. Ванюшева и Д. А. Яшина; сост., предисловие, перевод на удм. яз. В. М. Ванюшева. — Ижевск: Удмуртия, 2008. — С. 19. — На удм., рус. яз.

³ См.: Ванюшев В. М. «Дорвыжы»: к истории текста книжной, авторской формы удмуртского героического эпоса / В. М. Ванюшев // «Калевала» в контексте региональной и мировой культуры. Материалы международной научной конференции, посвящённой 160-летию полного издания «Калевалы». — Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2010. — С. 32–39.

давлениям со стороны внешней угрозы. Будь ты отдельным человеком или целым народом, нельзя предавать себя, свою святыню только для того, чтобы понравиться другим, ладить с ними: у такого народа нет будущего, — формулируется одна из центральных идей произведения в восприятии читателя.

В «Дорвыжы» немало сюжетных фрагментов, построенных на общих для коми и удмуртов мотивах народного эпоса. «Характер коми и удмуртских богатырей нередко раскрывается даже в сходных сюжетных ситуациях, — пишет А. К. Микушев, при этом указывая на многочисленные сцены, утверждающие главные мысли искусства звериного стиля — всеобщую связь природы и человека¹. К числу таких сцен в «Дорвыжы» относятся, например, чудесные превращения Селтабатыра то в медведя, то в ястреба, когда он оказывается вынужденным скрываться и мстить иноплеменным людям, убившим его брата, Можгу-батыра².

То в белку, то в рябчика, тетерева, окуня превращается даже сам Кылдысин, когда люди обманом пытаются вернуть его к себе после того, как он, рассердившись, объявил о своём уходе от них. Отсюда берёт и начало то, что шкурка белки, перья рябчика или тетерева, кости рыбы стали использоваться в качестве символа веры, содержимого воршудного короба в святилищах удмуртов-язычников, эмоционально и ярко описанного в авторском эпосе «Дорвыжы»³.

В нём обнаруживается и отмечаемая А. К. Микушевым перекличка с коми-пермяцкими сказаниями о чудии. В главе «Зэрпалы» удмуртского эпоса повествуется о высоких ростом (лес им только по колено), но глухых существах-гуманоидах, живших на берегах Чепцы и покинувших эти места из-за боязни не выдержать конкуренции с только что появившимися людьми, удмуртами, и ушедших на север и там зарывших себя в пещерах⁴.

Тематический ряд произведения составляют мифологические представления о сотворении мира, происхождении религиозной веры удмуртов, борьбе между отдельными воршудно-родовыми, а также с иноэтническими племенами за овладение территориями проживания, сосредоточении объединяющей силы народа в лице родоначальников-батыров и, наконец, о потере удмуртами самого ценного — Священной книги, подаренной Кылдысином как своеобразной гарантии от забвения духовного опыта предков и постоянного саморазвития этноса.

Минорными нотами завершается последняя глава эпоса. Однако Заключение возвращает нас к оптимистическому началу. Оно звучит в призывах к читателям помнить о благотворных делах батыров, подражать им и жить по заветам Кылдысина.

В основе повествования «Дорвыжы» главенствует сюжетность, стремительное изложение происходивших событий. Иной характер внутренней структуры «Биармии». Она насквозь пронизана лирикой. Неделимая связь человека с природой, звучащая в эпосе пермян, о которой говорилось выше, здесь раскрывается с предельной силой. Она и является, пожалуй, главным идейно-тематическим содержанием произведения. В сорока шести частях его, представляющих собой

¹ Микушев А. К. Коми народный эпос (историко-культурные контакты): учебное пособие по спецкурсу / А. К. Микушев; Сыктывкарский университет. — Сыктывкар, 1989. — С. 29.

² Худяков М. Г. Дорвыжы: удмуртский героический эпос / Михаил Худяков; редакция и комментарии В. М. Ванюшева и Д. А. Яшина; сост., предисловие, перевод на удм. яз. В. М. Ванюшева. — Ижевск: Удмуртия, 2008. — С. 99–100. — На удм., рус. яз.

³ Там же. — С. 59–63.

⁴ Там же. — С. 39–43.

песнопения мудрейшего Комиморта («Тун-волшебник, житель леса, / Чудо-тайна, приворожник, / Чаровник и обоятель, / Комиморт красноречивый / Сердцевед и чернокнижник», — так характеризует его автор-повествователь)¹, происходящее излагается с точки зрения почти каждого из немалого числа персонажей — и людей, и частей природы, наполнено их страстью, переживаниями. Красноствольные сосны, сумрачные ели, разного рода птицы и звери имеют одинаковое с людьми право на слово, они повествуют о событиях, высказывают предположения, догадки, делают свои умозаключения. «Красноствольные на пармах / Сосны бодрые тихонько / Шепчутся промеж собою; / Ели мрачные толпою / Внемлют говору соседок. / Богатырь наш Оксой-Яур / Собрался на Север тёмный, / Вниз по Вычегде широкой, / По Двине потом лазурной — / В Биармию за невестой²», — показывается самое начало событий, развёртывавшихся в произведении, в восприятии сосен и елей бесконечно широкой пармы. От этих едва слышимых слов елей и сосен всё живое вокруг закружилось, завертелось. «Услышавши шёпот леса, / Ош — медведь — заволновался, / Пробежал через болото, / Чрез ручьи, овраги в парме; / Топчет клюкву и бруснику, / Горы, доли просекает, / К берегу стремится Эжвы / На песок реки прозрачной — / Посмотреть на диво-чудо, / На героев многославных, / Путь держащих в Биармию, / В страны севера близ моря / За невестой синеглазой»³.

От топота ног медведя Оша встревожился волк, «жеребёнок дикий, Коин»; увидев, как он «ногам дал волю», «заяц серый, пучеглазый / Испугался тут внезапно <...> / Заложив за спину уши, / Полетел стрелой заяц / Чрез бруснику, голубику, / Чрез кусты черники сладкой, / Мимо ягод земляники / К берегам реки текучей, / Вечно юной, говорливой». За ними «встрепенулся, вскачь пустился» огромный лось Ера, «без оглядки <...> / К водопою устремился». Прибежали звери на берег Эжвы: охватило их волнение: «Что-то важное случилось / Близ реки лучисто-синей!» Птицы тоже заволновались: «Заворчали, затрубили / Песни новые запели / Божьи птицы в синей выси». Писатель даёт нам возможность почувствовать их множество и разнообразие: «Закружились над лесами, / Над рекою синеглазой / Стаи птиц тех красно-синих, / Длинноклювых, краснозобых, / Синепёрых, желтоногих»⁴. И теперь уже мы, читатели, видим основных героев произведения — рыжебородого князя Оксо-Яура, его друзей-помощников: черноглазого туна-кудесника и знаменитого силача-кузнеца Ошпи Лыадорсу и Вэрморта из Ыба, игрока на чудной домбре, — плывущих вниз по течению Эжвы и увиденных глазами птиц и зверей: «Звери, птицы — все глядели / На героев многославных, / В утлой лодке вдаль плывущих / За невестой полногрудой, / Белоснежной, синеглазой»⁵.

Люди живут не только в своём обществе, но в такой же степени и в природе. В то же время природа живёт и жизнью людей, в трудные минуты для них птицы

¹ Жаков К. Ф. Биармия: коми литературный эпос / К. Жаков; сост., предисл., комментарии А. К. Микушева; перевод на коми М. А. Елькина.— Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1993.— С. 31.

² Жаков К. Ф. Биармия: коми литературный эпос / К. Жаков; сост., предисл., комментарии А. К. Микушева; перевод на коми М. А. Елькина.— Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1993.— С. 33.— На рус., коми яз.

³ Там же.— С. 33–34.

⁴ Там же.— С. 34–35.

⁵ Там же.— С. 35.

и звери, друг другу давая знать о беде, дружно поднимаются на помощь. Так случилось, например, когда по злой воле лесной старушки бабы Йомы её чёрная кошка-ведьма Марагди выкрала из люльки младенца Югьдморта и сама старушка-ведьма утащила любимого сына князя Юра и светлой Райды в парму, в своё жилище. В дело включились и медведь, и волк, заяц, лисицы, россомахи, и белый лебедь – птица Каленик, журавль Тури-Ягморт... Общими усилиями младенец был найден, вырван из рук лесной завистницы и возвращён в объятия переволновавшихся родителей¹. Правда, когда по примеру Оксора, царя Биармии, Юр рыжебородый и его помощники-друзья — искусный кузнец Ошпи Лыадорса и песнопевец-чудодей Вэрморт — совершили технические и культурно-исторические усовершенствования в жизни жителей Джеджим-пармы, звери и птицы позавидовали им. Дескать, вот как хорошо зажили люди: на вспаханных полях растут злаки, на лугах гуляют прирученные ими коровы, в огородах зреют овощи — что же нам быть глупыми? Воспользуемся тем, что они заимели! И стали разорять людей. Пришлось великому туну Вэрморту обратиться ко всем зверям и птицам, взывая к послушанию великого бога Енмар и не трогать ничего человеческого. И вся природа снова стала надёжным помощником людей².

Как подчёркивает всё тот же А. К. Микушев, названием одной из своих ранних книг «Из жизни и фантазии» К. Жаков дал ключ к пониманию всей своей будущей прозы³. Но оказалось, не только прозы, но и поэзии. Мир «Биармии» — конечно же, «из фантазии», но в нём очевидна «знаковая символическая иносказательность, метафоричность, нерасторжимая связь с философским кредо автора, с общей концепцией переменного и предела», вызванная наблюдениями его «из жизни». Коми фольклорные сюжеты, мотивы, образы, как подчёркивает исследователь, служат при этом толчком для выражения писателем собственных мыслей⁴. Это утверждение Анатолия Константиновича, несомненно, касается и литературного эпоса. И здесь нам хочется обратиться к коми коллегам, хорошо знающим и национальный фольклор, и «Биармию» К. Жакова: не могли бы они подсказать, какие именно мотивы народных вариантов эпоса нашли писательское осмысление в этом бессмертном произведении?

Нам же, рассматривающим коми литературный эпос в сопоставительном аспекте, предстают перед глазами, прежде всего, иные временные и пространственные рамки сюжета, нежели в «Дорвыжы». Если в удмуртском эпосе основные события длятся от сотворения мира по сути дела до наших дней, то в «Биармии» они разворачиваются в хронологических пределах взрослой жизни одного человека — от женитьбы Оксо-Яура на Райде, «несравненной деве Пармы», дочери царя Биармии Оксора, до её смерти, картин её похорон, этой верной жены князя Перми, Джеджим-пармы, владетеля «Синей Выми, Жёлтой Эжвы, / Красной Сыктив-ю великой, / Локчим-ю глубоководной / И озёр пучинно-глазых, / Симты, Сёйты, Дон-ты, Кой-ты, / Всех зверей и птиц воздушных» в этих краях, родившей двух сыновей — Югьдморта и Мойбыра, успевшей поласкать внука Изьюрморта,

¹ Там же.— С. 100–107.

² Там же.— С. 107–115.

³ Микушев А. К. Коми «Калевала». Об одном неизвестном финно-угорском литературном эпосе и его создателе Каллистрате Жакове / А. К. Микушев // Жаков К. Ф. Биармия: коми литературный эпос.— Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1993.— С. 17.

⁴ Микушев А. К. Там же.— С. 18.

правнуков и немало душевных мук перенёсшей в связи с непростыми судьбами детей. Правда, временные рамки фабулы ощутимо раздвигаются за счёт ретроспективных событий сотворения Земли и всего живого на ней, и всех божеств, добрых и недобрых, богом Енмар, рассказанных туном-чудодеем Вэрмортом по просьбе Югьдморта в его юности¹, а также перспективных, предсказанных птице Рык богом Енмар по записям в своей вечной книге: «Югьдморта правнук будет / Явгымморт, кудесник чудный. / Явгымморта правнук будет / Мудрый волхв Пансотник грозный. / При Пансотнике свершится / Перемена в жизни пармы»². Таким путём временные рамки фабулы условно раздвигаются от сотворения мира до важнейших исторических событий, произошедших в духовной жизни коми людей в XV веке — до миссионерской деятельности Стефана Пермского. Известно, что Пансотник, защищая старую веру коми людей, активно противостоял христианскому просветителю, но проиграл. Как относится повествователь к этим предстоящим событиям — одобрительно или с тревогой? Точно ответить на этот вопрос сложно. Во всяком случае, явных эмоций не выражает. Но в заключительных словах эпоса, высказанных состарившимся Яуром своим потомкам после похорон Райды, явно звучит призыв не забывать добрые нравы старины и традиционного бога Енмар: «О делах великих, старых / Передайте вы потомкам / В песнопеньях чудодейных... / И любите бога Енмар, / Исполняя все законы / Бога высшего на небе»³.

Прославление старины, желание сохранить память о бескорыстных временах единения людей с природой — также один из главных идейных мотивов эпоса Каллистрата Фалалеевича Жакова.

Невозможно пройти мимо и других слов старого Яура, обращённых к потомкам: «Вы живите меж собою / Дружелюбно и согласно / И не сорьтесь по пустому. / Кошкой чёрною бороться / Из-за слова — не полезно»⁴. Это сказано о внутриродовом согласии. Но не забывает он и о добрых межэтнических отношениях: «Избегайте братской ссоры, / Чужестранцев уважайте, / Слабых старцев почитайте. / И любите человека / В каждый час и повсеместно»⁵. Слова эти не просто декларация. Именно так жили князь Оксой-Яур и окружавшие его люди. Описывая его свадьбу с Райдой, мудрейший Комиморт не жалеет времени и терпеливо перечисляет, кто был зван и кто прибыл на это по сути Всёсеверное торжество: «В лодке прибыл Беренделя, / Князь вогульский <...>. / На оленях прибыл Сямдей, / Югры царь он знаменитый <...>. / Самодейский старшина тут, / Того-Лого, мудрый старец, / На собаках появился <...>. / На коне верхом приехал / Кичиморт с далёкой Лузы, / С ним Лунморт, кудесник редкий, / С берегов чудесной Сыктыв. / Бариткула из Сибири / На оленях прибыл скоро, / С ним народы с гор высоких / Из-за Камня, за Уралом. / Тюреньшей, волшебник Выми, / Обоятель, тун-кудесник; / С Вишеры Войморт прехитрый, / Он на лыжах раньше

¹ Жаков К. Ф. Биармия: коми литературный эпос / К. Жаков; сост., предисл., комментарии А. К. Микушева; перевод на коми М. А. Елькина.— Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1993.— С. 130–135.— На рус., коми яз.

¹ Там же.— С. 186.

² Там же.— С. 180.

³ Там же.— С. 186.

⁴ Там же.— С. 185.

⁵ Там же.

прибыл». Обобщая, повествователь справедливо заключает: «Много, много именитых / Появилось на Джеджим / Витязей, гостей всё знатных — / Перечислить нам неможно, / И нет сил имён запомнить»¹. Особо следует сказать о птице Каленик, прилетевшей с берегов Белого моря и Двины. Как почётный представитель природы, она также торжественно сидела в ряду других гостей, неподалёку от жениха, «как лебедь / Матерелый, белоснежный»². Образ этой священной птицы в эпосе встречается многократно, и мы к нему ещё вернёмся.

Не оставались, видно, в долгу и гости, побывавшие у князя Перми, Юра рыжебородого. Комиморт подробно повествует о неблизком пути владельца Джеджим-пармы со своей супругой Райдой и непревзойдённым песнопевцем Вэрмортом на торжества к старшине самоедов, к Того-Лого, который выдавал дочь Сариолу замуж за Тарьяна, князя Югры, и о самом ходе этого шумного и продолжительного праздника, где также было немало званых гостей отовсюду.

Мудрейшим Комимортом природа и тут оказалась незабытой. По дороге на свадьбу, наблюдая за стадами оленей, тун-кудесник Вэрморт высказал о них такие проникновенные слова, что ни Райда, ни даже владелец Джеджим-пармы не удержались от слёз: «Посмотрите-ко, друзья вы, / Яур, князь рыжебородый, / И ты, Райда, дочь Оксора: / Многотрудно добывают / Пищу сладкую олени / Из-под снега, льдов хрустальных. / Бьют копытом в лёд зелёный / И ломают на куски всё, / И под ними белый ягель / Щиплют острыми зубами. / Так себя они питают, / Доставляя жизнь и пищу / Северянам, самоедам, / Кожу белую — в одежды / И рога в посуду людям». И вполне достойно обобщение туна-философа: «О, безвинные творенья / Бога высшего на небе! / Вы — священные сосуды / Жизни сладкой тундр великих». Услышав звуки домбры песнопевца, прибежали олени. «И мычать все стали разом, / И бодаться тут рогами, / Подражая звукам домбры». Повествователь от себя добавляет: «Прыгали в снегах в восторге / Эти дети тундр великих»³. Не видим ли мы и в этом отрывке тесного переплетения и сказки, и реальной жизненной правды?

На свадьбе Сариолы и Тарьяна и была признана непревзойдённая сила колдовского слова великого туна Джеджим-пармы, искусного игрока на музыкальном инструменте и песнопевца Вэрморта. Случилось непредвиденное состязание. Полный зависти, оскорблённый тем, что Вэрморт спел во славу невесты куда лучше, песнопевец тундры Сарго-Яга «рассердился чрезвычайно», высказал коллеге унижительные слова: «Ты прищелец, тун лукавый, / Ты заколдовал героев / Ведь напрасно, бестолково. / Я заклятьем чернодумным / Превращу тебя сейчас же / В волка бурого на тундрах, / Побежишь стрелой из юрты / Волком жёлтым и беззубым!»⁴ Не нарушая этикета и установленного свыше порядка, Вэрморт ответил более чем достойно. Он обратился к другой, такой же как Каленик, священной птице Рык: «Птица Рык в горах священных, / Посмотри на Сарго-Яга: / Святотатцем он явился, / Самозванцем в высшей жизни. / Обрати его ты в зайца / Пучеглазого надолго». И песнопевец тундры тотчас суетливо, испуганно запрыгал зайцем по всей юрте, носился по полянам так, что за ним погнались

¹ Там же.— С. 79.

² Там же.— С. 80.

³ Там же.— С. 152.

⁴ Там же.— С. 156.

лайки. Обеспокоенные участники свадьбы попросили Вэрморта простить дерзкий вызов неразумца. «Птица Рык, живёшь ты правдой, / Исполнительница Енмар. / Ты услышь, прости безумца. / Человека прежний образ / Ты верни ему чудесно»¹, — обратился вновь песнопевец пармы. Когда, обретя свой вид, Сарго-Яга пожаловался матери, что его обидели на свадьбе, он услышал: «Сын мой милый, ты безумец. / Наибольший тун-кудесник / Тот Вэрморт, игрок великий, / На всем севере нет больше / Чернокнижника, сильнее. / Обояться Вэрморта»².

Как и в «Калевале» Элиаса Лённрота, в «Биармии» Каллистрата Жакова, чародейство, способность воздействия силой слова на ход событий, признаётся частью высших сфер деятельности. Этой силой обладает, прежде всего, великий бог неба Енмар. Его представителями в рамках «Биармии» выступают птица Каленик, живущая на Двине, и птица Рык — на вершине Уральских гор. Вслед за ними идут туны-волшебники. Сильнейшим из них оказался Вэрморт. Не счастье, сколько раз своим чудодейным песнопением он спас жителей Джеджим-пармы от нападения иноплеменных злоумышленников, преодолевал всякого рода препятствия на пути задуманного им самим и князем Юром, искусной игрой на музыкальном инструменте и метафорической словесной изобразительностью вызывал радостные улыбки на лицах, счастливые слёзы на глазах людей. Культ слова, культ песни, культ знаний — ещё одна ярчайшая линия идейно-эмоционального содержания эпоса К. Жакова, пронизывающая произведение насквозь. Знание в самых разнообразных аспектах семантики этого слова — наибольшая сила в сущности человека. Недаром Югыморт, первенец князя Юра и царевны Райды, выросший в атмосфере этого культа, захотел быть сильнее даже Вэрморта и потому, вопреки желаниям родителей оставить его дома, ради новых знаний отправился в странствие в чуждальние края и вернулся оттуда действительно ещё более мудрым человеком. Подчёркивая достоинства того или иного героя, Комиморт постоянно отмечает: «тун», «чародей», «кудесник», «песнопевец», чудесными качествами которых, подаренных ему великим богом Енмар, виртуозно владеет он сам. «Славьте, славьте Бога Енмар, / Бога неба, Бога правды, / Устроителя вселенной / И творца всех тварей мира <...> Безболезненно, чудесно / Ен соткал все книги жизни / Комиморта-песнопевца / В ткань едину-чудодейну»³, — исповедуется нам повествователь.

В добавок к картинам поездки Юра и его друзей в Биармию за невестой и его же с женой на свадьбу к самоедам, песня-рассказ Югыморта о своих странствиях намного раздвигает грани пространственной составляющей хронотопа произведения, жизнь основных героев которого проходит в пределах Джеджим-пармы. Плыл Югыморт и по нашим краям — по Каме синеводной, и по Тоболу, Оби многоводной, по Колве, поднимался на высоты гор Уральских, побывал у тунгусов, а также в городах Кыштым и Некор. Во втором из них, в центре сибирских владений Бариткулы, научился читать «книги трудные Китая»⁴, помог этому правителю победить нападавших остяков, за что и получил разрешение владыки

¹ Жаков К. Ф. Биармия: коми литературный эпос / К. Жаков; сост., предисл., комментарии А. К. Микушева; перевод на коми М. А. Елькина. — Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1993. — С. 157. — На рус., коми яз.

² Там же. — С. 158.

³ Там же. — С. 76–77.

⁴ Там же. — С. 176.

Сибири жениться на его дочери красавице Дуури-Кури Таритголу. Таким образом, даже кровные связи, наследуемые будущим правителем Джеджим-пармы, Изьюрмортом, внуком Яура и Райды, тянутся от города Кардор на Двине (столицы царя Оксора, места рождения бабушки) до города Некор (места рождения матери) в глубине сибирских просторов.

В своих этнографических очерках¹, сопоставляя жизненный уклад и мировосприятие этнически родственных удмуртов и коми-зырян, К. Ф. Жаков отмечал не только общее, но и немало различий. Несколько замкнутый характер удмуртов, по его мнению, вызван замкнутостью жизненного пространства обитания их — преимущественно равнинными однообразными лесами. Места обитания коми-зырян, напротив, были перерезаны большими реками, открывающими им пути в разные неблизкие края. Менее благоприятные условия для земледелия определяли их главные источники пропитания — охоту, рыболовство, а впоследствии — и отходничество. Отсюда проистекало то, что люди видели много, а значит, мыслили более широко. Такие различия в жизнеповедении двух родственных этносов, по-видимому, не могли не сказаться в особенностях их эпических сказаний, что и выявилось не только в изображённом мире, но и в стилизовом характере сопоставляемых произведений.

В то же время без особого труда обнаруживаются в них коренные черты финно-пермской общности через лексику, сложившуюся, по-видимому, в общепермские времена. Хотя произведение создано на русском языке, в нём немало говорящих имён, кличек животных и птиц, названий местностей, без перевода понятных не только коми, но и удмуртам. Например, Комиморт — это Коми Человек, Югьдморт — Светлый Человек, Вэрморт — Лесной Человек, Мичаморт — Красивый Человек, Изьюрморт — Каменноголовый Человек... Волк имеет здесь кличку Коин, ворон — Кырныш, журавль — Тури-Ягморт, которые соответственно и «расшифровываются» как Волк, Ворон и Журавль-Боровой Человек. В одном месте назван ряд озёр, с окончанием слов на «ты», что обозначает «озеро». Одно из них — Дон-ты. По-удмуртски звучало бы Дун Ты, т. е. Чистое Озеро.

Литературная стилистика — особый, весьма интересный пласт данного произведения, заслуживающая отдельного рассмотрения. Да и в других аспектах сопоставления удмуртского и коми литературных эпосов мы, думается, положили только начало. Впереди ждут ещё новые не менее любопытные открытия.

В заключение выскажем некоторые размышления о названии произведения.

Смерть Райды совпала с другим важным для сюжетных рамок событием — известием о предстоящем падении царства Биармия от рук рочей-завоевателей. И Яур-князь, и его преемник Югьдморт посылали своих людей на помощь биармийцам. Группа, руководимая Кэртмортом, при участии самого Югьдморта, по-видимому, отогнала вооружённых рочей от границ этой чудесной страны на юг, «обратно к Устюгу»², как они намеревались. Однако, как и предсказывала книга

¹ Жаков К. Ф. Этнологический очерк зырян: отдельный оттиск из журнала «Живая старина». 1901. Вып. 1; Жаков К. Ф. Вотяки / К. Ф. Жаков // Научное обозрение. 1902. № 11. — С. 93–106; Жаков К. Ф. Некоторые черты из истории и психологической жизни вотяков / К. Ф. Жаков // Живая старина. 1903. № 1–2. — С. 172–183.

² Жаков К. Ф. Биармия: коми литературный эпос / К. Жаков; сост, предисл., комментарии А. К. Микушева; перевод на коми М. А. Елькина. — Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1993. — С. 179. — На рус., коми яз.

бога Енмар («Через век страна погибнет / У реки Двины прозрачной»¹), Биармия исчезла. Эта загадочная до нынешних времён страна в глазах читателя только маячит как далёкое, весьма уважаемое пространство со славными и умными людьми. Лишь во время поездки людей Джеджим-пармы за невестой их глазами мы видим немалые естественные и искусственные препоны на пути в Кардор, во дворец царя Оксора. Но не более того. Однако для автора эпоса, судя по названию произведения, образ Биармии означал, по-видимому, нечто большее. Возможно, в духе лимитизма Биармию он метафорически представил в качестве некоего предела, а Джеджим-парму — как переменное, движущееся к этому пределу? Словно многоцветная радуга на лазурном небосклоне, появилась и исчезла Биармия — такова же участь Джеджим-пармы с её светлой правдой, гармонией между богом Енмар, многоликой природой и людьми?

Но это всё — лишь наши догадки.

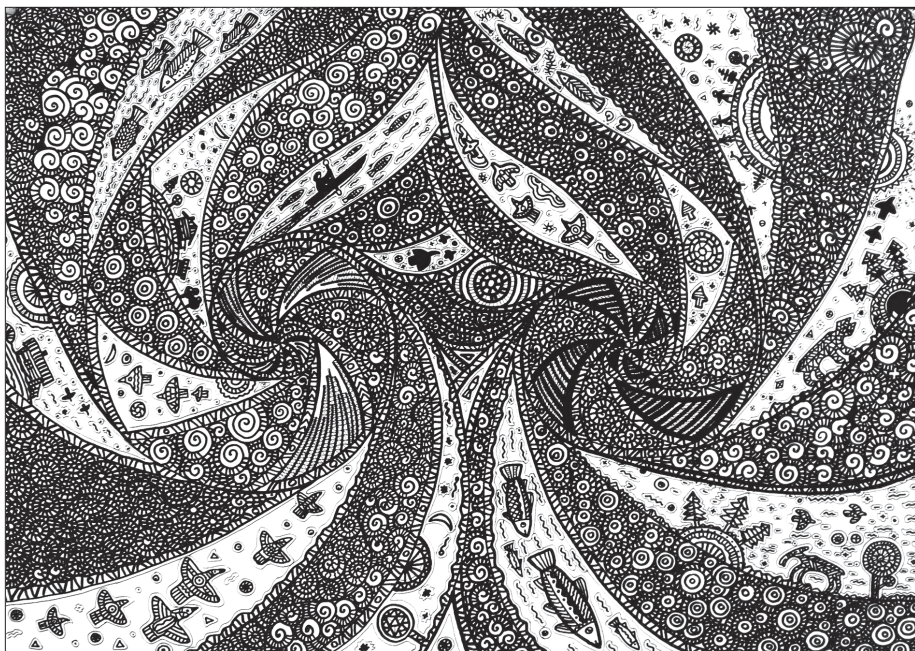
02. 08. 2011.

Ижкар.

¹ Жаков К. Ф. Биармия: коми литературный эпос / К. Жаков; сост, предисл., комментарии А. К. Микушева; перевод на коми М. А. Елькина.— Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1993.— С. 180.— На рус., коми яз.

Арт-факт

Александр Котылев

Котылев Александр Юрьевич, кандидат культурологии. Работает в Коми государственном педагогическом институте на кафедре культурологии.

По эту сторону Биармии

Этнофутуристическое переосмысление прошлого
в работах художника Павла Микушева

Мифологема затерянного мира довольно часто актуализируется в новоевропейской культуре на протяжении большей части её существования. Погружённость этого мира во время или пространство является лишь дополнительным фактором, конкретным способом объяснения его необнаруженности, недоэмпиричности, неявленности органам чувств современного человека. «Биармии» в этом отношении повезло больше, чем «Атлантиде» или, тем более, «стране Му», прописанных в просторах мирового океана, или даже «Беловодью» и «Эльдорадо», которые, хотя и не утонули, но так неопределённо затерялись в предгорьях Саян и Кордильеров, что вряд ли их когда-нибудь припишут к конкретному месту.

Биармия — страна скандинавских саг, относительная историчность которых сегодня общепризнанна. Викинги, на основании описания походов которых они, в основном, создавались, грабили тогдашний европейский мир во всех направлениях. Их поход в относительно бедные северные страны можно объяснить тем, что в южном направлении двигаться было гораздо опаснее: Византия пришельцев не жаловала. Биармия в этом смысле не мене реальна, чем скандинавская Америка — все признают, что они там были, но когда и где именно, сказать сложно.

Интересно, что сказания о Биармии практически проигнорировал Э. Лённрот, для которого отгораживание от Швеции было не менее значимым, чем от России. Однако для отечественных финно-угров всё обстояло не так просто. В начале XX века Биармия становится для немногочисленных финно-угорских интеллектуалов России мифической прародиной, страной возникновения их культуры. Это мироощущение было воспринято ведущим коми интеллектуалом того времени К. Ф. Жаковым. Надо сказать, что Каллистрат Фалалеевич был многие годы занят

поисками своеобразия коми и близких им народов. Недостаток культурной специфики родного народа его весьма огорчал¹, но, признавая этот факт как учёный, он считал вправе противостоять ему в качестве писателя. Жаков-писатель-сказочник-философ постарались придать родной культуре те качества, которых в ней не нашёл учёный. В духе неоромантических поисков, он счёл возможным досочинить то, чего родине не достало, и, прежде всего — эпос. Эпические основания культуры считались в романтической традиции несомненным доказательством её своеобразия. Несколько известных литературных мистификаций XIX века были связаны с подделкой именно эпического фольклора. Литературной обработке подверг материал «Калевалы» и Лённрот, бывший для Жакова непосредственным примером. Впрочем, Жаков ориентировался на самые разные эпические произведения мировой культуры, как авторские, так и древние². Он не стал мистифицировать читателя мнимой автохтонностью произведения, чётко обозначив авторство своей поэмы. Впрочем, чтобы создать мистификацию, нужно было, как минимум, написать текст на коми языке, Жаков же во всём своём творчестве был ориентирован на русскоязычного читателя.

Проблемы исторической идентификации жителей Коми края не в малой степени осложняются тем, что они, по большей части, должны смотреть на себя чужими глазами: все древние исторические источники предлагают взгляд со стороны, взгляд цивилизованных народов с развитым историческим сознанием. Коми такого взгляда не имели до принятия христианства в результате миссии Стефана Пермского. Попытки коми авторов XIX–XX веков выявить аутентичную дохристианскую историю неизбежно вели к мифологизации прошлого.

Создавая пространство своего эпического мира, К. Жаков сумел сопрячь легендарное, мифическое и (в меньшей степени) историческое. В значительной степени это произошло за счёт того, что он не совместил коми землю с легендарной Биармией, но противопоставил их друг другу. Мир родной Пармы оказался по другую сторону той Биармии, которую описывали скандинавские саги. По другую сторону Европы, «старого мира». Новый воображаемый мир должен был придать черты подлинности поискам образованными представителями коми народа своей идентичности. Сочетание опоры на культурное наследие своего народа (пусть и, в данном случае, вымышленное) делает Жакова непосредственным предшественником этнофутуризма, обозначая неоромантические корни этого движения.

Этнофутуризм, возникший как оформленное художественное направление в 1990-е годы в финно-угорских странах и республиках России, является, на сегодняшний день, самой последовательной системой освоения древних пластов культуры пространства нашей страны³. Имея в центре своего поля зрения культуры конкретных малых народов, «оставших» в своём репрезентационном становлении от «развитых» и «старых» народов Евразии, этнофутуризм далёк от какой-либо замкнутости, являя открытость как в плане этническом (финно-угорский мир

¹ Жаков К. Ф. Этнологический очерк зырян // Жаков К. Ф. Под шум северного ветра. Рассказы, очерки, сказки и предания.— Сыктывкар, 1990.— С. 314–353.

² Котылев А. Ю. Титаны переходной эпохи: сравнительно-культурологический анализ автобиографий К. Ф. Жакова и П. А. Сорокина // Историческое произведение как феномен культуры.— Сыктывкар, 2005.— С. 133.

³ Котылева И., Котылев А. Интеркультурное настоящее этнофутуризма // Арт. 2002. № 3.— С. 131–145.

мыслится как целостность, находящаяся в живом общении со славянскими, тюркскими, скандинавскими, балтийскими и другими группами народов)¹, так и в пространственно-временном плане (культурное наследие Евразии осваивается полномерно, вне зависимости от принадлежности его элементов конкретным народам, местам или временам)². Специфика культуры отдельного народа и конкретного региона соотносится, таким образом, с динамическим процессом развития евразийского топохрона, что делает этнофутуризм не узко этническим, но потенциально мировым стилем³. Формируя свои модели воображаемого прошлого, этнофутуристы осваивают образно-символические системы архаической Европы, опираясь, одновременно, на творческие идеи и методы как неоромантизма, так и авангарда. Художники-этнофутуристы наиболее полно и последовательно, на сегодняшний день, освоили архаическое наследие европейской части России. Посредством синтезирующей стилизации они сделали образы петроглифов и произведений бронзовой пластики одной из основ художественного стиля, направленного в своём развитии на репрезентацию современных этнокультур⁴.

Одним из основателей современного этнофутуризма в нашей стране является художник Павел Микушев, обратившийся (совместно с Юрием Лисовским) к разработке образов и мотивов коми земли ещё во второй половине 1980-х годов. Очередное пробуждение этнического самосознания во времена перестройки повлекло за собой формирование нового художественного направления, давшего образно-символическую интерпретацию этого процесса. В своём идеальном виде этнофутуризм должен вобрать в себя всё культурное наследие региона. В частности, для Павла Микушева характерно периодическое (хоть и не последовательное) обращение к художественным формам христианской культуры. Начинается его сознательный творческий путь со стилизации азбуки, созданной святителем Стефаном Пермским, оформленной в виде серии плакатов, и попыток создать рельефные иконы. Одна из последних работ Павла «Предки» композиционно отсылает к христианской иконе (конкретно она очень напоминает икону «Святители Пермские. Стефан, Питирим, Герасим, Иона», представляющую основных святых Коми края). Хотя художник отрицает здесь наличие осознанной связи, говоря, что хотел символически представить свой род по мужской линии, расположение фигур и их облик говорят сами за себя. Скуластые отрешённые лица бородатых мужчин напоминают также стиль пермской деревянной скульптуры, творцы которой антропологически присвоили христианские образы. Возвышенно-ритуальный настрой «Предков» создаётся и удачным сочетанием разных оттенков синего цвета с охристыми линиями шитья одеяний и точек фона.

Впрочем, основная линия развития Пашиного творчества на протяжении всех этих лет следует тому направлению, которое именуется (относительно этнофутуризма автохтонного населения Америки) «утверждением экологического

¹ Розенберг Н. А. Прорубить окно в Азию.— СПб., Ижевск, 2001.— С. 166–170

² Котылева И. Путешествие в мир «другого» // Арт. 2000. № 2.— С. 162–178.

³ Шибанов В. Л. Этнофутуризм как диалог культур // Феномен этнического и глобализация современной культуры народов Поволжья и Приуралья: Художественная практика, дискурс, образование.— Ижевск, 2004.— С. 96–103.

⁴ Котылев А. Этнокультурное наследие в современных художественных практиках // Котылев А. Ю., Котылева И. Н. Шаман и шут. Сборник статей по истории этнофутуризма в Республике Коми.— Сыктывкар, 2012.— С. 73–78.

сознания».¹ Эта линия на российской почве характеризуется несомненным своеобразием, но она так же, как и в Америке, обозначает значимое неприятие символов космополитической прогрессистской индустриальной культуры. Определённое увлечение стилем индейской изобразительной культуры характерно для Павла Микушева. Периодически «индейский след» проявляется в разных его работах, от ранних до самых поздних. Из последних картин, отмеченных этим следом, внимание привлекает работа «Солнца, зимнего сна хранитель». Монументальная птица (такой образ мог бы украсить поверхность сколь угодно большого размера), симметрично развернула полукругом свои декоративные крылья, от которых расходятся последовательные линии, обозначая движение, почти уже скрывшее от наших глаз более светлую поверхность, структурированную вертикальными линиями. Форма головы птицы несомненно напоминает ворона, любимого героя палеоазиатского фольклора, сказания о котором характерны для культур, для мифологий как Азии, так и Северной Америки. Роль, возлагаемая на птицу в картине, вполне соответствует её статусу мифологического посредника, оформляющего переходы между пространствами и временами. Тщательная и праздничная отделка перьев, как и чёткость контура, напоминают стиль ритуальных изображений некоторых индейских культур. Более чёткая привязка здесь не требуется, поскольку она не соответствует общей этнофутуристической трактовке культурного поля.

Космологические модели, которые нередко репрезентируются работами этнофутуристов, заимствующими их в древних мифологиях и фольклоре, зачастую определяют форму этих работ. Композиция картины Павла «Начало» задана формами прямоугольника, овала и контура утки, вписанными друг в друга. В какой-то степени это напоминает известный «матрёшечный» перечень: в сундуке заяц, в зайце утка, в утке яйцо... Однако логика наложений разных фигур имеет в этнофутуризме и вполне формальное значение. Создание ряда уменьшающихся (и, соответственно, зрительно удаляющихся) объектов в какой-то степени компенсирует «плоскостность» этнофутуристических полотен, унаследованный от авангардных экспериментов отказ от создания иллюзии объёма. В этом отношении характерна ещё одна космологическая композиция Павла «Хозяева Пармы», где зооморфная группа (едущая на медведе птица) наложена на фигуру лося, изображённого на орнаментальном фоне. Впрочем, задача организации внутреннего пространства может быть решена и по-другому. В картине «Небесные олени» узнаваемая фигура животного, увенчанного светящимися рогами, повторена много раз в разном масштабе, что и создаёт убедительный образ идущего за вожаком стада, в котором (согласно логике сакрализованных построений) самая большая фигура является не только центральной, но и первой.

Космологические композиции зачастую строятся весьма жёстко, что связано с их нередким восхождением к архаическим прототипам. Статичность троичных и двоичных построений в работах Павла нередко нарушается посредством динамизирующих приёмов. В этом плане характерна картина «Круги на воде», напоминающая скорее эстетику дальневосточных культур. Две изогнутые,

¹ Окладникова Е. А. Экологическое сознание современных художников-индейцев Северной Америки и его древние символы // Общество. Среда. Развитие. («TERRA HUMANA»). 2009. № 1(10).— С. 182–193.

следующие друг за другом «нос к хвосту», рыбы образуют почти замкнутый контур, наложенный на фон динамичной спирали, завёрнутой в сторону, обратную движению рыб. Возникает почти идеальное представление бесконечного движения, соотносимого с мифологическим мотивом вечного возвращения, с изменчивой неизменностью смены времён года, с неотвратимостью круга человеческой жизни.

Плоскостное и контурное решение оформления образов в картинах довольно чётко отсылает нас к их архаическим протообразам: изображениям петроглифов и бронзовой пластики. Древние символические варианты обобщения и репрезентации общечеловеческих идей сегодня служат созданию альтернативной идеологии, в которой обеспечение сохранности изначального мира ставится неизмеримо выше культа обогащения или эфемерной идеи освоения иных планет.

Активное и жизненное начало в полотнах Павла Микушева не ослабляется, но усиливается за счёт их изощрённой декорированности. Важнейшим изобразительным и конструктивным средством при построении работ становится орнамент: наиболее постоянный и этнически определённый их компонент. Орнамент используется не только для оформления фона и подчёркивания выделенности основных образов. Он же зачастую оформляет внутреннее пространство фигур, определяя не только контурное, но и живописное их отличие друг от друга. В принципе, многообразные орнаменты, прихотливо и изобретательно используемые Павлом, можно классифицировать по форме: линейный (горизонтальный, вертикальный, диагональный), полосной, зигзагообразный, спиральный и т.п. Впрочем, эта статья не место для подобной типологии.

Различные методы, разработанные Павлом Микушевым на протяжении почти трёх творческих десятилетий¹, в сочетании с новыми художественными находками, послужили для оформления наиболее большого и целостного цикла его работ: картин, посвящённых поэме К. Ф. Жакова «Биармия». Создание этого цикла в 2010–2011 годах и представление в Национальном музее Республики Коми осенью 2011 года в качестве эксклюзивной экспозиции стало многозначным культурным событием, до сих пор, впрочем, полностью не осмысленным.

Надо отметить, что биармийская выставка оказалась востребована как фон столетия главного музея народа коми, на котором прошло несколько значимых мероприятий. При этом, едва ли не самым распространённым впечатлением стало удивление, которое выражали даже образованные и подготовленные люди, не ожидавшие встречи с подобной интерпретацией поэмы. Что правда, то правда, для коми культуры последовательная визуализация литературного произведения не вполне обычна (если не считать, конечно, детские книжки с картинками, которые издавались в советское время).

Биармийский цикл Павла стал первым последовательным иллюстрированием не только соответствующей поэмы, но и художественных (как и не художественных) произведений К. Ф. Жакова в целом. В какой-то степени это можно связать с изменением социокультурной ситуации: труды Жакова были опубликованы в республике в постсоветское время, когда заказы на художественное оформление уже стали неактуальны, поскольку средства ушли в иные карманы. Аутсайдерское

¹ Котылев А. Орнаментальный полёт Павла Микушева // Котылев А. Ю., Котылева И. Н. Шаман и шут. Сборник статей по истории этнофутуризма в Республике Коми.— Сыктывкар, 2012.— С. 64–71.

положение этнокультур в постсоветском пространстве не предполагало целенаправленного финансирования взаимодействия разных видов художественной культуры (впрочем, это положение сохраняется до сих пор). Для того, чтобы создать цикл иллюстраций к поэме К. Жакова, потребовался целенаправленный энтузиазм художника, ведущего независимый образ жизни и не ждущий заказа от очередной «власти». В образовании «диалога через столетие» между поэтом и художником закономерностей не меньше, чем случайностей. Нет ничего необычного в том, что художник-этнофутурист обращается к творчеству писателя-предшественника. Однако далеко не во всех логических рядах эта культурная перекличка выглядит необходимой. В идеологии, обосновывающей нежизненность культур малых народов России, не остаётся места для подобного диалога, поскольку он может «помешать» эксплуатации очередных нефте-газовых месторождений.

Обращение Павла к наследию Жакова в какой-то степени предопределено совпадением способов обращения к прошлому или, вернее, обращения с прошлым, характерным для неоромантизма и этнофутуризма. Прошлое в обоих случаях берётся не как последовательность событий, подтверждённых историческими фактами, но как комплекс художественных произведений, между собой связанных весьма относительно. Системы архаических образов, используемые неоромантиками и этнофутуристами, отсылают не к жизни конкретных людей и социальных групп, а к общему мировоззрению населения региона, опирающемуся на универсальные для всех народов принципы организации космоса. Работая с поэмой Жакова, Микушев создаёт интерпретацию интерпретации прошлого, не удовлетворяясь выразительными средствами поэмы, но переводя их на язык визуальных образов с применением приёмов, созданных за десятилетия творчества при работе с другим материалом.

Биармийский цикл Павла Микушева состоит из четырнадцати картин, объединённых не только последовательностью поэтических сюжетов, но и единым изобразительным стилем, удачно передающим эпический характер событий. Хронология любого эпоса имеет условно-исторический характер, отсылая к действительно существовавшим странам и народам, но представляя их в мифологизированном виде, далёком от исторической действительности. Организация эпического повествования обычно определяется центральным сюжетом. В «Биармии» К. Жакова таким сюжетом становится брак Яура и Райды. Выделяя из этого сюжета центральные события, достойные самостоятельного представления, Павел проделал большую работу, изучая поэтический текст.

Начальным событием поэмы и живописного цикла становится путешествие князя Яура и его товарищей за невестой. Их путь лежит «на Север тёмный» вниз по Вычегде и по Двине. Эпическую светлую Парму (прародину коми) Жаков расположил где-то в верховьях Вычегды, недалеко от Уральских гор. Павел нарушает порядок расположения героев в лодке, отводя Яуру центральное место, чего, надо думать, требует логика симметричной композиции. Образ ладьи, с плывущими в ней воинами или охотниками, часто возникал в работах Павла в разные периоды творчества. За основу он почти всегда берёт зооморфную форму с головой животного на носу. Этот образ восходит к неолитическим петроглифам Карелии (он же характерен для средневековых кораблей викингов и славян). Первая работа микушевского цикла, несомненно, космологична, что соответствует

и поэтическому описанию. Поход героев приводит в движение всю парму. Ладья изображена внизу и посередине, на орнаментированной полосе реки, обозначающей путь в нижний мир, в верхней части картины симметрично поднимаются утёсы, у которых появились встревоженные животные. Стоящее низко над горизонтом солнце, состоящее из кругов разного цвета (во многих традициях такой образ обозначает знамение), покрывает небо между утёсами тревожными зигзагообразными лучами. Неподвижны и спокойны только сидящие в лодке герои, торжественно смотрящие вверх.

Любой эпос принципиально героичен. Количество главных героев, как правило, невелико. В большинстве случаев они являются воинами. Жаковский эпос в этом плане почти не исключение. Главным его героем поэт делает правителя страны — «князя», следуя, скорее, древним традициям. В микушевском цикле князь выделен рыжей бородой. По словам художника, он не сразу решил на подобное обозначение Яура (на некоторых картинах борода была дорисована позже). В целом же, общая фигура героя однотипна. Она силуэтно, профилена. Герой одет в характерную круглую шапку (скорее, восточного образца), короткую куртку и высокие сапоги (мягкие, поскольку они предполагают сгибы на коленях). Чётко обозначены плечевые соединения, локтевые и коленные сгибы. В какой-то степени образ напоминает деревянных марионеток.

Парадоксальным образом главный воин эпоса ни с кем не сражается. Из вооружённо-героических подвигов Яура выделяется только один: стрельба из лука. Это, собственно говоря, не сражение и даже не совсем охота, а, скорее, состязание в ходе сватовства. Скорее всего, Жаков заимствовал этот мотив в индоевропейском эпосе (в чистом виде его можно встретить в «Махабхарате», в трансформированном — в «Одиссее», в «Царице-лягушке» и т.п.). Живописное произведение позволяет объединить четыре эпизода испытания жениха в одном образе, вновь его космологизируя в репрезентации сторон света и связанных с ними «хозяев пармы». Используемая здесь двухуровневая композиция также характерна для творчества этнофутуристов, обозначая соотношения верхнего и земного миров.

В иных сюжетах (за пределами подцикла «добывание жены») Яур предстаёт не воином, а «культурным героем». Так современные учёные именуют тип героизма, связанный с созданием и передачей значимых умений и предметов. Хозяйственная деятельность Яура (также объединённая Павлом в одной картине — возможность визуального представления разновременных событий восходит к традиционным видам изобразительного искусства, в том числе с иконописью) несомненно роднит его с героями «Калевалы» и, прежде всего, с Ильмариненом. Впрочем, ничего сопоставимого с Сампо Яур не создаёт, просто закладывая основы земледелия и ремесла. Характерно изображение косы-горбуши, вероятно, введённое художником как этнокультурный элемент.

В двух картинах Яур предстаёт как интеллектуал. В первой он явлен создателем первоначальной письменности, занятым процессом её увековечивания путём высекания на склонах Урала. Характерно, что Павел не поддаётся здесь соблазну придания эпическим знакам сходства с письменностью, созданной Стефаном Пермским, несмотря на кое-кем распространяемые утверждения о дохристианском хождении этого письма (этот ход был бы тем более вероятным, коль скоро сам Павел был первым стилизатором стефановской азбуки в современной культуре).

Второй сюжет (замыкающий поэму) представляет Юра автором истории деяний его жены Райды. Фактически Жаков делает князя ещё одним автором своей поэмы (кроме себя и Комиморта, от имени которого, собственно, и ведётся повествование). Подобная многократная отсылка от одного автора к другому характерна для современной постмодернистской организации текста.

Вторым по значению героем поэмы и живописного цикла является музыкант Вэрморт, представитель «мистического» или «магического» героизма. В картинах он пару раз изображается в виде типичной обезличенной фигуры, но в полной мере его сущность явлена в работе, посвящённой мотиву победы над вражеским нашествием. Собственно, Вэрморт в поэме — «автор всех побед», он обеспечивает проход героев в Биармию и их уход оттуда с невестой Юра. В упомянутой картине гигантская фигура игрока вздымается выше гор (голова уходит за пределы полотна). Оцепеневшие от звучания его домры (Жаков почему-то использует украинское название струнного инструмента), враги симметрично застыли в малых лодках, уносящих их обратно, к началу пути.

Женские образы представлены в поэме и в картинах, в первую очередь, оппозиционной парой, происходящих из иных миров Райды и Йомы-бабы. Светлость первой и тёмность второй неоднократно подчёркивается Жаковым. Микушев представляет Райду невестой в двух картинах (в первой её похищает Юр, проводя мимо усыпленного Вэрмортом чудовищного пса; а во второй они празднуют свадьбу под крыльями небесной птицы). В третьей картине Райда изображена уже матерью, празднующей возвращение сына. Йома изображена визуально лишь в одном полотне, в сюжете похищения Югьдморта, наиболее полно выявляющего её сущность. Впрочем, и Райда в поэме, в соответствии с древней эпической логикой, становится источником конфликтов и причиной изгнания Вэрморта из Пармы.

Помимо антропоморфных героев в эпосе действуют «волшебные помощники», основным из которых становится белый лебедь Каленик (действующий в паре с лесным человеком Ягмортом). Павел посвятил одну из наиболее удачных картин своего цикла сюжету возвращения похищенного ребёнка на крыльях птицы, чей полёт меняет мир, расцвечивая его орнаментальными полосами. Ещё одним героем жаковского эпоса является Коми край. Павел не прошёл и мимо этого образа, посвятив эпической Парме картину с изображением семи антропоморфных скал. Этот образ появляется в творчестве этнофутуристов ещё в 1990-е годы, но в биармийском цикле он обретает новое звучание, становясь «визитной карточкой» эпической природы.

Следует отметить, что Павел Микушев проявляет незаурядное художественное чутьё при отборе сюжетов жаковской поэмы, отмечая те из них, которые оказываются неубедительными или не подходящими для визуального воплощения. Так характерным стало игнорирование им сюжетов о деяниях взрослого Югьдморта (правда, в поэме эти истории не развёрнуты). Хотя сам художник говорит, что мог бы изобразить ещё два-три значимых сюжета, представляется, что живописный цикл уже в настоящем виде является полным и самодостаточным. Возможно, что его рождение обозначило новый этап в развитии этнофутуристического искусства, соединив разные этапы его формирования и разные способы осмысления и воображения прошлого, разные методы интерпретации культурного наследия народов России.

Обзоры. Новости. Письма

Елена Остапова

Остапова Елена Васильевна — филология наукаса кандидат, Сыктывкарса государственной университетын коми да финн-угор кафедраса доцент, гижис лирикалӧн поэтика, литература велӧдан теория да методика серти 100 сайӧ удж, дась-тіс школалы да вузлы велӧдчан небӧгъяс.

Вуджӧдчан гы вылын

Сыктывкарса канму университетын некымын во чӧж уджалӧ студентъяслӧн вуджӧдчан-туялан лаборатория, кӧні ми видлалам-донъялам, кызди вуджӧдӧны коми гижӧд роч да мукӧд кывйӧ (финн, англия), и мӧдарӧ, кызди вуджӧдӧма коми кывйӧ роч классика. Вуджӧдчам и асьным.

Уна во чӧж тайӧс вӧчим ас йӧрын, пырджык нуӧдім сійӧс велӧдчан визьӧд. Мӧвпыштім петны велалӧм туйвизысь да босьтны «ӛнджык тема» — вӧзйим нуӧдны сыктывкарса вузъяс костын вуджӧдчысьяслысь конкурс. Шуим комиӧдны роч проза да поэзия, каналан индӧд-тшӧктӧмъяс, финн кывъя текст. Кызкӧ кокниа ӛрта кинисӧ нюжӧдісны уна котыр, быттӧ дыр нин тайӧс виччысьӧмаӧсь. Медводз, дерт, «Арт» журналын уджалысьяс. Елена Евгеньевна Афанасьева юрнуӧдіс художествоа юкӧнӧн, Галина Васильевна Бутырева кужӧмӧн веськӧдліс жюри уджӧн. Вуджӧдны вӧлі вӧзйӧма сьӧкыдкодъ да зӧв интереснӧй кывбур да проза гижӧдъяс: Александр Пушкинлысь «Что в имени тебе моём?», Михаил Лермонтовлысь «Когда волнуется желтеющая нива», Николай Гумилёвлысь «Слово», Тимур Зульфикаровлысь «Вечность», Надежда Мирошниченколысь «На том берегу и трава не растёт»; Юрий Нагибинлысь «Заброшенная дорога», Михаил Пришвинлысь «Старый гриб».

Канму службаӧ да веськӧдлыны велӧдан Коми Республикаса академия бердын Официальной кабалаяс вуджӧдан бюроса уджалысьяс Марина Серафимовна Федина, Ольга Лембитовна Исакова да Нина Алексеевна Попова донъялісны дзик выль пӧлӧс вуджӧдчанног — официальной-делӧвӧй; Сыктывкарса канму университетса доцент Римма Павловна Попова бӧрйис вуджӧдӧм вылӧ ХХ-ӧд нэм заводитчандырся финн кывъя гижӧд да донъяліс сійӧс комиӧдӧмсӧ. Колана ногӧн котыртыны кывъя ордйысьӧмсӧ отсаліс и университетса филологъяслӧн методика кабинетӧн веськӧдлысь Виктория Александровна Молчанова. Нимкодъ вӧлі аддзы-

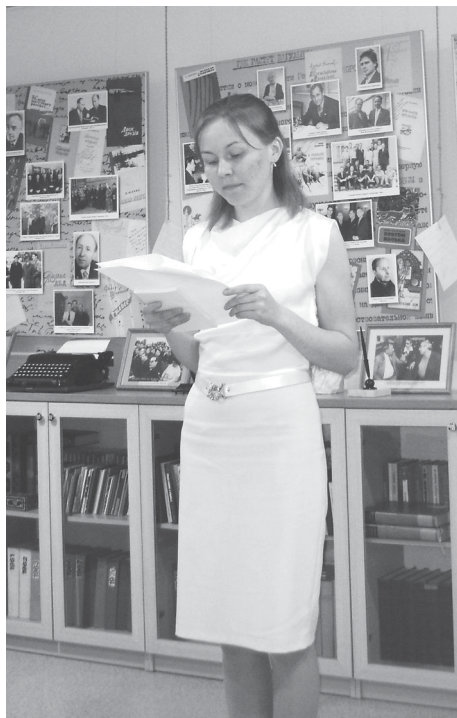
ны миян пöвстын профессор Вера Алексеевна Латышеваос да кывзыны сылысь мывкыд сёрнисö.

Окотапырысь козинъясөн отсалісны «Коми войтыр», Россия Федерацияса финн-угор культура шöрин. Но, дерт, зумыд подувсö вöлі пуктöма Коми Республикаса национальной политика министерствоон. Аттьöалам ставнысö!

И со косму тöлысь 19 повтöм том морт босьтчисны вуджöдчыны. Чайтам, мый тöлысьён найö «вуджисны» выль тшупöдö, öд унаон медводдзаысь видлісны асьнысö выльторйын. Конкурс бöрын удж котыртысьяс, жюри да том вуджöдчысьяс аттьöалим мöда-мöднымöс да кöсйысим водзö сöвмöдны пестöм биторсö.

Тайö дженъыд ордысьöмыс петкöдліс зэв коланатор.

Мортлы колö вын-эбöс овны, та понда колö юксьыны сійön. Татшöм вын-эбöсыс буретш овмöдчöма кывйö, а кык пöв ёнмö сійö художествоа гижöдын, сы вöсна мый художествоалуныс, искусствоыс вермö пырöдчыны морт ловлön медгусяинö. Кор вуджöдчан, мöд кыв пыр быттö сетан висьталöмыслы, гижöда кывйыслы выль олöм, такöд тшöтш озырмöдан ловтö. Вуджöдчöм отсалö водзö мöвпавны. Миян могным — писькöдны водзö туйвизь, корсьны стöч кыв, кужны тыр-бура донъявны миöдз шуёмсö да гижёмсö. Вуджöдöм художествоа гижöд отсалö миянлы бурджыка кывны да гөгöрвоны чужан кывнымöс, донъявны асьнымöс.

Ольга Баженова лыддьö вуджöдöм кывбур.

И туруныс öд мöдлапöлас оз пет, Тан – изйыслön эм быдтан сям. И бипур оз куслы, и ордым оз чег, Но сійö оз овмöдчы тан. О, кедзөвтö татшöма радейтöм зэв! Мед адзывны сійöс кöть здук, Öд помкаыс кутшöмыс сöмын эз вöв, Мед адзывны сійöс кöть здук. И пышйыны эськö, öд ошйысьны нем,

Надежда Мирошниченко

* * *

И туруныс öд мöдлапöлас оз пет,
Тан – изйыслön эм быдтан сям.
И бипур оз куслы, и ордым оз чег,
Но сійö оз овмöдчы тан.
О, кедзөвтö татшöма радейтöм зэв!
Мед адзывны сійöс кöть здук,
Öд помкаыс кутшöмыс сöмын эз вöв,
Мед адзывны сійöс кöть здук.
И пышйыны эськö, öд ошйысьны нем,

Ог пышйы на мыйлако век...
 Но оэйо на бипур, и кажитчис мен,
 Мый ыпнитис модлапов сэк.
 О, кедзовто татшөма радейтом зэв!
 Мед аддзывны мено котъ здук,
 Од бергөдлө помкасө юрас сө пов,
 И доймалө ме моз жө тшук.
 А ме гөгөр турунлөн быдмөм оз кыв,
 А ю саяс – тулыслөн гаж.
 И лайкйөдлө кывъяссө-пыжъяссө гы,
 Но оз нин ков пыжыс мен: важ.

Комиодис Ольга Баженова

Михаил Пришвин

Пөрысь тшак

Луныс вөлі шоныд, весиг өдъя, кор тшакыс петө лапыд, шоныд мусьыс. Но та пөрийо меным тшакнас эз мойви. Воті ме падъянө быдсяма лөпсө: уртшак, гөрд гоб, коч гоб, а дона гобыс сюри сөмын кык. Вөлі кө дона гобыс, мөді эськө ме, пөрысь морт, копрасьны съод тшакла! Но мый вөчан — абутөм вылад и уртшакла копыртчан.

Жарыс вөлі вывті өдъя, копрасьомөйла пытшкөсын ставыс сотчис, и кувмөн окота лои юны. Но татшөм луно съод тшакон гортө ог өд мун! Кадыс вөлі вель тырмымөн на еджыдсө корсьны.

Миян вөръясын овлөны ёльяс, ёльяссяныыс торъялөны чалльөгъяс, насянь — нюрторъяс либө васөдинъяс. Сэтчөдз окота вөлі мен юны, мый весиг лапыд мусө эськө видлі. Но ёлыс зэв ылын вөлі, а зэра кымөрыс нөшта на ылынджык: ёльөдзыс кокөй оз ну, кымөрсө кийө оз судз.

И кыла ме — көнкө козъя тіль сайын руд лэбачтор пивгө: «Пить, пить!»

Татшөмыс овлө: зэр водзын рудов лэбач — зэркай — юны корө: «Пить, пить!»

— Йюк, — шуи ме, — кымөрыс тэнө и кывзыся!

Чатөртлі юрөс, позьо мөй татшөмнас зэр виччысьны: сөстөм енэж ми весь-тын, и мусяныыс ру кайө, пивсянын моз.

Мый вөчны?

А кайыс ас мозыс пивгө: «Пить, пить!»

Нюммуні аслым: со өд ме, пөрысь морт, мыйта нин олі, мыйта нин аддзылі, мыйта нин төдмалі, а тані ичөтик лэбач, и миян ськөд өти көсийөм.

Вайлы, мися, видзөдла ёрт вылам.

Матыстчи видзчысьомөн, шытөг, лэптышти коз лап — но, чолөм!

Тайө өшинь пырыс меным воссис вөрса ыб, шөрас кык кыз пу, кыздзяс улас — мыр, а мыр дорас, пув кор костын, гөрд уртшак, сэтшөм ыджыд, мый

татшөмсө ме олігчөжөн некор на эг аддзыв. Сійө вөлі важсьыс-важ, весиг дорыс (сөмын уртшаклөн овлө татшөмыс) лыбөма.

Та вөсна ставнас уртшакыс вөлі ыджыд джуджыд тасьті кодь, ваён тырөм.
Долыдмис сьөлөмөй.

Друг аддза — шпоркнитө кызд вывсянь руд кай, пуксьө уртшак дорас да нырнас — тюк! ваас. И юрсө — вывлань, медым войтыс горышас веськалас.

«Пить, пить!» — пивгө сылы кызд вывсянь мөд кай.

Сэни ва тасьтіас вөлі вижөдөм ичөтик кор. Со лэбачыс кокыштас, ваыс тірмунас, и корйыс вөрзяс. А ме вөрса өшиньсянныс ставсө аддза да радла и ог тэрмась: уна-ө зэркайыдлы колө, мед юө пөттөдзыс, миянлы тырмас.

Өтиыс юис пөттөдзыс, кызд пу вылө пуксис. Мөдыс сэсся лэччис и тшөтш уртшак дорас пуксис. Медводдзаыс вылісянь мөдыслы пивгө: «Пить, пить!»

Петі ме козьянсьыс сэтшөм гусьөн, мый кайяс эз ёна меысь повзыны, а сөмын лэбисны өти кыддзысь мөдө.

Но пивгыны найө кутісны эз важ мозыс төждысьтөма, а майшасьөмөн, и ме найөс тадз гөгөрвои: өтикыс юасис: «Выпьет?» Мөдыс вочавидзис: «Не выпьет!»

Ме гөгөрвои, мый найө тадзи ме йылысь да вөрса тасьті йывсьыс сёрнитісны: өтиыс нөдіс — «выпьет», мөдыс вензис — «не выпьет».

— Юа, юа! — шуи ме налы гораа.

Но эз нин и сэтшөм кокни мен вөв тайө вөрса, ва тыра тасьтісьыс юны.

Дерт, позис зэв кокниа вөчны, на моз, коді оз гөгөрво вөрса оломсө и локтө вөрас, мед мыйкө босьтны аслыс. Татшөмыс эськө тшак вотан пуртнас видзчысьөмөн вундіс уртшаксө, кыпөдіс вом дорас, юис васө, а ковтөм тшак юрсө швачнитіс эськө матысса пуө.

Кутшөм збой!

А ме ногөн, тадзи вежөртөмъяс вөчөны. Мөвпыштөй асьныд, кызди нө ме эськө верми тадзисө вөчны, син водзам кө пөрысь тшаксьыс пөттөдзыс юисны кык лэбач, да этша өмөй коді метөг на юис, и со ме ачым, кувмөн горш косьмөмла, өні пөттөдз юа, а ме бөрын бара на зэрыс тыртас, и бара ставөн юны кутасны. А сэсся кисьмас тшакас көйдыс — спора, төлыс кыпөдас сійөс и разөдас вөрпасьтала водзө кежлө...

Тыдалө, нинөм вөчны. Ружтышти ме, ружтышти, лэччи пөрысь пидзөс вылам, да кымыньөн воді. Абутөмла, мися, копыртчи ме уртшакыдлы.

А кайясыс! Кайясыс майшасьөны: «Выпьет — не выпьет?»

— Энөй, ёртъяс, — шуа налы, — өні нин вензёй: өні ме воөдчи да юа.

Сэтшөм лөсьыда артмис, мый кор ме кымыняси, то косьмөм льөбйөй буретш өтлаасис тшакыслөн ыркыд вом доркөд. Но сөмын на көсйи ырситны — аддза: водзам кызд пу кор зарни пыжын вөсни вез кузя черань лэччө. Уялыштны көсйө либө юны тшөтш.

— Кымынөн ті тан, окотитысьяс! — шуи ме сылы.— Вай мун...

И өтпырйөн юи вөрса часьсө пыдөсөдзыс.

Нам пишут

* * *

Это уже второе письмо, которое нам прислал Николай Иовович Козлов, пенсионер из Сыктывкара, и мы не могли не откликнуться на эту его поэтическую исповедь, которая состоит из более чем десятка стихотворений. Сегодня мы печатаем одно из них.

Прозрел ли я, ослеп ли я,
Ступив на путь, ведущий к Богу,
Когда меня понять не могут
Родные, близкие, друзья.

Иду по узенькой тропе,
Свернув с дороги, осторожно,
Что было прежде ценно мне,
То нынче видится ничтожным.

К друзьям теряю интерес.
И реже, реже наши встречи.
А голос слышится с небес:
Иди без страха к жизни вечной.

Я — Путь, и Истина, и Жизнь,
Прими слова мои простые,
Смиренно кайся и молись,
Как это делали святые.

И верь, сомненьям вопреки,
Что ради нашего спасенья
Распяты суть и воскресенья
И дар божественной любви.

Мы напечатали стихотворение Николая Иововича так, как оно написано им. Наверное, кто-то придерётся (найдёт — к чему) к каким-то строчкам, но надо ли? При всём своём возможном несовершенстве — это искренняя исповедь человека, которого не сломали недуги, навалившиеся на него, и, обращаясь к поэтическому слову, он находит силы преодолевать эти недуги. Возможно, стихи Николая Козлова и для кого-то ещё станут духовным подспорьем в их жизни.

* * *

На традиционном празднике коми книги (с. Ёртом, 2012 г.) писателям — гостям праздника вручили письма от юных читателей: на Удоре уже не первый год проводится конкурс «Увлечённые чтением», и вот участники этого конкурса как раз и написали авторам тех книг, которые прочитали в разное время.

В том числе — и мне.

Конечно, по этим письмам видно, что детям помогал кто-то из взрослых, но всё равно, читать их было очень интересно и что скрывать — приятно...

Вернувшись из Удоры, я почти сразу же написала ответы, но... отправить письма так ещё и не отправила. А потом подумала, почему бы и письма ребят, и мои ответы не опубликовать в журнале «Арт»? Может быть, это будет интересно не только тем, кому они адресованы?

Если и другие наши поэты и писатели захотят передать свою переписку с юными читателями в «Арт» — добро пожаловать!

Письмо первое

Здравствуй, уважаемая Галина Васильевна! Пишет Вам Светлана Карпухина, ученица 10-го класса Благоевской школы. Как-то раз моя мама спросила, знаю ли я какие-нибудь стихи коми поэтов. К сожалению, я не смогла назвать ни одного. Тогда она посоветовала мне почитать Ваши стихи. Буквально с первых строк я ушла с головой в чтение. Мне очень понравилось стихотворение «Между нами тишина...». Я заметила, что образ «глухой», «оглушительной» тишины нередко встречается в ваших произведениях. Тишина — это очень нужный и, наверное, самый желанный дар, который нужен сегодня городским жителям. Этот дар лечит усталого человека, устраняет несчастье, боль. Ещё одно стихотворение «Дождь за окном. Сумерки» почему-то заставило меня задуматься о том, как неумолимо бежит время. Очень спокойное стихотворение о дождливых сумерках, но между строк — острое чувство краткого лета, украшенного смесью разноцветных живых цветов. Вся жизнь цветов состоит в том, чтобы понравиться человеку, угодить его вкусу; всё на благо человека, на радость ему...

У меня сложилось впечатление, что вы видите природу насквозь. Я очень благодарна маме, что она посоветовала мне именно Ваши стихи, и я не менее благодарна Вам за то, что Вы помогли увидеть мне новый, чудесный мир — природу, о котором я даже не подозревала.

Здравствуй, Светлана!

Спасибо твоей маме (к сожалению, не знаю её имени-отчества), что она посоветовала тебе обратиться к моей книжке. Спасибо тебе — за то, что написала такой тёплый отклик.

Буду рада, если поэзия вообще станет доброй спутницей в твоей жизни.

Вот что сказала известная актриса Татьяна Доронина о поэтах: «Без поэтов,

без их «молитв» мы безгласны. Мы онемеем, у нас атрофируется то, что называется душой».

Поэтому читайте поэтов: Лермонтова, Пушкина, Ахматову, Мандельштама, читайте сегодняшних поэтов-современников наших: Юрия Кузнецова, Геннадия Иванова, Станислава Куняева, Беллу Ахмадулину, Татьяну Глушкову, и т.д. и т.п.

И наших — Надежду Мирошниченко, Нину Обрезкову, Лену Афанасьеву, молодых — Алёну Старцеву, Алёну Шомысову и др. Они, молодые, быстро набираются, учатся у старших. И вскоре, надеюсь, вырастут в настоящих поэтов.

Всего вам доброго!

С уважением, Г. В. Бутырева

01.07.2012 г.

Сыктывкар

Письмо второе

Дона Галина Васильевна!

Неважён ме лыдди Тiянлысь кывбуръяс. И медся ёна сьёлём вылө воис «Йортымдiнö-чужанiнö» кывбур. Сэни Тi гижанныд, мый чужан мутöг мортыс быттö «ки пöла», öд мортöс пыр кыскö аслас чужанiнö. Сидзи и эм.

Кор ме ветла кытчöкö ылö: Украинаö, коть Благоевоö, меным пыр öдйöджык кöсьйысьö локны гортö, öд тани овлісны рöдвуж, чужисны и быдмисны пöльöй да пöчöй, олам öни ми мамöкöд, олöны тани менам воча вокöй да чойöй.

Сиктнымöс кытшовтö Вашка ю, көни ми, ичöt зонпосни, радейтам купайтчыны жар гожöмын, а арнас — чери кыйны. А кутшöм мича вöрыс гожöмнас! Кывзан лэбачьяслысь сьылöмсö. Но арнас ми тшöкыдджыка ветлывлам вөрö Дима вокöкöд. Сийö велöдiс менö кыйсыны.

Тi, Галина Васильевна, тöждысянныд, «воласны-ö гортöдз Тiян сьыланкывъяс»? Воасны и сьёлөмö миянлы пырасны. Öд Тi гижанныд сы йылысь, мый миянлы тöдса да дона.

Зэв ыджыд аттö Тiянлы, Галина Васильевна, кывбуръяссыныд. Кöсья юавны: «Кутшöм небöг Тi öни гижанныд, кутшöм кöсьйöмъяс Тiян эмöсь водзö вылö?»

Сиа Тiянлы дзоньвидзалун. И водзö миянлысь вөрзöдлыны сьёлөмнымöс асланыд кывбуръясөн. Став бурсö Тiянлы!

*Йортымдiн подув школаын 3-öд класса велöдчысь Роман Никитюк
2012-öд вося ода-кора тöлысь*

Видза олан, Роман!

Тэнад гижöдыд медся ёна вөрзöдiс менсьым сьёлөмöс, а таöдз нин ме лыдди некымын гижöд мукöд челядьпоснилысь. Но быдöнлы аттö, дерт, а тэныд медся ыджыд!

Гашкӧ, мӧдысь волігӧн тшӧтш ветлам вуграсьны, петкӧдлан ассьыд чери кыйсянінъястӧ?

Тэ юалан, мый вылын ме ӧні кута уджавны? — колӧ гижны «Арт» журналӧ Йӧртымдінын небӧг гаж йылысь да мукӧдтор. Гашкӧ, заводита ветлӧм-мунӧм йылысь выль небӧг, сідз шусяна документальной проза.

Сиа тэныд став бурсӧ! Вежавидзӧмӧн, Г. В. Бутырева.

01.07.2012 г.

Сыктывкар

Письмо третье

Здравствуйте, уважаемая Галина Васильевна. Пишет Вам ученик 4 класса Горбатов Илья. Я учусь в средней школе посёлка Благоево.

В библиотеке я случайно увидел сборник Ваших стихов, начал его листать и не заметил, как увлёкся чтением. Меня поразили Ваши стихи. Сколько в них счастья, тепла, любви! Мне очень понравилось, что в стихах Вы вспоминаете своё детство, пишете о настоящем и заглядываете в будущее. Я сразу попросил работника библиотеки найти Вашу биографию. Мне стало интересно, кто Вы? Откуда?

О, чудо! Оказывается, мы с Вами земляки! Я узнал, что Вы родились в селе Ёртом, учились в школе этого села, работали учителем и даже были министром по делам национальностей Республики Коми. Наш библиотекарь Елена Ивановна показала мне журнал «Арт», главным редактором которого Вы являетесь. Прочитав Вашу биографию, я понял, что Вы очень интересный человек.

К сожалению, понять и осмыслить все Ваши стихи я ещё не смог, так как они написаны не для детей. Но мне очень понравились Ваши стихи: «Дом», «Ле-доход», «Вашка», «Мартовские сказки», «Кони моего детства». Из них я понял, как Вы любите родной край, его красоту, отчий дом. Я родился в русской семье, коми язык только начинаю изучать, поэтому читал Ваши стихи на русском языке. Я очень удивился, что написаны стихи не в рифму, и обратился к бабушке за разъяснением. Оказывается, в поэзии есть произведения, написанные свободным стихом. Встретилось для меня новое слово — верлибр. Прочитав Ваши стихи, я теперь знаю, что такое верлибр.

Галина Васильевна, большое спасибо за нашу заочную встречу. Желаю Вам здоровья, благополучия и новых стихов.

До свидания.

*Горбатов Илья, 4 класс
МОУ «Благоевская СОШ»*

Здравствуйте, Илья!

Спасибо тебе за добрый отзыв на мои стихи. Спасибо библиотекарю, Елене Ивановне, и бабушке! — что помогают тебе разбираться в таких «материях», как поэзия.

Немногие взрослые люди знают, что такое «верлибр», что такое «свободный стих». Спорят, стихи ли это вообще?!

А я думаю, что если читатель что-то почувствовал своим сердцем, что-то откликнулось в его душе, — наверняка можно говорить о поэзии...

Желаю тебе, Илья, и впредь чаще обращаться к книгам, к поэзии особенно. Я уверена, что именно она более всего «виновата», как «растёт или не растёт» наша душа... Чем больше будешь читать (или смотреть картины, или слушать классическую музыку), тем лучше будешь сам разбираться, что хорошо, а что не твоё...

Всего тебе доброго!

С уважением, Г. В. Бутырева

01.07.2012 г.

Сыктывкар

Письмо четвёртое

Видза оланныд, Галина Васильевна!

Гижö Тiянлы Йöртымдiн школаса 6-öд класса велöдчысь Пантелеев Илья. Миян школаын рака тöлысьö мунiсны коми кыв да литературалы сiöм лунгяс. Коми литература урок вылын ми лыддим да сёрнитiм Тiян «Бурö-визьö» небöгысь кывбургяс йылысь, оформитiм кабинетын стенд «Тöдмасьöй: Галина Бутырева», серпасалим сьöлöм вылö воём кывбургяс, петкöдлiм тöдöмлунгясны-мöс коми кыв олимпиадаын.

Ме дасьтi сёрни «Бурö-визьö» небöг йылысь. Со мый тöдмалi сэтысь.

«Бурö-визьö» небöг петiс кык сюрс витöд воын. Тайö небöгас пырöмаöсь чужан муён нимкодьясян кывбургяс да сыланкывгяс, а сiдзжö уна вуджöдöм кывбур.

Медводдза юкöныс шусьö: «Сöмын öтчюд вöли тулыс». Сэтчö пырисны чужанiн йылысь, челядьдырся кад йылысь казгылöмгяс. Тайö юкөнсьыс ме унатор тöдмалi Йöртымдiн сиктгöгöрса местаяс йылысь. Кывбургясыс гöгöрвоанаöсь, син водзö сувтöны Бакруш, Тiчкан, Табъяг, Вашка, Йöртым, Ертач, Кебшор.

Галина Васильевна, Тi сьöлöмсянь казгытыланнуд челядьдырся кад да дона муса мам-батгöс, сиктса войтырöс, небыд туруна видзгяс, тшака-вотöса местаяс, ичöтик вör керка, гöрд чери, лёль...

Челядьдырсянь
ай-мамлөн муслуныс,
мелiлуныс, югыдлуныс
и öни на пестö
олöм бипурöс —
оз лэдз кусны,
оз лэдз ваймыны...

Мөд юкөн сийма Ыджыд Енлы, кодлысь кевмам-корам дзоньвидзалун, вын-эбӧс, кузь нэм, мед этша вӧлі лӧк да висысь морт Му вылын, да аттьӧалам сийӧс, мый сетӧ мянлы шуда олӧм.

Коймӧд юкӧнӧ пырисны кывбур-сыланкывъяс. Кор кылан сыланкывъяссӧ, сьӧлӧмыд вӧрзылӧ, да лолыд кыпӧдчылӧ енӧждзыс лӧбач моз. Велӧдӧм урок вылын сыланкывъяс: «Лӧбӧ войвылӧ тури», «Эськӧ эски кӧ...», «Кежав таладор». Отсаліс сывны кабинетын «Арт» журналысь диск. Аттьӧ, Галина Васильевна, мый лӧсьӧдӧмныд татшӧм диск. Мамӧлы сідзжӧ воӧмаӧсь сьӧлӧм вылӧ тайӧ сыланкывъясыс, да вомгорулас пыр сыввлывлӧ пач дорас месанитӧн.

Галина Васильевна, меным ӧна кажитчисны Тіян вуджӧдӧм кывбуръяс. Вуджӧдӧмныд Ті ин сӧмын роч гижысьяслысь, но и францияса, японияса, латвияса, финляндияса, эстонияса, весиг аргентинаса поэтъяслысь кывбуръяссӧ. Найӧ дженьыдӧсь, кокниа лыддысьӧны, шусьӧг сямӧсь, ыджыд мӧвп кутӧны, быттӧ сӧвет сетӧны олысь мортлы, лыддысьсысылы.

Токи Дзэммаро (Япония)

Ог кут уджавны — гӧльма,
Кута уджавны — ӧдвакӧ озырма.
И век жӧ — кута уджавны.

Исикава Такабоку (Япония)

Чайта, лӧ кӧ удж
ас серти, сьӧлӧм серти —
помавтӧдзыс ог кув.

Менам Тіянлы эм некымын юалӧм:

- 1) Кор да кӧні гижинныд медводдза кывбур, да кызди сийӧ шусис?
- 2) Ме тӧдмаси вуджӧдӧм кывбуръясӧн. А кутшӧм государствӧӧ удайтчис ветлыны Тіянлы?
- 3) Мый радейтанныд вӧчны прӧст кадӧ?
- 4) Кутшӧм кыв вылын Ті мӧвпаланныд?
- 5) Кутшӧм медрейтана места Йӧртымдін сиктын?
- 6) Кутшӧм автор да сьлӧн гижӧд Тіянлы воӧ сьӧлӧм вылӧ?

Зӧв ыджыд аттьӧ Тіянлы, Галина Васильевна, мича кывбуръясысь. Аттьӧ, мый нимӧданныд чужанін да лӧсьыда казтыланнӧмныд и меным тӧдса местаяс.

Илья Пантелеев
2012-ӧд вося ода-кора тӧлысь

Видза олан, Илья!

Вои карӧ и пыр жӧ пукси гижны вочавидзӧмъяс тӧнад юалӧмъяс вылӧ.

Но медводз аттьӧ, мый бур кывйӧн казтылӧн менам «Бурӧ-визьӧ» небӧг йылысь.

1. Ме велөдчи 4-өд классын и мыйкө буретш сәки гижлі кутшөмкө гижөд-кывбур сяма...

А квайтөд классын участвуиті районса гижысыяслөн конкурсын, кодос нуөдіс «Выль туйөд» газет, и меным вичмис мөдөд места и приз: школьной библиотечка...

2. Меным удайтчис ветлыны матө нелямын странаө. Мукөдлаас — кыкысь и весиг куимысь.

3. Томдырйи, студенталигөн, радейтли ворсны волейболөн, весиг вөлі пединститутса сборнойын. Öнi радейта путешествуитны: подөн, пыжөн, самолөтөн...

4. Мөвпала комиөн, кор сёрнита коми морткөд либө казтыла сыкөд сёрнисө. И рочөн — роч морткөд кө сёрнита да бөрыннас казтыла тайө сёрнисө. Көдкөд сёрнитан (ли казтылан кодос...) — сідз и мөвпалан...

5. Йөртымдінын медся радейтана местаыс Рөвдор. Сән, көн важөн вөлі «перевоз», Сёрдлаө вуджанін, көн важья Вашкаыс крута кежас Көрттувьялань... Важөн сән медся водз петалис масле, быдмис ыжман.

Епископ Питирим волігас та йылысь жө юасис, и ковмис петкөдлыны Рөвдорсө. Сылы сән кажитчис жө.

6. Коми гижысыяс пөвстысь зэв пыдди пукта Геннадий Юшковлысь да Иван Тороповлысь проза.

Поэтыяс пөвстысь медся радейтана Тима Вень, Вениамин Тимофеевич Чисталёв. Ыджыд поэтөн лыддя А. Ванеевөс.

Роч гижысыяс пөвстысь М. Лермонтов медся воө сёлөм вылө, А. Гончаровлөн прозаыс да с.в. Современниктыяс пөвстысь: Ф. Абрамов, В. Астафьев, Ю. Кузнецов да с.в.

Илья! Нөштаысь на аттёбала письмөсьыд. Сиа лыддыны уна бур книга, видзөдны уна пөлөс художествоа выставка, кывзыны классической музыка. Сөмын сэк тэныд лоө овнысө интереснөджык, и ставыс тэнад артмас!

Став бурсө! И тэныд, и велөдысыясыдлы, и гортсаясыдлы тшөтш!

Вежавидзөмөн, Г. В. Бутырева

01.07.2012 г.

Сыктывкар

Письмо пятое

Здравствуйте, уважаемая Галина Васильевна! Пишет Вам ученица 6 класса Захарова Мария. Я живу в деревне Кривое, которая стоит на берегу Вашки. Я знаю, что Вы много раз бывали в этой деревне, где у Вас жили родственники, которых Вы очень любили и уважали. Вы — удивительное явление в поэтической жизни Республики Коми. Когда я впервые взяла Ваш сборник стихов, сразу

подумала о своих родных, близких мне людях. Вы, Галина Васильевна, много стихов посвящаете дорогим Вам родным людям, которые Вас окружают. У Вас есть стихи про село Ёртом, где родились, выросли. Я тоже бывала в этом красивом селе. Заходила в Ваш родительский дом, где встретила с семьёй Козловых, которые приходится нам родственниками. С удовольствием поговорила с ними о Вашем творчестве. Ваши стихи заставляют нас, читателей, глубоко рассуждать, прививают любовь к родному слову. Мне нравится учить наизусть заветные строчки из Ваших сборников стихов, особенно, про родную природу и о коми жителях.

Моя бабушка Римма Васильевна Юдина часто вспоминает Вас добрым, ласковым словом. Она тоже любит читать о малой Родине, о красоте окружающего мира и таинстве человеческих отношений.

Я горжусь, что в нашей республике живёт такая прекрасная поэтесса, которая вселяет в людях надежду на светлое будущее.

*С любовью, Захарова Мария, ученица
6 класса МОУ «Важгортская СОШ»*

04.05.2012 г.

Видза олан, Маша!

Ме чайта, мый тэ коминас гөгөрвоан?

Атьё, мый ыстін меным сэтшом шоньд гижод.

Сиа тэныд и водзё тёдмасьны мукөд гижысьяскөд, тэнад эм гөгөрвоны кужом, сьёлөмпытшкөсса пыді мөвпъяс кылөм.

Став бурсё тэныд, атьё Р. В. Юдина бабыдлы тшөтш!

Вежавидзёмон, Г. В. Бутырева

01.07.2012 г.

Сыктывкар

* * *

«Писать — это странная загадка»: литераторы Республики Коми провели в Москве ряд творческих встреч.

В Москве 31 октября состоялись две встречи литераторов Республики Коми со столичными читателями. Одна из них прошла в Центральной библиотеке им. Н. А. Добролюбова, вторая — в стенах Постоянного представительства Республики Коми при Президенте Российской Федерации. На встречах выступили именитые писатели и поэты Коми — Елена Габова, Тамара Ломбина, Андрей Попов и заместитель главного редактора журнала «Арт» Павел Лимеров.

В рамках работы по популяризации литературного наследия и потенциала Коми Постоянное представительство Республики Коми при Президенте РФ при поддержке РОО «Землячество Коми» ведёт систематическую работу с рядом

московских библиотек. 31 октября в Центральной библиотеке им. Н. А. Добролюбова, что расположена на Смоленской площади, состоялся литературный вечер, на котором перед московскими читателями разных возрастов выступили литераторы Республики Коми — Елена Габова, Тамара Ломбина, Андрей Попов и Павел Лимеров.

За удивительно тёплую и содержательную встречу писателей и поэтов из Республики Коми поблагодарили директор библиотеки Лилия Багрова и её коллеги Елена Молчанова и Сергей Ивашкин.

Не менее тёплой и интересной стала творческая встреча с писателями в Постоянном представительстве Республики Коми, которая традиционно проходит осенью для земляков, журналистов, студентов из Республики Коми и московской интеллигенции. Литераторов поприветствовал Постоянный представитель Республики Коми при Президенте РФ Иван Стукалов. Писатели отвечали на вопросы собравшихся о том, как рождается произведение, что служит толчком для написания стихотворения или рассказа.

По словам Тамары Ломбиной, прочитать собственные стихотворения, значит, доверить потаённые уголки своего сердца: «Самый простой способ для женщины выразить свои чувства — это быть в единении со своей душой и писать, так называемые, женские стихотворения, наполненные искренними переживаниями и эмоциями. Писать — это странная загадка, на этот творческий процесс влияют воспоминания, сновидения и повседневные наблюдения, весь окружающий мир. Писателем становится тот, чья душа не умещается в нём самом и просит излиться», — рассказала Тамара Николаевна.

А Елена Габова на вопрос, почему вы пишете именно для детей, ответила: «Потому что у меня мироощущение подростка, я также могу подуматься, покапризничать. Когда я сажусь писать новое произведение, я представляю и чувствую себя этим детским героем», — приоткрыла завесу тайны своего творчества детская писательница. Она поблагодарила организаторов за добрую традицию проводить в Москве такие встречи: «Мне очень нравится, что у нас в Москве есть Представительство, где можно встретиться по-семейному и устроить литературный вечер, надеюсь, что такие вечера будут и далее проводиться на таком же высоком уровне».

Павел Лимеров, заместитель главного редактора журнала «Арт», не только презентовал журнал, рассказав о его особенностях, тематике, развитии за 15 лет жизни и деятельности, но и представил литературу республики с точки зрения литературного критика, исследователя, этнографа.

Заместитель председателя Коми регионального отделения Союза писателей России, поэт Андрей Попов представил новые книги на коми и русском языках, изданные в Союзе, подарил ряд изданий в библиотеку Постпредства Республики Коми, читал свои произведения, в которых оживали образы северной республики, городов Воркуты и Сыктывкара.

Все собравшиеся поддержали Елену Габову, что подобные творческие встречи, расширяющие представление москвичей о самобытной, талантливой литературе Республики Коми, необходимо проводить и впредь.

Людмила Андреева,
Постоянное представительство Республики Коми при Президенте РФ.

В Сыктывкаре прошёл семинар-конкурс финно-угорских драматургов, его итоги таковы: третье место с пьесой «Сексот» занял драматург из нашей республики Александр Суворов, второе место — удмуртский автор Глеб Павлоид с пьесой «Художник и Надежда», а победу в конкурсе пьес одержал карел Сеппо Кантерво с пьесой «Эхо», рассказывающей о пленных карелах в Финляндии в годы второй мировой войны.

На конкурс, объявленный несколько месяцев назад, пришло двадцать пьес: от авторов из Коми, Удмуртии, Карелии, Марий Эл, Тюменской области, Коми-Пермяцкого округа. Было рассмотрено 13 пьес тех авторов, которые лично участвовали в работе семинара, в том числе — интерактивно: благодаря современным технологиям удалось провести обсуждения и с драматургами, которые приехать

не смогли: по скайпу «круглый стол» семинара связался с Сеппо Кантерво из Карелии, Виктором Крекером из Тюмени и Александром Суворовым, коми автором, который в этот момент находился в Новгородской области.

Павел Андреевич Руднев, театральный критик из Москвы, доцент ГИТИСа, главный эксперт нынешнего семинара, подробно анализировал работы финно-угорских авторов. Им была проведена лекция о положении драматургии постсоветского времени. Вторым экспертом выступила Елена Васильевна Остапова — доцент кафедры коми филологии СыктГУ. Павел

На фотографии: С. Г. Горчакова — художественный руководитель Национального музыкально-драматического театра РК (слева), Павел Руднев — театральный критик, главный эксперт семинара (г. Москва) (справа). Фото Е. Удаловой.

Руднев также дал своеобразный мастер-класс и по режиссуре, и по актёрскому мастерству, связывая все плюсы и минусы пьес с видением не только критика, но и актёра, и режиссёра, и зрителя.

Одной из участниц конкурса стала Алёна Шомысова, коми поэтесса, для которой пьеса «Шувгей» стала первой работой в драматургии. Тем не менее, эксперты отметили творческие способности молодого автора, интересный выбор тем и образов. Пьеса по мотивам удмуртских легенд «Змеиный рог» Ульфата Батретдинова (главного редактора детского журнала «Кизили»), прибывшего на семинар из Удмуртии, была отмечена поэтичностью текста, богатством метафор.

В работе семинара участвовал режиссёр Михаил Гаврилов из Пензенской области, уже имевший дело с финно-угорской драматургией (он поставил пьесу коми автора Алексея Попова «Идущие к свету»), а также режиссёры из народных театров Республики Коми — Помоздинского, Вильгортского и Корткеросского.

Надо сказать, что для Национального театра Коми это не первый опыт проведения подобных семинаров: они уже проводились во время финно-угорских

*Участники семинара-конкурса финно-угорских драматургов.
Фото Е. Удаловой.*

пьесы-малютки. Конечно, проведение таких мероприятий будет зависеть от финансирования. Нынешний семинар состоялся благодаря средствам гранта «Этноинициатива» Министерства национальной политики РК.

Ещё один из важных выводов семинара: такие мероприятия должны привлечь к творчеству молодёжь.

театральных фестивалей для детей и юношества «Ен дзирд». Как организатор семинара-конкурса, Национальный музыкально-драматический театр РК, так и участники и эксперты пришли к выводу, что подобные семинары надо проводить регулярно, хотя бы раз в год; расширить состав участников и организовать лабораторию по созданию постановок: авторы в дни семинара пишут, а режиссёры тут же ставят пробные

*Евгения Удалова, литературный консультант
Национального музыкально-драматического театра Республики Коми*

